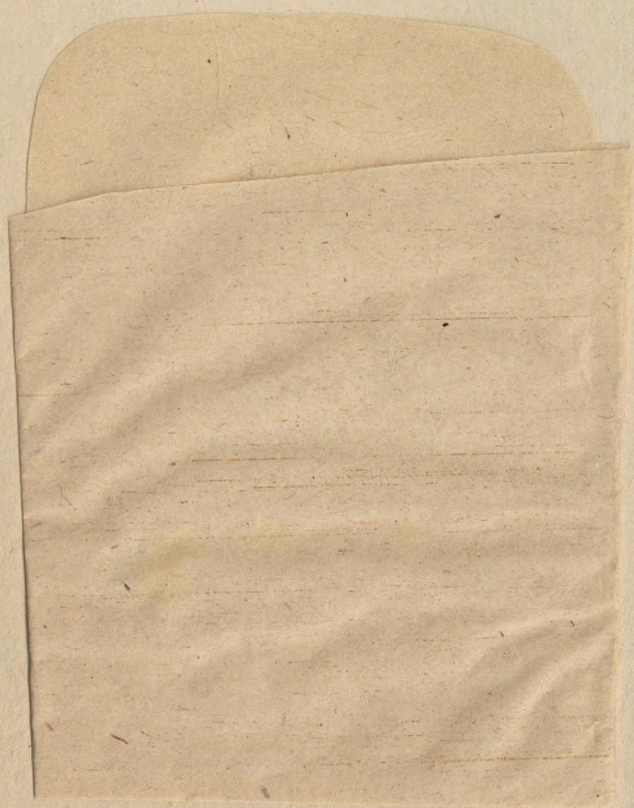

R III 1102605

05

JK

ИЗВЕСТИЯ

ВЯТСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬНОГО
ИНСТИТУТА КРАЕВЕДЕНИЯ.

№ 1.

ИЗДАНИЕ
ВОЛОГОДСКОГО
ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ГОСИЗДАТЕЛЬСТВА

ВОЛОГДА

308 (47.84) (072) (082).

ИЗВЕСТИЯ

ВЯТСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА КРАЕВЕДЕНИЯ.

№ 1.

ИЗДАНИЕ

Вологодского Областного Отделения Государственного Издательства.

1922.

К III 1 10 2605

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Ваврушкина

91(0)
ИЗЗ

+ КМИ

1930.
18/1

877

ОТ РЕДАКЦИИ.

Приступая к изданию Известий Вятского Научно-Исследовательского Института Краеведения редакция ставит перед собою следующую основную цель: Известия должны служить органом общения Научно-Исследовательского Института с провинцией Вятского края. Вятский край во многих отношениях—почти непочатый угол для научных наблюдений и исследований как в области народоведения, так и в области естественно-научных знаний. Собранные здесь материалы не только могут иметь большое значение для местного края, но могут оказать существенную помощь и вообще деятелям русской науки. На местах у нас не мало ценных работников, любящих свой край, одаренных наблюдательностью, даже собирающих краеведческие материалы. Эти лица могли бы оказать неоценимую услугу науке и получить личное удовлетворение от такого рода занятий. Однако, заброшенные в глухие места, не имеющие под руками ни книг, ни каких-либо пособий, лишенные общения со специалистами, они испытывают чрезвычайные затруднения в своих работах, иногда идут по ложному пути, а иногда и вовсе не решаются изложить имеющийся у них богатый материал по интересующему их вопросу. — Заклучая в себе статьи методологического характера, программы для научных наблюдений, статьи общего характера по разным отделам краеведения, библиографические обзоры по тому или другому вопросу, Известия пойдут на встречу запросам с мест и будут в состоянии в известной мере давать руководящие указания. С другой стороны на страницах Известий будут помещаться целиком или в извлечении в сыром или обработанном виде присылаемые из провинции материалы, а также будут печататься сообщения о производящихся на местах научных работах, ответы на вопросы провинциальных научных деятелей и т. п.

Но кроме оказания помощи в собирании научных материалов широким кругам работников в области краеведения, редакция Известий задается и другою важною целью: культивировать узко специальные монографии в той же области, отводя им почетное место в журнале, давать сообщения о результатах научных экспедиций, критические отзывы о вышедших в свет научных исследованиях и изданиях и т. п. Здесь должна также отражаться весьма важная сторона деятельности Научно-Исследовательского Института.

Хотя в высшей степени желательно было бы, чтобы орган Научно-Исследовательского Института издавался в г. Вятке, где действует самый Исследовательский Институт, однако тяжелые условия переживаемого момента не дали возможности осуществить это стремление Института, и Институт с благодарностью принял любезное предложение Вологодского Областного Отделения Государственного Издательства печатать Известия на средства этого Отделения в Вологде.

Вятский Научно-Исследовательский Институт Краеведения.

Вятский Научно-Исследовательский Институт Краеведения, учрежденный 3 февраля 1922 г., возник вследствие яркой потребности в таком научном учреждении для местного края.

Вопрос о создании Института Краеведения был поднят в научной секции Вятского Института Народного Образования. Председатель этой секции профессор Н. М. Каринский в конце февраля 1921 года был командирован в Москву Правлением Вятского Института Народного Образования, чтобы наметить пути к осуществлению поставленной в научной секции задачи. Каринский представил в Академический Центр и Главпрофобр составленную им записку следующего содержания.

„Об учреждении в г. Вятке Института изучения местного края.

1. Вятский край в научном отношении мало исследован. Между тем он представляет для наблюдателя громадный интерес. Здесь исстари живут в соседстве различные народности (удмурт, мари, комиморт, пермяки, бесермены, татары) и все сталкиваются с давних времен с русской культурой. Русское население столь же мало изучено в этнографическом отношении, как и инородческое. Громадный интерес представляет край и в археологическом отношении. Местные архивы содержат значительное число документов XVII и последующих веков, характеризующих местную жизнь в прошлом, ожидающих издания и обследования. С точки зрения естественно-научного знания местный край также изучен слабо. Весьма недостаточны работы по исследованию края в геологическом, зоологическом, ботаническом и других отношениях.

2. Местные исследователи и группа научных работников, приехавших в Вятку, ввиду отсутствия научной организации, не в состоянии ни вести планомерных научных работ, ни передавать свой опыт и методы. Это служит причиной отъезда из Вятки идейно неудовлетворенных и грозит совершенно погасить научные стремления и работы в крае.

3. Идеиная неудовлетворенность, ввиду невозможности получить в Вятке солидную научную подготовку, сказывается и на студенчестве и вообще на молодых и живых силах края, которые стремятся покинуть Вятку для удовлетворения своих научных запросов. Этим именно объясняется постоянный и крайний недостаток в культурных работниках, почему всё местное общество, в том числе и правительственные сферы, весьма заинтересованы в открытии Исследовательского Института.

4. Особенно ярко сказывается на общественной работе недостаток лиц, знающих основательно местный край. В частности, если препода-

вание должно идти не оторванно от жизни, то изучение местного края и приготовление знающих специалистов направит и преподавание края в надлежащее русло.

5. Вышеуказанными соображениями определяется характер института изучения местного края. Институт не может в своих исследованиях охватывать и использовать широко источники по какой-либо дисциплине, но он может полно изучать *местные* источники. Он не удовлетворится, наоборот, одною какою-либо специальностью, но, руководствуясь даже только имеющимися на лицо в Вятке научными силами, будет в состоянии изучать местный край в разных отношениях. В Вятке сейчас работают специалисты—деятели Петроградского, Московского, Киевского и Юрьевского университетов, имеющие достаточный научный ценз по языкознанию, по общественным наукам, по краевой истории, по всеобщей истории, по физике и по биологии.

6. Институт взял бы на себя задачи исследования местного края, создание научной школы в этом направлении по нескольким специальностям и подготовку образованных местных деятелей, особенно педагогов. 1921 г., февраля 28.*

От 1-го марта 1921 г. за № 308 научная секция Вятского Института Народного Образования получила предложение Академического Центра разработать и представить проект плана и штатов Исследовательского Института Краеведения в Вятке. Исполнив это поручение, перед отправлением проекта в центр, научная секция Вятского Института Народного Образования организовала 24 апреля того же года собрание из представителей заинтересованных в этом деле научных учреждений и частных лиц города Вятки, полагая, что Исследовательский Институт может выполнять широкие задачи лишь в том случае, если он встретит сочувствие и поддержку со стороны учреждений и в среде лиц, которым дорого изучение местного края. На собрании, открытом заместителем председателя правления Вятского Института Народного Образования Н. А. Дерновым, кроме профессоров, преподавателей и студентов Института, присутствовали представители следующих учреждений: Государственного Музея Искусства и Старины, Областного Музея, Управления Губернского Архива, Городского Совета Народного Хозяйства, Областной Библиотеки имени Герцена, Исторического Общества, Естественно-научной лаборатории и др. лица, заинтересованные в просвещении края. Председателем собрания был избран проф. Каринский. После заслушания проекта устава Вятского Исследовательского Института Краеведения, сообщения о его задачах и о предполагаемом плане работ по разным отделам Краеведения, собрание единогласно постановило: 1) признать желательною и возможною организацию в Вятке Исследовательского Института Краеведения и 2) признать желательною организацию ассоциации научных учреждений и исследователей края. Далее собрание высказало мнение всеми голосами при 4 воздержавшихся о желательности *немедленно* начать дело создания Исследовательского Института в Вятке.

3 февраля 1922 года проект учреждения в Вятке Научно-Исследовательского Института Краеведения был утвержден в заседании Научно-политической секции Государственного Ученого Совета, а 10 февраля того же года в заседании той же секции постановлено:

а) удовлетворить следующий штат Института: шесть действительных членов, из которых не менее четырех должны быть представителями точных и естественных наук и четыре научных сотрудника, б) утвердить действительным членом Института проф. Н. М. Каринского, поручив ему организацию Института.

Исследовательский Институт Краеведения организован, до утверждения центром директора и действительных членов, в Правлении Вятского Педагогического Института, согласно докладу проф. Каринского, следующим образом. Учрежден временный Совет Института в составе назначенного центром действительного члена Каринского, которому поручено исполнение обязанностей директора Института Краеведения, представителя правления Н. А. Желвакова, с поручением ему замещать председателя временного Совета, и четырех сотрудников, назначенных правлением: П. К. Мейера, Б. С. Лукаша, П. Н. Луппова и В. А. Танаевского.

При первых же шагах своей деятельности Институт уже увидел доверие и благожелательное отношение местных учреждений и частных лиц к его работе. Как отмечено будет ниже, учебные заведения города Вятки оказали существенную помощь в деле организации электротехнической лаборатории для Исследовательского Института, а некоторые частные лица содействовали пополнению коллекций кабинета русской филологии и этнографии.— Совет Педагогического Института в составе профессоров, преподавателей, студентов и представителей правительственных и общественных организаций, в заседании 23 апреля с. г. единогласно принял резолюцию: „Всемерно содействовать тому, чтобы Научно-Исследовательский Институт Краеведения при Педагогическом Институте явился центром, объединяющим и согласующим научную деятельность различных учреждений Вятской губернии“.— Управление Областным Музеем 23 апреля 1922 г. обратилось в Исследовательский Институт Краеведения с просьбою организовать общее руководство научной деятельностью Музея. Согласно этой просьбе в заседании временного Совета Исследовательского Института, совместно, с представителями управления Областным Музеем 29 апреля с. г. постановлено установить симбиоз Исследовательского Института Краеведения и Областного Музея на основании следующего положения.

П О Л О Ж Е Н И Е

о симбиозе Вятского Научно-Исследовательского Института Краеведения и Областного Музея.

Вятский Научно-Исследовательский Институт Краеведения и Областной Музей, в целях поднятия и углубления научно-исследовательского дела в Вятском крае, признали целесообразным согласовать свою деятельность принятием следующих положений.

1. В составе Областного Музея учреждается ученая коллегия, организуемая Советом Научно-Исследовательского Института из его работников и приглашаемых им компетентных лиц.

2. Круг прав и обязанностей ученой коллегии определяется научными запросами Исследовательского Института в области Музейного дела.

3. В процессе работ Областного Музея ученой коллегии принадлежит компетенция:

а) установление общего научно-организационного плана деятельности Музея и определение в соответствии с ним текущих задач Музея;

б) общее руководство научной работой Музея по собиранию, оценке и классификации материалов, касающихся краеведения и по устройству выставок;

в) содействие администрации Музея в насаждении музейного дела и возбуждении интереса к нему общества;

г) научная редакция отчетов по Музею и общее руководство его научно-издательской деятельностью;

д) определение научной компетенции лиц во всех случаях представления кандидатов на должности по Музею, связанные с его научной работой;

е) периодические доклады Совету Исследовательского Института о работе по Музею в целях получения необходимых указаний.

4. Ученая коллегия определяет порядок своей работы и время собраний, руководство которыми принадлежит избранному ею на годичный срок председателю.

5. На заседаниях ученой коллегии присутствует в качестве непременного члена Заведывающий Музеем или его заместитель, а также, по мере надобности, заведывающие отделами и вообще научные работники Музея.

6. Повестка каждого собрания ученой коллегии составляется ее председателем по соглашению с заведывающим Музеем.

7. Ученая коллегия не несет исполнительных функций по проведению в жизнь своих постановлений, так как таковые осуществляются через заведывающего Областным Музеем и подчиненный ему персонал.

8. В распоряжение ученой коллегии предоставляются Музеем средства для оплаты ее работ.

9. Настоящий проект симбиоза подлежит утверждению коллегии Губернского Отдела Народного Образования.

Симбиоз Научно-Исследовательского Института с Областным Музеем, помимо учреждения ученой коллегии, может быть осуществлен и другими формами сотрудничества этих учреждений".

Научная работа в Исследовательском Институте разветвляется в настоящее время следующим образом.

I. Отдел зоологии поручен Б. С. Лукашу. Своими ближайшими задачами этот отдел намечает исследование северных частей Вятской губернии в районах, главным образом, течения р. Кобры и верховьев Сысолы, так как со времени известного путешествия академика Лепехина (1771 г.) эти области остаются совершенно неизученными в естественно-историческом отношении. Ближайшими предметами изучения являются ихтиофауна и орнитофауна края указанных мест. Отдел ставит себе не только чисто научные, но и прикладные знания, в частности, в отношении рыбного промысла, выяснение вопросов, связанных с нерестом стерляди и оборудованием речной рыбозаводной станции; отведено также будет не меньшее внимание отысканию проектируемых охотничьих заповедников и заказников в таежной полосе края.

В настоящее время подготавливается научная экспедиция в вышеуказанный район.

Сверх того отделение предполагает привлечь в число своих работников и виднейших представителей пчеловодного промысла, издавна процветавшего в пределах Вятской губернии.

II. Отдел электрофикации Края поручен П. К. Мейеру. Ближайшей задачей отдела является оборудование электро-технической лаборатории, приспособленной как для научно-технических исследований, так и для технических экспертиз, и снабженной точными измерительными инструментами. Недостаток средств и трудность достать в настоящее время на рынке необходимые приборы заставили отдел обратиться к некоторым учебным заведениям г. Вятки, а именно в Вятский Педагогический Институт, Народный Сельско-Хозяйственный Институт и школу 2-й ступени имени Герцена, которые и предоставили во временное пользование молодой лаборатории ресурсы своих физических кабинетов. В виду этого в ближайшее же время представляется возможным настолько оборудовать и снабдить приборами лабораторию, что она сможет приступить к выполнению градуирования и эталонирования контрольных приборов Вятской электрической станции, которые давно уже дают неправильные показания. По выполнении этой работы отдел предполагает приступить к градуированию и эталонированию остальных измерительных приборов станции и к возможно более полному техническому обследованию всей станции, городской сети и частных установок. Эта работа будет выполняться лабораторией в сотрудничестве с техническим персоналом электрической станции.

Таким образом электро-техническая лаборатория Исследовательского Института сможет с первых же недель своего существования оказывать услуги гражданам г. Вятки, содействуя улучшению дела снабжения их электрической энергией.

III. Отделом этнографии русского населения местного края руководит проф. Каринский. Ближайшей задачей отдел ставит изучение местного языка, народной словесности, народной музыки и обрядов. В организованном проф. Каринским кабинете русской филологии и этнографии приобретаются необходимые книги и пособия, составляются диаграммы и различные таблицы*). В кабинете работает кружок Вятской этнографии, изучающий методы этнографических наблюдений и исследования; членами этого кружка состоят преимущественно студенты Педагогического Института.

Проф. Каринским собрано значительное количество диалектологических материалов из Вятского, Слободского, Орловского, Нолинского, Уржумского, Яранского и Глазовского уездов. Диалектологические сведения доставлены корреспондентами свыше чем из 200 пунктов и доставляются непрерывно в настоящее время.

Кроме того собран ряд данных на специальных экскурсиях в уездах Вятском и Малмыжском. Материалы эти в настоящее время обрабатываются. Отдел поставил себе целью составить: а) общий очерк Вятской диалектологии и б) диалектологическую карту Вятского края.

Отдел приступил к составлению словаря местного края, который должен включить в себя как вообще весь до сих пор появлявшийся в печати материал, так и добываемый отделом в настоящее время через корреспондентов и на экскурсиях.

*) Отметим принесения в дар частными лицами книг и грамот. В. И. Шабалин принес в дар кабинету небольшое собрание Вятских грамот XVII в.; В. С. Осокина подарила местную рукописную книгу 1674 г., важную для топографии Хлынова XVII в., а также содержащую некоторые археологические данные. Завед. Вятск. губерн. отд. Госуд. Издательства т. Вишневский дал средства на приобретение рукописного Евангелия XVI в., весьма ценного в палеографическом отношении, с любопытною вкладною 1552 г.

Отдел приступил к собиранию Вятских народных песен и народных мелодий. Имеется некоторое число песен, до сих пор неизвестных в печати.

Наконец, положено начало собиранию обрядов. Записано несколько вариантов свадебного обряда.

Отдел подготавливает этнографическую экспедицию в Глазовский уезд.

IV. Работы в области этнографии финских народностей производит для Исследовательского Института П. П. Глезденев. Им ведется разработка грамматики языков вотского и черемисского, а также собираются материалы по вопросам народного творчества тех же народностей.

П. П. Глезденев организовал кружок по этнографии краевых народностей и подготовил проект предстоящей экскурсии в область народа мари.

V. Отдел истории Вятского края, включающий и историю народностей удмурт и мари, поручен П. Н. Луппову. П. Н. Луппов организовал кружок по истории местного края, имеющий целью подготовить работников по этому отделу. В Историческом кабинете в текущем году положено начало библиотеки по истории местного края.

Отдел ставит ближайшею целью составить руководство по истории Вятского края ввиду острой нужды в подобном руководстве как для возбуждения общественного интереса к местной истории, так и для возможного введения в школы хотя бы элементарных сведений по этому предмету¹⁾.

Сверх того П. Н. Луппов производит исследования грамотности населения Вятского края по местным архивным материалам и ведет разработку специальных вопросов в области истории края²⁾.

VI. Работы по собиранию и исследованию материалов эпохи революции поручены Институтом Н. А. Желвакову. Н. А. Желваков еще в 1918 году объединил архивы—секретный губернаторский, губернский жандармский и жандармский железнодорожный, составив объединенному архиву опись.

В 1920 году в сотрудничестве с Областным Музеем производил систематическое собирание газет из архивов и учреждений, характеризующих революционное время.

В том же 1920 г. Н. А. Желваков сделал доклад в Историческом Отделении Областного Музея на тему: „Изучение Края в социально-историческом отношении“ и прочел реферат в Областной Библиотеке имени Герцена на тему: „Записки о революции Суханова“.

В настоящее время Н. А. Желваков подготавливает издание материалов, характеризующих ход революции в Вятском крае.

¹⁾ Существующие руководства в рассматриваемой области или совершенно устарели (История Вятчан Вештамова 1807 г., Васильева и Бехтерева 1870 г.) или обнимают сравнительно небольшой период времени (прошлое Вятки Л. Н. Спаской). Специальные книги и статьи сюда относящиеся с трудом возможно отыскивать в библиотеках. Этим и объясняется, что в Вятских школах почти не сообщают сведений по местной истории.

²⁾ В минувшем году в местной газете П. Н. Луппов напечатал статью по истории Черемис и подготовил статью: „Краткий очерк истории Вотьяков“, а также прочел на торжественном собрании в память В. Г. Короленко, устроенном Институтом Самообразования совместно с Педагогическим Институтом, доклад на тему „В. Г. Короленко и Вятский Край“.

VII. Работы в области местного права и хозяйства поручены В. А. Танаевскому.

В первую очередь В. А. Танаевским предположено исследование земельных правоотношений Края, форм землепользования и в частности изучение условий и порядка общинного регулирования землепользования для выяснения технических и социальных мотивов нормировки общиной социальных отношений деревни.

Первоначальной ориентировочной работой намечено: изучение данных Земельных Отделов по урегулированию земельных отношений и производство выборочного обследования на месте. Программы для последнего уже вырабатываются.

В зависимости от результатов этих предварительных работ будут организованы экспедиции для углубленного исследования правовых и экономических условий землепользования.

Научно-Исследовательский Институт, организуя таким образом ряд работ в области изучения местного края и ставя перед собою широкие научные задачи, обращается ко всем учреждениям и лицам, интересующимся какими-либо отделами науки о местном крае, вопросами просвещения края и поднятия культурного уровня его населения, с просьбою содействовать его начинаниям. Это содействие могло бы выразиться: 1) в сообщении, какого рода материалы и исследования в области краеведения имеются на местах и какого рода научные работы (например, по собиранию материала) производятся в настоящее время и 2) в присылке в Научно-Исследовательский Институт Краеведения (Вятка, ул. Дрылевского, 8) материалов применительно к запросам Института, особенно в соответствии с помещаемыми в „Известиях“ программами, вопросами и пр. (Например словарей народных говоров, сборника песен, записи свадебного обряда, документов революции и т. п.). Научно-Исследовательский Институт при этом считает долгом об'явить, что наилучшие работы могут быть им премированы.

Сообщение об уже собранных и собираемых материалах, произведенных и производимых научных работах, а также присылка научных материалов и работ, не только будет иметь чрезвычайную важность для учета и координирования работ во всем крае, для оказания помощи местным деятелям в их научных стремлениях, но и даст возможность выявить как число научных работников по краеведению, так их специальные интересы, а это в свою очередь предоставит Научно-Исследовательскому Институту ценный материал для намечаемого Институтом, при первой к тому возможности, Съезда научных деятелей по вопросам краеведения.

Директор Научно-Исследовательского
Института Краеведения.

Материалы к исследованию Вятского Края в рыбопромысловом отношении.

Изучение биологии и промысла местных рыб составляет одну из очередных задач Вятского Научно-Исследовательского Института Краеведения. Нахождение в пределах губернии вод двух мощных речных систем (Северо-Двинской и Волжской) и многочисленных озер объясняет, как теоретическое, так и прикладное значение, которое связывается с предполагаемыми исследованиями ихтиофауны Края; вопросы рационального хозяйственного использования „водных полей“ губернии должны быть вновь поставлены на очередь в период общего восстановления экономической жизни страны.

Обширность территории губернии¹⁾ предполагает многолетние систематические районные исследования; последние в своей сумме и дадут нам объективное знание о тех сложных явлениях, которые характеризуют жизнь местных водоемов. Вместе с тем будут получены и прочные основы как для охранительных, так и прогрессивных мероприятий, направленных к рациональной организации рыбного промысла, к ограждению рыбных запасов Края, искусственному рыборазведению и т. д.

При этом необходимо оттенить, что лов в пределах губернии стерляди и указания на нахождение нерестовой семги („лохов“) в северных частях Края дают основание полагать, что результаты исследований могут иметь не только местное, но и более широкое значение, распространяющееся и на общую экономику рыбных промыслов северо-двинского и волжского бассейнов. Поставив своею ближайшей задачей экспедиционное обследование некоторых районов губернии, я считаю весьма важным дать предварительную общую картину прошлого и настоящего состояния промысла и выяснить размеры уже имеющих о нем сведений.

Далее мы увидим, что рыбное дело привлекало и привлекает к себе внимание многих учреждений и организаций губернии. Не предвещая его размеров в будущем, можно положительно утверждать, что использование водных угодий имеет и в настоящее время известное значение в экономической жизни губернии; и если животноводству губернии из периода оскудения суждено в будущем достичь лучшей участи, то необходимо всемерно содействовать тому, чтобы и „водные пастбища и питомники“ не были упущены из внимания местными деятелями.

Знакомство с опытом предшествующих лет мы начнем с обзора литературного материала по интересующему нас вопросу. К сожалению, затруднения в получении сведений в делах и разрозненных архивах учреждений, а также и отсутствие части необходимых источников в библиотеках г. Вятки препятствовали мне дать исчерпывающую

¹⁾ Около 134537,7 кв. верст (по И. Стрельбицкому. См. Памятная Книжка Вятской губернии за 1908 г., I, стр. 23).

картину предшествующих работ, вполне желательную в статье посвященной специально Вятскому Краю. Придавая важное значение гидрологическим и гидробиологическим данным в познании биологии рыб, обзор специально ихтиологической литературы я дополнил указаниями на источники по гидрологии и гидробиологии Края, по скольку мне их удалось установить. Подобная сводка для губернии, как мне известно, является первым опытом.

1. Работы, заключающие данные по рыбопромысловым вопросам.

1771 г. Обзор литературных данных по ихтиологии Края я начну с „Дневных Записок путешествия по разным провинциям Российского государства“ акад. Лепехина (1771 г.). В указанном году этот ученый, один из сотрудников Палласа, посетил проездом Вятскую губернию и в частности Кайский край. Описывая окрестности Кайгородка, он делает ценные замечания и о рыбном промысле в данном месте, указывая, что „река Кама во время весеннего вод разлития поделала в берегах и на окружающих оные полях впадины и каналы, которые жителям служат прибыточным и удобным рыболовством, ибо только стоит им выходы из сих каналов перебить колышками и запереть мережками, в которые рыба по слитии с окольных полей вод в великом множестве попадается“. Указание Лепехина для нас ценно, так как дает нам возможность сказать, что несмотря на протекущие с его времени 150 лет, культурное отношение к естественным богатствам Края осталось и в настоящее время совершенно чуждым населению губернии: как и во времена Лепехина, так и в наши дни вятский рыболов стремится построить выгоду своего промысла исключительно на шаткой основе хищнического рыболовства.

1807 г. Дальнейшие сведения мы встречаем в работе Зябловского, которая в подлиннике мне осталась недоступной (Землеописание, IV, 67—73; изд. около 1807 г.). Выдержки из этого труда мы находим в статье Штукенберга (см. ниже).

1816 г. В 1816 году появилась на немецком языке работа Эрмана „Путешествие по Вятской губернии летом 1816 года“. (В переводе см. „Памятная Книжка“ за 1894 год. Автор упоминает 13 пород рыб в том числе белорыбицу; общий улов оценивается им в 10.000 п.

1857 г. В 1857 г. выходит „Памятная Книжка Вятской губернии“, где мы встречаем (Отд. IV, стр. 221) указание на число ловцов в 1856 г. (2859 ч.) и оценку общего улова в 57 тыс. пудов. Это максимальная оценка, которую мы вообще встречаем для Вятской губернии.

1858 г. В 1858 году выходит в русском переводе (с немецкого) вышеупомянутая работа Штукенберга (Статистические труды, изд. сына автора А. Штукенберга, ст. XXII, Описание Вятской губ.). Автор ограничивается лишь извлечениями из работы Зябловского и приводит сверх этого некоторые данные по материалам Вятских Губ. Ведомостей за 1841 год (№ 9). По цитируемым из Зябловского сведениям общий улов около 1806 года достигал до 10.000 пудов, оценивался в 18 т. рублей и давал заработок до 8.000 человек. Необходимо отметить большое несоответствие в показаниях о количестве улова с данными „Памятной Книжки“ за 1857 год.

1860 г.—1870 г. Мы можем миновать бессодержательные заметки в „Памятных Книжках“ за 1860 и 1870 год.

1873 г. В 1873 году в „Памятной Книжке“ мы встречаем первый опыт всестороннего описания рыбного промысла в Вятской губернии (стр. 47); сверх этого в этом же сборнике имеются сведения о судостроении (стр. 33) и вязаньи сетей (стр. 36).

1876 г. За 1876 год упомянем статью Белова „О поимке белуги близ Вятки“. События, сопровождавшие вылов этого редкого „гостя“ вятских вод, до сих пор живы в памяти вятских старожилов¹⁾. Заметка была напечатана в Вятских Губ. Вед. за 1876 г.²⁾.

1881 г. Для полноты картины упомянем о статье И. В. Немировича-Данченко отмечающей значительный („чудесный“) лов рыбы на Каме у с. Пьяный Бор.) (см. „Русская Речь“ IX, 1881 г., ст. „Урал“).

1882 г. Укажем и на этнографическую заметку в связи с рыбным промыслом, помещенную в „Памятной Книжке“ за 1882 г. (Общие сведения стр. 38). Здесь отмечен своеобразный обычай рыбаков с пасхальным воском.

1883 г. В 1883 году в „Памятной Книжке“ мы найдем данные о сетном производстве (II, стр. 38).

1884 г. Данные „Памятной Книжки“ за 1884 год ограничиваются кратким указанием на породы ловимой рыбы.

1889 г. За 1889 год в „Памятной Книжке“ встречаются указания о стоимости рыбы в 1887 году в Вятской губ.³⁾.

1894 г. За 1894 год в „Памятной Книжке“ помещена в переводе вышеуказанная статья Эрдмана И. Ф. („Путешествие по Вятской губернии летом 1816 года“).

1895 г. Вышедшая в 1895 году „География Вятской губернии“ Лаврентьева ограничивается краткой заметкой о рыбном промысле Края (стр. 27), не дающей ничего нового.

1902 г. Новые и в высокой степени интересные сведения встречаем мы в скромных статьях замечательного „отшельника“ Синегорского Края П. Ф. Книзе⁴⁾. (Очерки Синегорского Края. Перепечатано из №№ 18, 20, 24 и 29 приложений к Вятским Губ. Вед. за 1902 год).

Его указания на лов нерестовой семги („лохов“) в окрестностях верховьев р. Кобры заслуживают самого серьезного внимания, так как присутствие лохов указывает на нахождение в этом районе мест нереста северо-двинской (беломорской) семги⁵⁾. [Проектируемая мною в текущее лето экспедиция одной из своих задач как раз и ставит выяснение вопроса о нахождении мест нереста семги в пределах Вятского Края]. Не менее ценны указания на нахождение у дер. Зенковы и близ Лобаново (в Дугинском Логе) палеонтологических остатков рыб.

1904 г. В работе Кротова В. от 1904 года мы находим новые данные по палеонтологии рыб Вятской губернии (см. „Рыбы Пермских отложений России“. Труды Об. Естеств. при Казан. Унив., том XXXVIII, вып. III).

¹⁾ Белуга была, по рассказам очевидцев, длиною до 8—9-ти аршин при весе около 35 пудов (см. об этом также у Покровского А. С. за 1909 год стр. 114).

²⁾ В 1879 г. В Вятских Губ. Ведомостях (№ 87 и 89) печатались статьи „О мерах к устранению вредных способов рыболовства в Вятской губ.“

³⁾ В 1890 г. В „Материалах по описанию промыслов Вятской губ.“ в II, стр. 174, было помещено детальное описание производства сетей.

⁴⁾ Биографические данные о нем см. Д. Зеленин, „Кама и Вятка“. Путеводитель стр. 135. 1904. Юрьев (Дерпт).

⁵⁾ Впрочем, точно неизвестно, что здесь наз. „лохом“.

1906 г. В работе 1906 г. Л. С. Берга имеются сведения о рыбах системы Ветлуги и указание о лове *Caspiomyzon Wagneri* (Kessler) в р. Вятке Малмыжского уезда (см. Берг Л. С., Рыболовство в бассейне Волги выше Саратова, вып. 4; Рыболовство в IV смотрительском участке Деп. Земледелия. 1906 г.

1908 г. В статье Кучина И. В. за 1908 год есть небольшая заметка, ценная для характеристики мероприятий Губернского Земства по охране рыбных запасов Края (см. Кучин И. В. „О развитии рыбодоводства в водах Урала и Приуралья“. Уфа 1908 г.).

1909 г. В 1909 году в „Памятной Книжке“ помещена статья Круликовского, Л. Это первая сводка по фауне Вятской губернии; в отношении рыб автор ограничивается перечислением, по опросным сведениям, пород ловимых рыб. Как первая сводка по фауне Края статья имеет значение и в настоящее время (см. „Памятная Книжка“ 1909 года, отдельные статьи, стр. 55, 56). В том же 1909 году вышла работа Покровского А. С. (Труды Рыбного Комитета т. I, Деп. Зем. Приложение 2. Рыболовство в 5-м Смотрительском районе (р. р. Кама, Вятка и др.).

Это первый крупный труд, поставивший своей задачей изучение биологии и промысла рыб Вятского Края. К сожалению, все сведения, сами по себе весьма ценные и многочисленные, представлены в общих сводках по рыболовству Камы и Вятки; поэтому специфические особенности промысла по конкретным районам и водоемам Вятской губернии лишены желательной рельефности. Вместе с тем не всюду проведено строгое различие между данными по личным наблюдениям и по опросным сведениям; между тем данные эти далеко не равноценны. Нет также и перечисления мест лично посещенных исследователем. Отсутствие этих желательных деталей, конечно, не умаляет значения этой лучшей работы по рыбам Вятского Края.

Говоря о работах за 1909 год мы должны отметить и выход специального журнала посвященного рыболовству (и охоте) Вятского Края. Журнал возник по инициативе Ф. П. Кунилова, сотрудника местной газеты „Вятская Речь“. До 1915 года журнал редактировался единолично Ф. П. Куниловым, а с указанного года совместно с С. А. Богатыревым¹⁾. Журнал с самого же начала своего возникновения не ограничивал свою задачу спортивно-любительскими интересами, но одним из мотивов своего возникновения указывал „настоятельную необходимость встать на защиту разумной, правильной постановки охоты и рыбной ловли, добиться установления мер, ограждающих от расхищения народные богатства“ (см. редакционная статья 1909 г. №1—2). Практически журнал стремился к организации местных рыболовов и к освещению всех вопросов общего и местного значения, связанных с рыбным промыслом. Значительное внимание уделялось также отражению рыбного промысла и спорта в литературных статьях. Помимо этого журнал вел издание книг и пособий по рыбному делу и организовал специальную библиотеку при редакции журнала. Намечались также проекты организации собственного книжного склада и

¹⁾ До 1910 года включительно, журнал носил название „Рыболов-Охотник“ ежемесячный иллюстрированный журнал рыболовства, рыбоводства и охоты. В 1911—1912 году, помещая по-прежнему статьи и об рыбной ловле и об охоте, журнал носит название „Рыболов и охотник“, с 1913 года он выходил двумя отделами: „Рыболов-охотник“ и „Охотник“.

мастерской рыболовных (спортивных) принадлежностей; в журнале предполагалось, далее, уделять место вопросам педагогического характера, в связи с изучением местной природы.

К сожалению, этот орган, ставший на широкий и плодотворный путь просвещенного отношения к вопросам местного промысла, должен был, из-за финансовых затруднений, прекратиться в 1918 году. (Последний год его издания).

1911 г. Последним трудом, посвященным рыбному делу Вятской губернии, явился, насколько мне известно, „Отчет Правительственного Инструктора по рыбоводству для Вятской губернии К. И. Воронова за десятимесячный период (с марта по декабрь 1911 года. Вятка 1911 год)“. Подобно тому как работа Покровского (1909) явилась первой общей сводкой всех имеющихся данных по рыбоводству в естественных водоемах губернии, работа Воронова К. И. является единственной и очень ценной сводкой всех работ Земства по организации прудового рыборазведения. Намечая проэскты дальнейшего развития рыборазводного промысла, давая образцы разработанных анкет по промыслу рыб, этот отчет имеет крупное значение и в настоящее время.

На этом мне приходится закончить обзор литературных данных по рыбному промыслу Вятской губернии. В заключение отметим, только без даты, одну заметку О. А. Гримма „Земство и рыбное дело“ (по ответам земств на анкету Новгородской Губ. Земской Управы). В заметке есть некоторые указания о деятельности Вятского Земства по рыбному делу.

II. Обзор работ по гидробиологии.

В гидробиологическом отношении Вятский Край совершенно не изучен. По гидрофауне я могу отметить лишь вышеупомянутую работу Круликовского Л. 1909 год. (Краткий очерк фауны Вятской губернии; „Памятная Книжка“ за 1909 год, отдельные статьи, стр. 36—69).

В его сводке можно найти данные и по фауне водоемов. Имеется также заметка Зернова С. А. (Заметка о животном планктоне р. Шошмы и Вятки, Малмыжского уезда, Вятской губернии. Дневник Зоол. Отд. Общ. Любит. Естеств., Антроп. и Этнограф. т. III, № 2).

По гидрофлоре мне известны лишь работы Н. Буша; а именно Буш, Н. Материалы к флоре Вятской губернии, вып. I. Флора уездов Вятского, Орловского и Нолинского. стр. 33. Труды Об. Ест. при Казан. Унив. т. XXI, вып. 2, 1889 г.).

Приведем список некоторых форм флоры озер, прудов, заливов и стариц рек.

Буш, Н. Материалы по статистике Вятской губернии т. V; Нолинский уезд вып. 1, стр. 29, II. 1889 г. (Озерно-речная фация; список найденных форм).

Буш, Н. Краткий очерк растительности Вятской губернии (см. „Памятная Книжка“ за 1892 г. Разнородные сведения, стр. 278) Список найденных прибрежных и водных растений.

III. Обзор работ по гидрологии.

Краткие данные по гидрографии рек можно встретить уже в работах Рычкова (1770—1772 г. „Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства“), Лепехина (см. выше цитированная работа за 1771 г.) и Эрдмана (см. выше, 1816 г.).

В 1839 и 1841 г. в Вятских Губ. Ведомостях помещались статьи Корнилова Ф. о Слободском уезде, касавшиеся и водоемов уезда (см. Корнилов Ф. „Статистическое описание Слободского уезда“ Вятские Губ. Ведомости 1839 г. № 14—16, 22—25; 1841 г. № 1—3, 5, 7, 21).

С 1857 года в „Памятных Книжках“ помещаются отдельные данные по гидрографии вод Вятской губернии: о вскрытии и замерзании р. Вятки, Камы и др. водоемов, о колебании уровня реки Вятки и т. д. В имеющемся у меня неполном собрании этих книжек с 1857 по 1916 год сведения указываются за годы 1857, 1866, 1867, 1870, 1873, 1880, 1882, 1888, 1891, 1892, 1894, 1897, 1898, 1909, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1907, 1908, 1909, 1911, 1912, 1913, 1914, 1916. (Сведений нет в книжках—1860, 1881, 1883, 1889, 1890, 1896, 1900 г.).

За 1894 год отметим работу Кротова П. „Орогидрографический очерк западной части Вятской губернии (Труды геологического комитета, т. XIII, № 2, 1894 г. с гидрографической картой).

За 1902 год в вышеупомянутой работе Книзе имеются краткие сведения по гидрографии рек Синеглинского Края.

С 1903 года начали выходить издания Статистического Отделения Вятской Губернской Земской Управы—„Сборники материалов по оценке земель Вятской губернии“. В этих поездных сборниках в выпусках „Описания в почвенном отношении“ имеются некоторые данные по гидрографии водоемов.

В 1904 году вышла работа Синцова И. Ф. „О буровых и копаных колодцах казенных винных складов“. Записки Петр. Минерал. Об. Петроград 1904 год, XLII, вып. I. В работе, среди прочих анализов, приводятся данные по р. р. Каме (у Сарапула), Вятки (у города), Чепцы (у Глазова) и Уржумки. По поводу этих анализов рек Вятской губернии необходимо отметить, что анализы показанные для Чепцы и Уржумки проведены по образцам, взятым из источников питающих водопроводы складов, а не из самих рек. Далее справедливость заставляет подчеркнуть не отмеченный Синцовым факт, что все анализы Камы и Вятки и часть анализов Чепцы и Уржумки проведены не автором, а Вятским гидрологом В. Н. Поповым¹⁾.

За 1905 год имеются гидрогеологические данные по окр. г. Вятки в работе горн. инженера Рябинина А. П. („Исследование в гидрогеологическом отношении ключей, питающих Вятский гор. водопровод“. Вятка 1905 г.).

За 1908 год отметим статью Наумова П. „Краткие сведения о Вятской губернии“, „Памятная Книжка“ за 1908 г. Отд. 1, стр. 58—60. Есть данные по гидрографии рек.

В связи с данными по гидрологии отметим материалы по картографии рек Края. В 1908 году Наумов П. дал краткий обзор истории картографии Вятской губ. (см. „Памят. книжка“ за 1908 г., где и можно найти сведения по данному вопросу до 1908 года)²⁾. Из карт изданных после 1908 г. отметим:

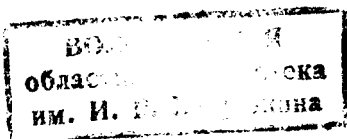
1) 1910 г. Карта Вятской губ. Изд. Дорожн. Отд. Вятского Губ Зем. Масштаб в англ. д. 10 вер.

2) 1912 г. Карта Вятского уезда, составлена в 1912 г. Вятской Уездн. Земск. Упр. Масштаб в англ. д. 2¹/₂ в.

¹⁾ По сообщению В. Н. Попова.

²⁾ Две старые карты, не отмеченные Наумовым,—изданий Кучина и Красовских остались мне недоступными; о них см. Кротов „Матер. по геолог. Вятск. Губ. III“. Труды Об. Ест. при Каз. Унив. VIII, в 2, 1879 г.

1102605

3) Лоцманская карта р. Вятки от г. Слободского до устья. Изд. Мн. П. С., Сборник Казан. Окр. Пут. Сообщ. вып. LXXIV. Здесь же приводятся данные об уровнях воды р. Вятки и о времени вскрытия и замерзания.

1917 г. Лоцманская карта р. Вятки от Кирсинского завода до г. Слободского, изд. Мин. Пут. Сообщ. Казан. Окр. П. С. вып. ХСVI, масштаб 10 верст в 0,01 саж.

1917 г. Карта Вятского уезда 10 в. в дюйме. Сост. П. К. Шиплецов. Изд. В. Уездн. Зем.

1917 г. Карта Вятской губ. и сведения к ней. Емельянов ¹⁾.

Обзор деятельности некоторых учреждений края в связи с рыбным промыслом.

Естественно-Научная Лаборатория Вятск. Област. Музея.

Единственной организацией Края, ставящей своей задачей научное исследование фауны Края, являлась до настоящего времени Ест. Научн. Лаборатория Вятск. Обл. Музея, начавшая свою деятельность 17 ноября 1918 г. ²⁾. Недостаток специалистов, в связи с отсутствием материальных средств, и соответствующих помещений препятствовали работе этого учреждения в желательном объеме; в частности по исследованию ихтиологии Края деятельность ограничилась случайными сборами небольшой коллекции рыб окрестностей г. Вятки. Весной 1920 г. мною в Совет Музея был представлен проект экспедиции по обследованию севера Вятской губ. (течение р. Кобры и верховье Сысолы) в топографическом, геологическом и биологическом отношении; хотя проект, предварительно одобренный на с'езде опытных учреждений губернии, под председательством А. А. Зонова, и был Советом принят, но отсутствие средств помешало осуществить предполагаемые обследования.

Кружок рыболовов.

„Кружок рыболовов-любителей“ организовался весной 1909 г. по инициативе любителей рыбной ловли удочкой Ф. П. Кунилова, Д. Ф. Новикова и В. Н. Харина (см. печатный отчет за 1909—1910 г.). Официальным печатным органом кружка был избран упомянутый журнал „Рыболов-Охотник“. Помимо спортивных целей кружок ставил своей задачей „изучение жизни и разведение рыб“. С последней целью, в 1911 г. возбуждался вопрос о приобретении Кружком собственного рыбообразного пруда; в 1912 г. было возбуждено ходатайство перед Деп. Земледелия об отпуске средств для исследования рыболовства Вятской губ. Уже с этого, 1912 г., Кружок стремится реагировать на проектируемые рыболовные законодательства и одновременно ходатайствует пред начальником губернии о борьбе с хищническим рыболовством. Эту почетную деятельность по защите рыбных запасов от бесмысленного уничтожения Кружок не оставил и до последнего времени.

¹⁾ Отметим также „Подробную карту Слободского уезда“ Куронтева за 1878; 10 в. в дюйме;—и „Схемат. карту Вятской губ. с разделением на почвенные и оцен. районы. Изд. В. Оцен. Ст. Отд.

²⁾ Вятский Обл. Музей возник в конце 1918 г., взяв в свое ведение остатки б. Алабинского музея при Реальном училище. См. № 184 Вятских Известий Сов. Р. С. и Кр. Деп. за 1918 г.; статья А. С. Лебедева.

10646

Так, 8/III 1921 г., Кружок ходатайствует перед Губернским Исполнительным Комитетом о восстановлении, в основном, рыболовных правил 28/V—1918 г. Хотя это ходатайство и не было удовлетворено (см. ниже Обязательное постановление I/IV—1921 г.), Кружок все же вновь в том же 1921 г. выступает с новой докладной запиской и добивается права представительства в Губ. Продовольств. Комитет при выработке правил рыболовства на 1922 г. В текущем году, 15/II, Кружок выступает с тем же, в общем, ходатайством 1921 г. и на этот раз с положительным результатом. С поправками¹⁾ проект „Обязательного постановления“, приложенный к докладу 15/II—22 г. и представленный Кружком в Под'отдел Животноводства, был утвержден Губерн. Исполн. Комит. и опубликован в апреле с./г.:²⁾.

К ходатайству 8/III—1921 г. была приложена небольшая записка о необходимости устройства заповедников из некоторых водоемов под гор. Вяткой из числа придаточных вод, известных, как места нереста; к ходатайству же от 15/II—1922 г. приложен доклад „Об оскудении рыбных богатств Вятского Края и о мерах борьбы с этим явлением“. Доклад этот, как суммирующий опыт местных культурных рыболовов наблюдателей настолько ценен, что я считаю полезным привести из него некоторые выдержки. Констатируя прогрессирующее обеднение рыбного населения бассейна р. Вятки, доклад указывает следующие основные причины этого печального явления: 1) несоответствие запретных сроков с жизнью рыб и действительными потребностями рыболовства и отсутствие запрета на установку сплошных запоров; 2) устройство в орудиях лова слишком мелких ячей и просветов, ловлю маломерной рыбы, употребление вредных истребительных снастей, а также ядовитых и взрывчатых веществ; 3) отсутствие надзора за рыбной ловлей; 4) малую культурность населения и совершенное незнакомство его с правильным ведением рыбного хозяйства.

Упомянем также о существовании и уездных организаций рыболовов (Уржум, Елабуга, Котельнич и Сарапул).

Перейдем к деятельности официальных органов в отношении рыбного промысла.

Деятельность Губернского Земства.

Уже в 1878 г. Вятское Губернское Земское Собрание возбуждало ходатайство об охране рыболовных угодий от хищнического лова и о распространении на губернию правил, выработанных экспедицией Н. Я. Данилевского; и в последующее время Земство прилагало много усилий к поднятию рыбного дела, обратив особенное внимание на рыбководство. В связи с этим необходимо отметить: 1) назначение в Вятскую губ. инструктора по рыбководству, 2) земские издания по вопросам устройства прудов и рыборазведения и 3) субсидирование крестьянских хозяйств при устройстве рыборазводных прудов. Особых правил для рыболовства, насколько мне известно, Земство не издавало, и промысел в губернии в то время регулировался центральными постановлениями. За последние годы деятельности Земства действовал закон 3-го

¹⁾ См. ниже; деятельность Губернского Земельного Отдела.

²⁾ Проект был подписан Председ. Правления Круга П. Антоновым и секретарем Н. Рущих. Поправки внесены были Под'отделом Животноводства. В мае месяце 1922 г. Губ. Исп. Комитет издал дополнения к своему „Обязательному постановлению“.

июля 1902 г. (см. Свод законов т. XII, часть 2, изд. 1903 г.), с последующими изменениями по закону 9/V и 20/XII—1911 г. и распоряжению 20/VIII—1913 г. Необходимо также отметить деятельность Земств по изданию „обязательных постановлений“ направленных к ограждению водоемов от загрязнения (напр. „обязательное постановление“ для населения Вятской губ. за 1915 г.).

Деятельность Губерн. Земельного Отд. по прекращению деятельности земских учреждений.

28-го мая 1918 г. было издано „обязательное постановление Вятского Губ. Земельного Отдела Сов. Раб. Солд. и Кр. Депут. о ловле рыбы для всех местностей Вятской губ.“. В основном, постановление подтверждало законы 3 июля 1902 г., 9 мая и 29 декабря 1911 г. и распоряжение от 20/VIII—1913 г., устанавливая те же запретные сроки (§ 1), меру рыб. (§ 2), меру ячей и просветов (§§ 6 и 7); постановление запрещает те же приемы лова (§ 8), устройство заграждений (§ 3), лов самоловами кроме бельей снасти (§ 4) и употребление ядовитых и взрывчатых веществ (§ 5). Обязательное постановление напечатано в журнале „Рыболов-Охотник“ за 1918 г. вып. 11—12 ¹⁾.

24/II—1919 г. состоялось новое постановление Губерн. Земельного Отдела, в подлиннике мною неразысканное; оно было изменено и дополнено 2/IV—1919 г. и было формулировано в виде „Общих основных положений о рыболовстве“. Важнейшие выдержки из этого постановления мною приводятся: п. 1.—Все рыбные ловли в пределах губернии находятся в ведении и распоряжении Уездного Земельного Отдела; п. 2.—Право на пользование рыбными ловлями принадлежит рыболовным артелям, коммунам, товариществам, обществам и прочим коллективам и их объединениям; п. 3.—В исключительных случаях, за полным отсутствием в данном месте коллективов, рыбные ловли могут быть сданы и отдельным лицам по выбору и представлению Волостного Земельного Отдела; п. 7.—Весь улов рыбы является государственным достоянием и т. д.; п. 10.—Все разрешенные к употреблению снасти и принадлежности рыбного промысла (как-то: лодки и проч.), находящиеся у отдельных лиц, должны быть отобраны в Уездный Зем. Отдел на следующих основаниях: у лиц кулацкого элемента путем конфискации, у остальных путем реквизиции по твердым ценам.

Примечание: Снасти и др. принадлежности рыбной ловли у лиц входящих в коллективы конфискации и реквизиции не подлежат.

П. 13. Воспрещается всякое рыболовство, за исключением предусмотренного в п. 12 (удочками, сакон и наметом), в коренных водах с 15/V по 15/VII и придаточных с 15/IV по 15/VI.

В инструкции к общему положению отметим следующее: п. 7.—Соответственно § 3 правил 28/V—1918 г. запрещает устройство всяких преграждений. Далее внесен новый пункт 4, перечисляющий дозволенные орудия лова (невод, мережа, поплавная сеть, стоячая сеть, ботальная сеть, бредень, частуха, ванда, морда, фитиль, острога); разрешение лова бреднями не более 20 саж. для собственного продовольствия здесь не имеется. Наконец, вводится пункт 20: воспрещается во всех водоемах ловить, собирать и уничтожать икру выметанную рыбами.

¹⁾ Есть опечатки.

Однако, через три недели состоялось новое постановление „Отд. Национального Зем. Фонда Вятского Губ. Земельн. Отд. Сов. Кр. и Кр-арм. Деп.; а именно: по докладу агента Центрозакупок А. В. Сахарова постановлено“: п. 13 инструкции ¹⁾ Губземаотдела 2/IV—1919 г. изменить, установив срок запретного времени в коренных водах с 15/VI по 15/VII и придаточных с 15 мая по 15 июля; п. 7. Инструкции дополнить следующими раз'яснениями: в отдельных случаях в зависимости от местных условий предоставить право Уезд. Зем. Отделам разрешать устройство заповор рыбы в проточных водах, озерах и на весенних разливах; постановление Национального Фонда должно было быть представлено на утверждение в Вятский Губземаотдел. Мне осталось неизвестным было ли это постановление опубликовано, но так или иначе оно было учтено рыбаками, что и отразилось в постановлениях их представителей на с'езде артелей рыбаков Вятского уезда 2/XII—1920 г. (см. ниже Уездный Продов. Ком.).

К весне же 1919 г. был выработан и нормальный устав трудовой артели рыбаков, из которого привожу два существенных параграфа: § 1. Артель учреждается в целях рационального использования речных и озерных рыбных богатств, усовершенствования и развития рыбного производства на коммунистических началах. § 25. Весь улов является государственным достоянием и подлежит строгому учету; за покрытием потребностей членов артелей, по установленным местным нормам, все остальное количество подлежит обязательной сдаче в местные продовольственные органы по твердым ценам, устанавливаемым по соглашению Упродкома с Уземаотделами.

Роль Губернского Земельного Отдела в постановлении 1/IV—1921 г., за реорганизацией Под'отдела Животноводства, выяснить мне не удалось. (О постановлении 1/IV—1921 г. см. ниже—Уездный Продов. Ком.). В Марте 1922 г. Губернский Земельный Отдел по Под'отделу Животноводства рассматривал совместно с представителем Губернского Продов. Комитета упомянутый выше проект и доклад кружка любителей-рыболовов от 15/II—1922 г. и внес следующие существенные поправки; в пункте 2 проекта говорилось: разрешается ловля рыбы вне запретных сроков следующими орудиями: неводом, сетями: поплавной, стоячей, ботовой и проч. мережей, вентерями (фитилями,) бреднями и и проч., вандами, мордами и проч., а также подольниками свыше 200 крючков, но с соблюдением условий указанных в предыдущей статье. В пункте 3 проекта говорилось: ловля рыбы ручными удочками, сакон (наметом) и подольником (подпуском, переметом) не свыше 200 крючков допускается повсеместно как в неарендованных так и в арендованных водах за исключением рыбоводных хозяйств в течение всего года без перерыва и считается любительской. Под'отдел Животноводства пункты 2 и 3 изменил, так, как они напечатаны в „обязательном постановлении“ от апреля 1922 г. ²⁾.

В заключение укажем, что при Под'отделе Животноводства должно функционировать, среди прочих, и отделение Рыбоводства, но по наведенным мною справкам это отделение еще не начало свою деятельность.

¹⁾ В постановлении ошибка, надо читать—„Общего положения“.

²⁾ Добавлено также о 20% премии чинам милиции со штрафов по нарушению правил. Укажем, кстати, что п. II и III редактированы неясно и могут дать повод к недоразумениям.

Мероприятия Вятского Уездного Продов. Комитета.

Весной 1920 г., согласно общих основных положений 2/IV—1919 г.; п. 1., Вятский Уездный Продовольственный Комитет принял от Губ. Земельного Отдела соответствующие дела по рыболовным угодиям и приступил к их сдаче рыболовным артелям руководясь упомянутым выше „нормальным уставом Трудовой Артели“.

Зимой того же 1920 г., 2/XII, при Уездном Продов. Комитете состоялось совещание рыбаков по 2 представителя от артелей уезда, всего явилось 29 человек. Из постановлений этого с'езда приведем наиболее важный пункт 10: просить Губернский Продовольственный Комитет об отмене запретного времени рыболовства, вследствие разрешения устройства весенних запоров в придаточных водах ¹⁾, а также в виду несоответствия установленного запретного времени с условиями рыбной ловли в водоемах Вятской губ.“ Вряд ли приходится сомневаться, что это постановление, как и постановление Национального Фонда от 24/IV—1919 г., сыграло определенную роль в „обязательном постановлении“ Губ. Исполнительн. Комитета от 1/IV—1921 г. (см. Вятская Правда за апрель 1921 г.).

Приведем наиболее важные пункты последнего постановления, отличные от пунктов „Общих основных положений 1919 г. и инструкций к ним. § 8. Воспрещается всякое рыболовство, за исключением предусмотренного пунктом 7, в коренных водах с 15 июля и в придаточных с 15 мая по 15 июня ²⁾; § 10.—Воспрещается устройство для рыбной ловли всякого рода преграждений (сетных перегородок, забоев, завалов и т. п.), препятствующих свободному передвижению рыб, *за исключением запоров для удержания рыбы в проточных водах, озерах и на весенних разливах*, на что каждой артелью должно быть своевременно испрошено согласие Упродкома. § 11.—Воспрещается употребление неводов и бредней длиннее ширины реки в межень в месте лова, а также неводной лов „наволоком“, „потягом“ и „гоном“.

Примечание: Последний способ ловли в вливных глубоких озерах разрешается лишь с согласия Упродкома и при том обязательно в конце осени.

§ 16.—Воспрещается торговля рыбой на рынках впредь до выполнения губернией данной Наркомпродом рыбной разверстки.

Какой орган должен был следить за выполнением правил рыболовства в 1919—1921 г. документально установить не удалось. Неизвестны также и случаи возбуждения дел о хищническом рыболовстве.

Для оценки общих рыбных запасов по водоемам Вятского уезда отметим, что все рыболовные угодия уезда по торгово-арендным протоколам Уездного Продовольственного Комитета на 1922 г. оценивались в размере около 900 пудов разной рыбы. Не лишена интереса будет справка, что из 500 пудов обязательной разверстки на 1921 год по уезду доставлено было артелями всего около 250 пуд., при числе членов артелей в 200 человек. Другими словами, при свободной сдаче водоемов официальные учреждения уезда надеются в текущем году (1922) получить за одну только аренду, не считая дохода арендатора, рыбы в количестве в 2 раза превышающем разверстку 1921 г. и почти в 4 раза больше, чем фактическое поступление разверстки за 1921 г.

¹⁾ Ср. выше постановление Отделения Национального Фонда от 24/IV—1919 г.

²⁾ § 7 постановления от апреля 1921 г. разрешал ловлю любительскими орудиями лова повсеместно и без ограничения времени.

Деятельность Губернской Продовольственного Комитета.

За 1920 г. деятельность ограничивалась выполнением, по заданию Центра, рыбной разверстки, размеры которой видны из следующего документа.

Разверстка

по губернии 10.000 пуд. рыбы, подлежащей заготовке в 1920 году в Вятской губ., по разверстке Главрыбы.

Утверждена Губпродкомиссией в заседании от 3 июня 1920 г. по журналу № 69

У е з д ы.	Число артелей.	Число членов..	Поступление рыбы в пудах на 1 мая.	Заклучено договоров на сдачу рыбы в пудах.	Причитается к улову по разверстке за весь сезон.
Вятский . . .	15	—	5	—	800
Глазовский . .	—	—	—	—	500
Котельничский .	9	158	8	2098	2500
Нолинский . .	30	—	18	—	600
Орловский . .	—	—	—	—	800
Слободской . .	17	170	91	—	1000
Советский . . .	Союз рыб.	260	49	1500	2000
Уржумский . .	14	271	151	3231	3500
Яранский . . .	—	—	—	—	600
Итого . . .	—	—	—	—	11800

Сведения о фактическом поступлении за 1920 г. видны из отчета в Главное Рыбное Управление от 24 марта 1921 г.: „В течение 1920 г. было заготовлено 9294 пуда разной рыбы, преимущественно язя, леща, окуня, щуки, сороги, подуста, а также и стерляди“. В отчете далее указывается, что в засол пошло всего 1590 пуд., а остальное расходовалось на местах в свежем виде. По месяцам поступления улова распределялись так:

Апрель	248 пуд.
Май	1009 пуд.
Июнь	568 пуд.
Июль	107 пуд.
Август	не было.
Сентябрь	1946 пуд.
Октябрь	2736 пуд.
Ноябрь	1336 пуд.
Декабрь	1344 пуд.

Жиры и икры не заготавливались вовсе; отправка рыбы за пределы губернии не производилась, а улов расходовался на армию, детское и общественное питание. Всего зарегистрировано было 200 артелей и 1600 членов, хотя часть Уездных Прод. Комитетов соответствующих сведений не доставила. Холодильников и особых заведений на промыслах не было, отсутствовали и особые суда для перевозки рыбы.

Деятельность за 1921—22 г.г.

Разверстка была исчислена в размере 15000 пудов, весь улов сдавался в продовольственные органы по твердым ценам.

В 1922 году губернская разверстка была отменена, сдача угодий была разрешена лицам, артелям и организациям; за аренду была введена определенная натуральная плата рыбой; экономическая сторона регулировалась распоряжениями Главного Рыбного Правления, а именно: 1) Положение о порядке эксплуатации рыболовных угодий в районе негосударственного рыболовства, 2) циркуляром к нему от 15/IX-1921 г. за № 1275, 3) типовым договором на сдачу в аренду рыболовных угодий и 4) циркулярным распоряжением 2/XI за № 1507.

Соответственно этим нововведениям Губернский Продовольств. Комитет, в январе 1922 года, распорядился о сдаче в аренду на 1 год всех рыболовных угодий Края чрез Уездные Продовольств. Комитеты. В дополнение к этому, 23/III-1922 г. Губернское Экономическое Собрание разрешило сдавать воинским учреждениям водные угодия на льготных условиях (последующему разъяснению из числа не сданных в аренду, при условии использования их собственными силами учреждений).

Необходимо отметить следующий важный пункт (п. 9-й) договора с арендатором на 1922 г: В отношении производства рыбной ловли арендатор обязан подчиняться всем, как действующим, так и *имеющим последовать* в будущем узаконениям, правительственным распоряжениям и изданным на основании их правилам и инструкциям¹⁾.

В заключение обзора упомянем о первых шагах деятельности Вятского Научно-Исследовательского Института в целях изучения биологии и промысла местных рыб. Еще зимою 1921 г., в проекте организации Отделения Зоологии Вятского Исследовательского Института, мною было указано на необходимость в число программных вопросов исследований включить и изучение местной ихтиофауны. 26/IV текущего года мною был представлен в совет Научно-Исследовательского Института, согласно предложению совета, проект обследования северных районов Вятской губ., в котором значительное внимание предполагалось уделить изучению избранных местностей в гидрологическом и ихтиологическом отношении. Местом работ на лето 1922 года, по прежнему, намечались области по течению р. Кобры и верховья реки Сысолы.

Если на текущее лето будут отпущены заинтересованными организациями соответствующие средства, то проектируемая поездка будет мною, наконец, осуществлена после двух-летних бесплодных попыток. Помимо планомерного обследования Края, Исследовательский Институт в число своих задач включает издание инструкций и наставлений для производства наблюдений над жизнью рыб и их промыслом, а также

1) Вятское представительство Глав. Рыбного Управления (с 1920) прямого отношения к промыслу в Вятской губ. не имеет; оно ведет заготовку сетей обуви и пр. для рыбаков государственного лова, которого в Вятской губ. нет.

и возможное содействие распространению правильных, научно-обоснованных взглядов на рыбные хозяйства губернии.

Предлагаемая статья имела в виду выполнить лишь первую ступень проектируемых планомерных обследований Края в рыбопромышленом отношении; именно, выяснить литературный и документальный материал, затрагивающий рыбное дело губернии. Просмотр всех этих данных приводит нас к выводу, что, в сущности, Вятская губ. в отношении гидрологического, гидробиологического и ихтиологического изучена весьма мало. Вследствие этого, для выяснения особенностей Края в вышеуказанных направлениях, хотя бы в общих чертах, необходимо провести в ближайшее время экспедиционные обследования ниже указанных районов: 1) Кама, с притоками, в пределах Вятской губернии, 2) Вятка, с притоками, выше г. Слободского, 3) Верховье р. Сысолы, 4) Все крупные озерные водоемы губернии. По окончании общего рекогносцировочного обследования водоемов Края необходимо детальное (быть может стационарное) изучение отдельных водоемов (рек и озер), для выработки целесообразных, как охранительных так и прогрессивных мероприятий (Правила рыболовства, устройство заказников и заповедников, организация рыбообразного завода и прудовых хозяйств).

Надеюсь, что местные научные, педагогические и административные органы, наконец, оценят важное значение подобных исследований собственного Края и предоставят для их осуществления необходимые средства Научно-Исследовательскому Институту.

Б. ЛУКАШ.

Почвенно-геологические исследования в Вятской губернии.

С. П. Орлов,

Заведующий химическим отделом Северо-Восточной Областной Опытной Станции.

Крайняя скудность научно-организованных почвенных исследований в Северной Области России и необходимость их организации в ближайшем будущем была отмечена на Первом Северном Областном Съезде по С.-х. Опытному делу в Петрограде в 1919 году.

Вятская губерния, как входящая в Северную Область, в этом отношении не представляет исключения.

Первые сведения о почвах Вятской губернии относятся к 1876 г., когда Статистическим Отделом Вятского Губернского Земства было издано „Описание Орловского уезда“, составленное Романовым.

Такое же описание существует и для Уржумского уезда (издано в 1879-м году).

Описаний других уездов, относящихся к этому времени, не было издано.

Затем, данные о почвах Вятской губернии имеются в „Предварительном отчете о почвенных и геологических исследованиях в 1886 г. в губерниях: Казанской, Самарской, Уфимской, Пермской и Вятской“ профессора Коржинского (приложение к журналу Заседания Казанского Общества Естествоиспытателей т. 79).

Названные материалы содержат указания о почвах только небольших частей губернии, данных же, относящихся ко всей Вятской губернии, в то время не существовало.

Первыми в этом отношении являются данные почвенного исследования, произведенного б. Статистическим Отделом Вятской губернской Земской Управы, одновременно с оценочно-экономическим исследованием. Эти данные заключаются в „Материалах по Статистике Вятской губернии (Издания 1886-1897 года).

Затем, в порядке времени сведения о почвах Вятской губернии можно найти в следующих изданиях Вятского Губернского Земства:

1. „Краткое описание 6-ти уездов Вятской губернии: Малмыжского, Уржумского, Орловского, Вятского, Нолинского и Елабужского; составлено по данным Земской Управы агрономом Новиковым 1892 г.“.

2. „Проект общих оснований оценки усадебных, пахотных, сенокосных и выгонных земель по 10-ти уездам Вятской губернии“, издание 1895 г. (материалы разработаны Лашкевичем и Баскиным под руководством Вьюгова).

3. „Экономические нужды Вятского края“, составленное агрономом Новиковым. Издание 1896 года.

Наконец, наиболее полные сведения о почвах Вятской губернии находятся в „Сборниках Материалов по оценке земель“ 1903-1904 г., где описания в почвенном отношении составлено Казанским Почвоведом Р. В. Ризположенским на основании лично им произведенных исследований, а также на основании данных „Материалов по статистике Вятской губ.“ 1886-1897 г.

В геологическом и орографическом отношении Вятская губерния довольно подробно исследована проф. П. И. Кротовым в период времени 1892-1900 г., и отчет об этих исследованиях помещен частью в „Известиях Геологического Комитета“ 1895 г., 1896 г., 1897 г., 1898 г., 1900 г., частью в „Трудах Казанского Общества Естествоиспытателей“.

Эти исследования охватили те части Вятской губернии, которые заключаются в пределах 108 и 89 листа 10-ти вер. специальной геологической карты Европейской России.

Вот все почти материалы по изучению Вятского Края в почвенно-геологическом отношении. В указанном перечне, быть может, не указаны какие либо материалы, но это возможно только в отношении материалов по исследованию отдельных частей губернии и со специальными целями.

Насколько же перечисленные данные о почвах Вятской губернии могут удовлетворять современным потребностям в интересах планомерного развития С.-Х. Опытного дела и запросам организованной агрономической работы?

Прежде всего из перечисленных выше материалов о почвах Вятской губернии только „Материалы по статистике Вятской губернии“ 1886-1897 г. (поездные тома) и описание почв Р. В. Ризположенского (Сборники материалов по оценке земель 1903-1907 г.) относятся ко всем уездам Вятской губернии и содержат довольно полное описание встречающихся почв. Все же остальные материалы очень кратки, не охватывают всей губернии, и многие из них составлены на основании данных исследований 1884-1892 г., вследствие чего все они в целях с.-х. опытного дела могут быть использованы очень мало.

Сведения о почвах, заключающиеся в „Материалах по статистике Вятской губернии“ 1886-1897 г., как было уже упомянуто, собраны силами Статистического Отдела Вятской губернской Земской Управы под руководством Заведывающего Е. С. Филимонова в период времени 1884-1892 г. Исследования были произведены Ф. А. Налетовым, С. Н. Косаревым, П. А. Пахомовым, Л. А. Пиотрашко и И. П. Селивановым.

Исследователи об'езжали все населенные пункты уезда и, по осмотре почв того или иного селения, отмечали на карте все встречающиеся „сорта почв“, их распространение и определяли пропорцию в долях единицы. По окончании об'езда селений, в волостное правление собирались крестьяне, и из разговоров с ними выяснялись культурные свойства различных почв. При осмотре почв отдельных селений исследователи брали почвенные образцы, которые, по окончании исследования на местах снова были пересмотрены и сравнены между собою в целях исправлений погрешностей при определении „сорта почвы“.

В качестве основного принципа для классифицирования почв исследователи руководствовались суб'ективно-установленными на месте залегания почвы данными механического состава, а также и некоторыми морфологическими особенностями, главным образом, цветом почвы.

На основании данных, собранных таким путем, составлены по-уездные карты, масштаба от 5 до 12 верст в дюйме.

Уже одно то, что означенное исследование произведено было более двадцати пяти лет назад и при том не специалистами почвовед-ами, указывает, что эти данные не могут удовлетворить современным запросам ни с.-х. опытного дела, ни организованной агрономической работы. Не говоря о том, могут ли данные механического состава быть положены в основание классифицирования почв, нужно указать, что и самое определение механического состава вышеозначенными иссле-дователями произведено было очень суб'ективно. Известно, на сколько трудно правильно установить в поле механическую природу почвы даже специалисту почвоведу, тем более малонадежными являются ука-зания лиц, не получивших для этого особо специальной подготовки.

Ценность этих исследований, сравнительно точно дающих геогра-фию почв, умаляется еще тем, что в этих исследованиях не было до-статочной выдержанности принципов классификации. На почвенных картах почти всех уездов на равне с обозначениями почв встречаются обозначения: лес, сенокос. Кроме этого, при сопоставлении почвенных карт, составленных в различное время, на картах, составленных в бо-лее позднее время, заметна и большая детализация почвенных группи-ровок, а также сказывается стремление обращать внимание кроме механического состава и на морфологические особенности. Так, на карте Орловского уезда, изданной в 1887-м году в 8 верстном масштабе, имеется шесть обозначений: глина, суглинок, супесь, песок, сенокос и лес; на карте же Сарапульского у., изданной в 1892 г. имеется уже двенадцать обозначений: красная глина, тяжелый суглинок, легкий суглинок, средний суглинок, супесь, песок, болотный чернозем, луго-вой чернозем, известковые почвы, хрящевые почвы, луга и леса.

Недостаточность данных исследований 1884-1892 года и трудность пользования ими в целях оценки земельных угодий заставило Вятское Губернское Земство предпринять в 1901-1903 году новые почвенные исследования (постановление Земского Собрания Экстренной Сессии 30-31 июня 1900 г.). Производство этих исследований поручено было Казанскому почвоведу Р. В. Ризположенскому.

На основании данных исследования Статистического Отдела 1884-1892 года, на основании данных других исследователей (глав-ным образом, профессора Кротова) об орографии и геологических условиях, и наконец, на основании данных личного обследования Р. В. Ризположенский составил поуездные описания почвы Вятской губернии, которые и были изданы Статистическим Отделом Вятской Губернской Земской Управы в 1903-1904 годах. Почвенной карты гу-бернии Р. В. Ризположенский не составил, но на основании его опи-сания Статистический Отдел составил почвенную карту в схематиче-ском виде.

Будучи сторонником „генетической почвенной классификации“ т. е. такой, которая выяснила бы естественное родство почвы и их причинную зависимость от тех или иных растительных и животных ассоциаций“, Р. В. Ризположенский считал единственным и продуктив-ным принципом классификации—морфологический, состоящий в оты-скании наружных существенных признаков сходства между почвами в связи с выяснением причин этого сходства. Недостатки этого метода исследования почв, зависящие от неустойчивости наружных признаков

и неопределенности самого принципа могут быть, по мнению Р. В. Ризположенского, уничтожены опытным и научным чутьем классификатора. Сообразно этому взгляду Р. В. Ризположенский построил свою классификацию, по которой почвы, в зависимости от их внешних признаков, а также по происхождению могут быть сведены в 16 групп: 1—мергелисто-известковые, 2—почвы на красно-бурых пермских глинах, 3—почвы на юрских глинах, 4—суглинистые почвы, 5—черноземные, 6—сулестчаные, 7—песчаные, 8—подзолистые, 9—солончаковые, 10—погребные, 11 — кремнисто-глинистые, 12 — иловатые, 13 — торфяные, 14—перегнойные, 15 —галечно-хрящеватые и 16—каменистые.

В своих описаниях почв Р. В. Ризположенский отмечает крайнее разнообразие почвенного покрова Вятской губернии, происходящее благодаря обширности самого края, а также благодаря, разнообразию состава подстилающих горных пород послетретичной, юрской и пермской формаций. Кроме того многие почвы, вследствие молодости самого края, недавно вышедшего из под моря, вследствие возмущенности рельефа и мелкого разчленения оврагами, речками и реками несут на себе следы недоразвития. Все это разнообразие Р. В. Ризположенский сводит в 13 групп своей классификации.

Что же касается распространения различного вида почв на пространстве Вятской губернии, то исследования Р. В. Ризположенского, носящие характер рекогносцировочный, не могли дать определенной картины. Он только намечает схематично районы наибольшего распространения того или иного типа почв, при чем, часто основанием для выделения района служит не преобладающий почвенный тип, а присутствие в нем каких либо спорадически встречающихся почв и занимающих сравнительно незначительную часть территории района. Из всех групп его системы, как это обнаруживается из сопоставления поездных описаний, наибольшим распространением пользуются почвы суглинистые. По характеру почвообразования эти суглинистые почвы, представляя значительные разности, все же, по видимому, относятся в большинстве случаев к подзолистому типу.

В своих описаниях Р. В. Ризположенский дает много материала объясняющего генезис некоторых особенных почв Вятской губернии, со стороны влияния на почву материнской породы и растительных формаций. Так им отмечен особый вид болотного чернозема в Котельничском у., приуроченного к мергелистому и известковому субстрату; отмечены и выделены в особую группу почвы, образовавшиеся на пермских более или менее известковистых породах.

Отдавая должную дань работам Р. В. Ризположенского, много потрудившегося над исследованием почв востока Европейской России и впервые установившего геолого-морфологические особенности этих почв, все же нужно признать, что данные его исследований, производившихся в то время, когда почвоведение находилось в начальной стадии развития, не могут отвечать современным потребностям в целях планомерного развития с.х. опытного дела и запросам организованной агрономической работы и потому должны быть развиты и дополнены.

Действительно, Р. В. Ризположенский в своих исследованиях руководился оригинальными воззрениями на самую природу почв как на „поверхность-соприкосновения организмов с неорганизмами в целях питания“ и в конкретном своем виде представляющуюся в виде ми-

микроскопической и макроскопической горной породы, так или иначе измененной деятельностью организмов и ими населенной. Сообразно этому взгляду он и построил свою классификацию, основанную на тщательном изучении и описании геолого-морфологических особенностей. Поэтому его данные и характеризуют почву только со стороны внешнего облика и только 2-х факторов, обуславливающих этот облик: горной породы и растительности.

Между тем, современное почвоведение учит, что почва есть самостоятельное естественно-историческое тело, имеющее свои внутренние свойства и особенности, которые являются результатом действия различных факторов почвообразования: горной породы, климата, рельефа местности, растений и животных. Таким образом, в основу различия почв (в основу классификации) прежде всего и должны быть положены эти основные внутренние свойства почвы, характеризующие тот или иной почвообразовательный процесс. Об этих особенностях и свойствах почв мы можем судить так же как и Р. В. Ризположенский на основании их морфологических признаков. Но так как эти последние в свою очередь являются результатом внутренних физико-химических и биологических процессов, происходящих в почве под влиянием различного рода факторов и так как эти процессы, главным образом, обуславливают функциональные особенности почв, полагаем, что исследование почв не может ограничиться описанием одних морфологических особенностей, но необходимо должны быть сопровождаемы данными о физико-химических и биологических процессах в них происходящих.

Да и самое исследование Р. В. Ризположенского, как об этом упоминалось выше, носит рекогносцировочный характер и потому не может дать определенной картины распространения не только различного вида почв, но даже и различных типов, тем более, что в основу деления почв по механическому составу он положил не данные механического анализа, а данные субъективного определения в поле.

Касаясь геологического и орографического описания Вятской губ., то, как мы уже указали, она в большей своей части описана проф. Казанского Университета П. И. Кротовым. При чем эти описания так же носят предварительный характер и, давая довольно полную картину орографии края, в геологическом отношении для почвоведов представляют сравнительно немного.

Прежде всего, имея характер предварительный, описания проф. П. И. Кротова, также как и описания Р. В. Ризположенского не картографированы.

Затем, отмечая те или иные местности с распространением какого либо яруса или его отдела, данные проф. П. И. Кротова не указывают распространения петрографически различных отложений, составляющих этот ярус или его отдел, но дают только общую его характеристику. Вот, например, как описана верхняя толща яруса пестрых мергелей (Р-3), довольно часто выходящая на дневную поверхность Вятской губернии: „Верхним членом (яруса пестрых мергелей), является толща красных пятнистых мергелистых глин, конкреционных мергелей и дырчато-конкреционного известняка, а также рыхлых песчаников красного, желтого и серого цвета, содержащих твердые конкреции известковистых песчаников. „(Геологические исследования в центральной части Вятской губ. в 1696 г. Известия Геологического Комитета 1897 г.). Как видим, один только член яруса в петрографическом отношении заключает в себе: глины, мергеля и пески различ-

ного вида. А, между тем, для почвоведов это далеко не безразлично. Ему нужно различие пород не только по их возрасту, определяемому по находящимся в них остаткам животных, но главным образом по их петрографическому составу. С этой стороны данные проф. П. И. Кротова, указывающие пределы распространения геологических ярусов или его членов, с указанием их возраста, не могут быть признаны достаточными, и могут служить только для ориентировки при рекогносцировочных почвенных исследованиях, что уже и было использовано Р. В. Ризположенским.

Таким образом, в Вятской губернии проведены были только первые рекогносцировочные работы, намечающие особенности строения поверхности геологических напластований, видимых различий внешнего облика почвы и ее механического состава. Эти данные и сведены в поездных описаниях Р. В. Ризположенского. И если в целях оценки земельных угодий эти данные были положены в основу деления Вятской губернии на оценочные районы, как указания на основные природные условия земледельческого промысла, то в целях планомерного развития опытного дела и организованной агрономической работы оно необходимо должно быть продолжено и при том не только в сторону детализации, но главным образом в сторону качественного углубления работы по изучению условий генезиса и жизни местных почв, их механической физической и химической природы.

Не считая возможным изложить в настоящем докладе программу этих почвенно-геологических исследований, я попытаюсь наметить те основные положения, которые необходимо будет принять во внимание при их организации и составлении программы.

1. Целью почвенного исследования должно быть установление: а) почвенных типов, на основании почвообразовательных процессов, в них происходящих; б) подразделение этих типов на классы и группы по характеру и интенсивности почвообразовательных явлений и в) в пределах одной и той же группы установить виды и разновидности по механическому и геологическому характеру материнской породы.

2. Результатом этого исследования, помимо составления детальной почвенной карты, не грубее 10 верстного масштаба, должна быть представлена полная характеристика всех встречающихся типов, классов, групп, видов и разновидностей почв со стороны их морфологии, механического, химического состава и культурных свойств.

3. Важность климата, как почвообразовательного фактора, составляет необходимость предварительно почвенных исследований, составить полный климатический очерк края, в котором бы были использованы все имеющиеся материалы.

4. Недостаточность геологических данных в целях почвенного исследования заставляет также предварительно этим исследованиям произвести дополнительные геологические изыскания.

5. Целью этих геологических изысканий должно быть установление характера и пределов залегания коренных пород, различаемых по возрасту петрографическому, механическому и химическому составу, а также установление особенностей в характере и распределении наносов, составляющих промежуточное звено между почвой и коренной породой.

Соколовка, Вятской губ.

Сентябрь, 1919 года.

С. П. Орлов.

Заметки о методах этнографических наблюдений.

(Для приступающих к собиранию этнографических материалов, особенно для участников научных экскурсий).

I. Введение.

При организации и проведении ряда научных экскурсий по русской этнографии и при неоднократных этнографических наблюдениях в разных концах Великодержавии у меня накопился материал методологического характера, который считаю не лишним опубликовать в извлечении в виду крайней скудости надежных пособий в этом направлении.

В настоящих заметках я сгруппировываю указания как для интересующихся собиранием диалектов, так и для начинающих работать по собиранию песен, сказок, местных обычаев и обрядов и быта в широком смысле этого слова. Этнограф не должен быть слишком узким специалистом. Он должен *уметь наблюдать различные стороны народной жизни*. Изучающий обряды, обычаи, песни или сказки должен передавать в своих записях народную речь, по возможности, фонетически, а, следовательно, необходимо должен познакомиться с особенностями народного говора. Ему важно знать характер местного говора и потому, что язык обычно представляет наиболее определенные данные для суждения о принадлежности населения к той или другой этнографической группе. Но и диалектолог едва ли может пренебрегать ознакомлением с народною словесностью, обычаями и бытом. Он будет интересоваться народною словесностью и бытом уже для той цели, чтобы определить, по скольку сохраняется в данной местности этнографическая старина, а это чрезвычайно важно иметь в виду при наблюдениях над языком, так как диалектические особенности иногда приходится толковать различно в различных условиях быта: напр., там, где много городских влияний на всем укладе жизни, сходное в народном говоре с языком образованного общества определеннее можно относить на счет влияния этого языка (так приходится толковать в некоторых случаях произношение *и* вм. *е* в неударяемых слогах). Кроме того иногда приходится отмечать распространение на исследуемой территории каких либо языковых особенностей параллельно с распространением на той же территории определенных бытовых черт. Еще более тесно связано изучение быта с изучением верований и обрядов; то и другое—с изучением народной словесности, в произведениях которой отражаются и народные верования и уклад народной жизни разных эпох.—Однако этнограф не может ограничиться узкими рамками какой-либо одной отрасли этнографии не только потому, что все стороны народной жизни тесно связаны одна с другой, но также и потому, что, вследствие ничтожного числа специалистов, не представляется

обыкновенно возможности нескольким наблюдателям побывать в каждой местности, исследуя край с разных сторон. Поэтому мы в праве ожидать от каждого наблюдателя, если не обильного материала по разным отраслям этнографии (что, конечно невозможно), то, по крайней мере, хотя бы указаний *какою* рода материал возможно найти в данной местности. Так, например, от диалектологов желательно было бы получить указание на сохранение различных типов старинных песен, о певцах их, о сохранении хороводных и игорных песен и хороводов, сообщение о лицах, знающих старинные сказки, и о типах таких сказок, о распространении частушек, о сохранении старинных обычаев и обрядов¹⁾ и перечень их, о характере построек, о сохранении старинной одежды и т. п. Равным образом от специалистов по фольклору или быту мы ожидали бы указаний на основные фонетические и морфологические особенности говора, на степень влияния языка образованного общества на народный говор, сообщение об отличии языка молодых от языка стариков, языка мужчин от языка женщин и т. п. Если наблюдения производятся экскурсией или экспедицией, состоящей из нескольких человек, то, хотя бы каждый член ее, сообразно своей специальности, избрал для наблюдений определенный отдел (напр., язык, сказки, былины, мелодии, домашний быт и пр.), все же необходимо, чтобы все члены экспедиции попутно делали наблюдения по разным отделам этнографии, так как обмен мнениями во время самой экскурсии, как показал опыт, дает весьма ценные результаты. Экскурсия из двух—трех человек, работающих в одной местности, обычно достигает больших результатов, чем те же два—три лица, работающие в разных местах в одиночку. Во всяком случае при коллективной работе мы можем рассчитывать на большую полноту сведений, так как трое в одной местности сделают наблюдения над большим числом лиц, подойдут с более разнообразных сторон, и потому ими будут скорее отмечены более редкие черты, из которых некоторые ускользнули бы от одного наблюдателя. Кроме того обмен мнениями во время самой экскурсии, как мы уже сказали, играет большую роль.

До экскурсии или наблюдений желательно собрать хотя бы самые общие сведения от местных жителей, интересующихся народною жизнью, от учащихся, от представителей населения, среди которого предполагается производить наблюдения.

Какую бы специальную цель ни поставил себе этнограф (интересуется ли он языком, семейным бытом, народной мелодией и т. п.), ему существенно попытаться собрать данные по следующим вопросам.

1) Исконно ли в наблюдаемой местности население (когда основано село или деревня, нет ли документальных данных о постройке церкви и пр.)? Важно собрать народные предания по этому предмету (напр., любопытно было услышать предание о переселении в одну местность Петроградской губернии людей в белой одежде и наблюдать в соответствующих деревнях белоруссизмы в языке).

2) Насколько сохраняется старый уклад жизни и поскольку проникают в народ новые веяния?

3) Возможно ли предполагать влияние инородческого населения (соседство инородцев, инородческие слова в речи русских, географические названия инородческого происхождения в местах, заселенных русскими, бросающиеся в глаза антропологические черты)?

¹⁾ Особенно старинного обряда свадьбы с причитаниями невесты и с приговорами дружки, остатков погребального обряда с причитаниями по покойникам.

4) К какому центру тяготеет население (город, станция, фабрика, приход и т. п.)?

5) Однородно ли русское население в окрестных деревнях в этнографическом отношении или вблизи находятся деревни с своеобразными этнографическими особенностями.

Подобные общие сведения будут весьма много уяснять как в процессе самих наблюдений, так и при обработке собранных материалов.

II. О методах диалектологических наблюдений.

Диалектологические наблюдения могут производиться различными способами. *Во первых, могут быть использованы разнообразные случайные разговоры с крестьянами.* Преимущество этого метода—большое число лиц, над которыми возможно производить наблюдения. Однако много систематического и обильного материала при таких наблюдениях собрать едва ли удастся. Наиболее ценные факты при таком способе работы могут быть получены во время разговоров в самых селениях или на полевых работах. При встречах на дороге необходимо всегда осведомляться, является ли наш собеседник коренным жителем исследуемой местности. Особенно малую ценность представляют наблюдения в поездах железных дорог, на пароходах, где мы нередко встретим бывалых людей, говор которых значительно отличается от говора коренного населения местности, откуда они происходят. Я уже не говорю о том, что говор крестьян может значительно изменяться в новой обстановке, в кругу новых влияний. *Во вторых, возможно систематично вести разговоры в продолжении более или менее длительного промежутка времени с определенными крестьянами, с которыми наблюдатель познакомился, которых избрал объектом наблюдений вследствие ярких особенностей их говора.* В этом случае речь крестьян может быть изучена много полнее. Однако, при наблюдениях как первого, так и второго рода, следует иметь в виду, что крестьяне применяются к Вашему говору. Зная некоторые элементы городского языка, они нередко с наблюдателем говорят иначе, чем говорят в своем кругу. Конечно, если наблюдатель мало говорит сам и лишь побуждает своих собеседников отдельными замечаниями к непринужденному разговору, изменение говора крестьян будет менее заметно. Чем проще чувствуют себя крестьяне во время разговора, чем они больше привыкли к наблюдателю, тем менее они изменяют свою речь во время разговора с ним.—*В третьих, весьма желательно записывать говор, наблюдая разговор крестьян между собою.* Этот способ дает наиболее ценные факты. Однако не легко устроиться сторонним наблюдателем во время живой беседы крестьян. Кроме того, при таком способе наблюдений нередко не удастся услышать необходимого исследователю материала, который возможно легко получить, принимая участие в беседе и наводя разговор на желательные темы. Это последнее особенно бывает необходимо при словарных наблюдениях.—Конечно, комбинация всех трех способов наблюдения дает наилучшие результаты.

Трудность наблюдений и особенно записывания фактов нередко зависит от подозрительности крестьян и естественного нежелания, чтобы над ними производились наблюдения, особенно, если они убеждены (что обычно бывает) в негодности своего говора, если сами стремятся говорить по городскому. В таких случаях приходится скрывать цель своих наблюдений. Записывания говора, в виду этого, всего легче

производить во время записывания произведений народной словестности. Для экскурсии, состоящей из 2—3 человек, это дело значительно облегчается: один или двое записывают сказки или песни, а третий под видом такой же записи, наблюдает язык, давая по поводу песен вопросы крестьянам и слушая их разговор между собою. Когда наблюдения производятся двумя лицами, обычно один разговаривает, а другой в стороне имея перед собою какую-л. книжку, бумагу и карандаш и объяснив свое занятие, записывает говор. При встречах на дорогах да и вообще при разговорах с крестьянами полезно разузнавать такие сведения, которые естественно можно записывать. В противном случае приходится делать запись после разговора, что, конечно, умалит ее достоинство. Темы для разговоров могут быть весьма различны. Между прочим, весьма интересно наводить справки этнографического характера, столь необходимые наблюдателю. Интересно спрашивать самих крестьян о говоре округа. Крестьяне, по большей части, внимательно прислушиваются к говору и дадут сведения о тех деревнях, где говорят иначе, приводя даже примеры особенностей речи. Эти последние сведения, конечно, имеют весьма большой этнографический интерес. (Отмечались нередко прозвища, даваемые крестьянами одной деревни или группы деревень крестьянами других деревень вследствие особенностей их говора).

При наблюдениях необходимо иметь в виду, кто сказал ту или другую особенность: *старуха, старик, молодые люди, дети, человек бывалый и грамотный или никуда из деревни не выезжавший и неграмотный*. Это следует отмечать в записях.

Прежде всего необходимо сделать наблюдения над старшим поколением и особенно старухами, у которых черты старого говора сохраняются полнее и точнее, а затем сравнивать их говор с говором молодежи, выделяя в речи последних новые городские веяния.

Особо следует изучать язык бывалых людей: солдат, служивших в городе крестьян и пр. Через них, по большей части, проходят в деревню городские влияния. Их говор желательно описать особо. Конечно, говор бывалых людей, как и говор старух, не представляет чего-либо в себе замкнутого: мы наблюдаем большое разнообразие в говорах отдельных лиц, из которых одни в большей, другие в меньшей степени сохраняют старину. Поэтому приходится сравнивать говоры наиболее типичных представителей разных групп населения. Любопытно понаблюдать, нет-ли отличий в языке мужчин от языка женщин (в некоторых местах, напр., Вятского уезда мы слышали у мужчин *ц* вм. *ч*, а у женщин *ч* вм. *ц*; наблюдателями отмечено спорадически у женщин полумягкое *л* или шепелявость и пр. под.

Изучая говор отдельных лиц, необходимо убедиться, что у них нет резких индивидуальных особенностей (картавленья, шепелявости и пр. под.). Так, замечая цоканье и шепелявость (т. е. произношение мягких средних звуков между *с* и *ш*, *з* и *ж*) иногда мы можем ошибочно объяснить эту особенность (в местностях, где эти черты сохраняются, главным образом у старух) старческим недостатком речи, иногда же, наоборот, недостаток произношения можем принять за особенность говора. Широкое сличение говора разных лиц поможет найти критерий для оценки указанных фактов.

Каким образом записывать особенности говора? Конечно, идеальная постановка дела требует фонетической записи во всех случаях. Однако

практически это, по большей части, совершенно неосуществимо. Фонетическая запись предполагает знакомство, более или менее основательное, с физиологией местного произношения, а также продолжительную работу над текстом. Эта запись осуществляется между прочим при помощи фонографа. Однако одной фонографической записи далеко недостаточно. Важно иметь текст, снятый фонографом, в приблизительной фонетической транскрипции. Дело в том, что 1) в фонографе не легко разобрать незнакомую речь и 2) не все звуки хорошо передаются этим аппаратом, напр., вышеуказанные звуки с^ш и с^ж, мягкое ц. Даже имея под руками запись текста на бумаге, придется частями десятки раз прослушать фонографическую запись, прежде чем удастся вполне удовлетворительно транскрибировать текст.

В виду этого при записях особенностей говора необходимо всегда подчеркивать ту букву, посредством которой Вы передали данную особенность. Если это правило при наблюдениях не соблюдается, то значительная часть собранного материала пропадает для исследователя, так как возникает много сомнений в том, какая собственно черта была отмечена в записи. Напр., если в записи мы прочли бы „молодые“, мы не знали бы, является ли здесь указание на отчетливое произношение неударяемого *о* в первом или во втором слоге, или, быть может, указание на конечное *е* во мн. числе прилагательного. Совсем иное дело, если в записи напишем: „молодые“, или „молодые“, подчеркнув *о* или конечное *е*.

Экскурсия, которая может работать на месте сравнительно непродолжительное время, будет в состоянии изучить главным образом, фонетику говора, в связи с местной физиологией речи, и морфологию. Менее, можно думать, будет обследован синтаксис и весьма незначительно — словарь, который требует работы в продолжение весьма большого промежутка времени. Экскурсии, быть может, удастся заинтересовать местных интеллигентных лиц составлением словаря и дать необходимые к этому указания.

Слова записываются в тех предложениях, в которых их слышал наблюдатель. Следует приводить возможно большее число таких предложений, чтобы значение каждого слова уяснялось для читателя именно из примеров. Не нужно забывать, что значение, которое напишет наблюдатель, является его заключением, сделанным на основании тех же примеров. Определение значений слова наблюдателя может, конечно, иногда оказаться не точным, а при отсутствии характерных примеров и проверка окажется трудной и даже невозможной. Вот почему научные словари ценны прежде всего хорошим материалом, состоящим из умело сгруппированных примеров. Сказанное, конечно, отнюдь не исключает приведения наблюдателем значения слов, как не исключает пояснений или перевода на литературный язык приводимых фраз, если их перевод в чем либо может быть затруднителен.

Необходимо отметить где (в какой деревне) записано слово.

Слова записываются следующим образом. Прежде всего пишется основная форма слова (для сущ., прил. и местоим. ---имен. пад. ед. ч., а для глаголов неопр. накл.). Весьма важно отметить ударение как в основной форме, так и в других, если ударение изменяется. Далее у существительных желательнo отметить род. п. ед. ч., у прилагательных формы женск. и средн. рода, а в глаголах—1-ое 2-ое лица ед. ч. наст. вр. (другие формы отмечаются в случае отклонений от обычного типа склонения и спряжения).

Словарь желательно составлять на карточках, т. е. на небольших (в $\frac{1}{16}$ долю писчего листа) клочках бумаги. Однако, при современной трудности доставать бумагу возможно писать слова в тетрадке или просто на листах бумаги. В этих последних случаях следует оставлять побольше места для тех слов, которые употребляются в разнообразных значениях, чтобы не пришлось примеры на одно слово писать в разных местах тетрадки.

Привожу образцы словарных записей.

1) Природа, —*ы*-естество, вселенная, наш мир, земля. *Вся природа красуется весною*. Переносно: *юни природу в дверь, она влетит в окно*.

2) Кислый, —*ая-ое, кисел,-слà,-сло*. *Никак крендельки кислы? Пахло в комнате чем-то затхлым и кислым*. *Кислый залог* т. е. целина, *новь А списибо же крестьянин на хлебе на соли и на кислом молоке*. *Кислая шерсть*—счищенная с овчин, вынутых из закваски. Переносно: дурные качества человека, *Я из них тогда кислую то шерсть выжму*.

3) Кашлять-*аю,-яешь, кашлял,-а,-о, кашлянуть*. *Бывает и свинья кашляет. На печь лезит пиркаючи, с печи лезит кашляючи*.

Во время диалектологических работ весьма важно ежедневно производить сводку собранного материала, чтобы определять дальнейшее продолжение работы. В противном случае, по окончании экскурсии может оказаться, что работа выполнена слишком неравномерно в разных частях; материал в некоторых случаях окажется недостаточным или даже сомнительным.

Сообщаю некоторые общего характера пособия. По физиологии звуков русского языка лучшим пособием является сочинение Брока „Очерк физиологии звуков славянской речи“ *). Здесь акад. Шахматовым дан образец транскрипции латиницей обще-русского произношения. Образец кирилловской транскрипции напечатан в Хрестоматии по великорусской диалектологии, составленной Н. Дурново и Д. Ушаковым **). В этой работе большое число записей, передающих говоры разных мест Велико-россии. Как образец исследования северо-великорусских говоров можно указать сочинение Брока: „Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда“ Вологодской Губернии ***). Из программ, которыми возможно руководиться при наблюдениях над русскими говорами, назову изданные отделением русского языка и словестности Академии Наук для северо-великорусских, для южно-великорусских, вообще для великорусских, для белорусских и для малорусских говоров ****). Среди общих обзоров русских говоров прежде всего упомянем „Опыт русской диалектологии проф. А. И. Соболевского. Выпуск I. Наречия великорусское и белорусское. СПб., 1897“, где страницы 58–62 посвящены вятским говорам. В трудах Московской Диалектологической Комиссии, в. 5 находим: „Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. Составили члены Комиссии Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Москва, 1915“. Диалектологического очерка Вятского края мы не имеем. Назовем специальную работу проф. Д. К. Зеленина „Великорусские говоры с неорганическим и переходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями

*) Энциклопедия Слав филологии. Ц. 5. 2.

**) Москва, 1910, стр. 202.

***) Сборник Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. 83, № 4. СПб., 1907.

****) Программа для наблюдения над вятскими говорами помещена ниже.

позднейшей великорусской колонизации. Изд. Отд. русск. яз. и слов. Академии Наук. СПб., 1915". В этом сочинении стр. 373—428 посвящены Вятской губ. и содержат как некоторые замечания общего характера, так и весьма полное рассмотрение интересующего Д. К. Зеленина вопроса о мягких *к* и *г***). Несомненно большое значение для изучающих диалектологию Вятской губ. имеет недавно вышедшее сочинение проф. А. М. Селищева: „Диалектологический очерк Сибири. Выпуск I. Издание Государственного Иркутского Университета. Иркутск, 1921“, так как Вятская губерния в диалектологическом отношении во многом имеет сходство с Сибирью (как, впрочем, и вообще с областями северно-русского населения).

(Продолжение следует.)

Н. Каринский.

***) Обзор специальной литературы предмета по вятской диалектологии будет помещен в одном из следующих номеров „Известий“.

Программа для собирания сведений о русских народных говорах Вятского края в связи с собиранием других местных этнографических особенностей*).

1. Напишите название уезда, волости и деревни (или села), где производились наблюдения, а также почтовый адрес, имя, отчество и фамилию наблюдателя.

2. Сообщите, в каком расстоянии находится селение от ближайшей железнодорожной станции, а также от уездного города и от Вятки.

3. Давно ли в селении действует школа? Грамотны ли старики и старухи? Много ли грамотных среди молодых крестьян?

4. Многие ли уезжают (или в прежние годы уезжали) на заработки и куда именно?

5. Не живут ли по близости от вашего селения или в самом селении инородцы и какие именно? Укажите названия деревень, в которых живут только инородцы, названия деревень, в которых живут только русские и название деревень, в которых живут инородцы и русские вместе.

6. Умеют ли инородцы говорить по русски, и все ли умеют или только немногие (молодые? старые? мужчины? женщины?)? Не употребляют ли инородцы, когда говорят на своем языке, русских слов (приведите примеры)?

7. Не знают ли русские инородческого языка (молодые? старые? мужчины? женщины?)? Не употребляют ли русские в своей речи инородческих слов? (Приведите примеры русской речи с инородческими словами).

8. Перечислите названия (ближайших к вашему селению) сел, деревень, рек, гор, урочищ, возвышенностей, оврагов, долин, болот и т. п. *не русской происхождения*. (Напр., Вавож—село, Уа—река, Парсгурт—деревня и др.).

9. Если в вашем селении живут русские с инородцами или различные инородческие племена, то на каком языке они говорят друг с другом?

*) Настоящая программа является результатом моих работ в области Вятской диалектологии. Еще в 1918 г., впервые приступая, по поручению Российской Академии Наук, к исследованию говоров Вятского края, я выпустил в свет „Программу—анкету по собиранию народных говоров Вятской губернии. Программа эта, вызвавшая ряд ценных сообщений с мест, способствовала в большой степени уяснению в общих чертах местного говора. В настоящее время, после длительного перерыва в работе, предпринимая вновь (но уже более детальное) изучение Вятских говоров, я счел целесообразным переработать программу 1918 года, следствием чего и явилась настоящая программа, более чем вдвое превышающая по объему первую.

10. Не отличается ли в вашем селении речь молодых от речи стариков и старух, и чем, по вашему мнению, возможно объяснить такое отличие? Не говорят ли молодые ближе к городскому говору?

11. Не говорят ли в вашем селении все вообще близко к городскому говору?

12. Не отличается ли речь мужчин от речи женщин и в чем состоит это отличие?

13. Какое впечатление производит на ваш слух речь крестьян: Говорят ли они скороговоркой или протяжно? Не замечается ли протяжения последнего слога в предложении?

14. Отчетливо ли произносят *о* в неударяемых слогах как перед, так и после ударения: Оксинья, Онерей, отлас, корета, стакан, розговор, робота, ладно, с мальчиком?*)

15. Не произносят ли в вашем селении у в.м. *о*: стухан (=стокан), лисулька, роздулье (=раздолье), сулома, упать, угород, пуйдемте и пр. Не слышно ли иногда *уо* или *оу* в.м. *о*: куонь (в.м. конь), хоурушó или хуорушó (=хорошо), давноу (=давно) и др.? Или, быть может, крестьяне вашего селения только приближают в произношении *о* к *у*, протягивая иногда этот звук, особенно в конце слов: ладноу, я тоу и др.? Не говорят ли *у* также и вместо *е*: чувó, очунь, мачуха, подружунька?

16. Не говорят ли *о* (*ё*) вместо *е*: човó, жонá, вёрста, полё, доброё, молодыеё, пугаём, умеитё, возьмитеё, робятишок?

17. Не переходит ли иногда в *о* (*ё*) и *ю*: лёсу, беда, беседа?

18. Не говорят ли *и* вместо *ю*: гди (=где), дви, весди, к обедни, сять (=сеять), йисть (есть); даже перед согласной твердой: хлиба, лис (=хлеба, лес) и др.? Может быть *ю* произносится похоже на *и*, а не совсем, как *и*?

19. Не говорят ли *е* в.м. *я* (*а*): тетя (-тятя), хозяйка (=хозяйка), горечий (=горячий), петь (=пять), преник (=пряник), счестье (=счастье) и др.? Не говорят ли *е* в.м. *я* (*а*) в конце слов и перед твердыми согласными: семе, везать, взел, петнатцеть и др.? Не произносят ли *е* в.м. *я* (*а*) также в глагольных формах: научела, молчела, завизжела, молчать, научеть и пр.?

20. Не произносят ли *ё* (*о*) в.м. *я* (*а*): времё, имё, гониссе и др.?

21. Не говорят ли *и* вместо *е*: сибе, тибя, чиво, пойдити, ишшó, дивеня (вместо: себе, тебя, чего, пойдите, еще, деревня)?

22. Не говорят ли *и* см. *е* в ударяемых слогах: щиль, двирь, шись, динь, йиль (=щель, дверь, шесть, день, ель) и др.?

23. Не говорят ли обратно *е* в.м. *и*: улеса, свенья, погэбать, молнея, библия, Германя (в.м. улица, свинья, погибать, молния, библия, Германия) и др.?

24. Не произносят ли *а* вместо *о*: дамой (=домой), ладна (в.м. ладно)? Не произносят ли *о* в.м. *а*: дэвай, провитель, копуста и др.? Быть может, всегда отчетливо произносят в неударяемых слогах *о*: пороздумал, хоршó, дóброво, с мальчиком и др.? Не произносят ли в неударяемых слогах гласные кратко, т. ч. не разберешь, какая гласная: *о* или *а* (как говорят в Москве и Петрограде)? Может быть, так говорят лишь молодые?

*) В ответе на вопрос 14-й и следующие необходимо привести возможно больше примеров на каждую особенность говора.

25. Не произносятся ли иногда *я* (*а*) вм. *е* пачоных (=печеных), цвясти (=цвести), чаво (=чего), яво (=его), Рожаство (=Рождество) и пр. под.?

26. Не пропускают ли гласную в словах: м'ю, м'ешь, м'ют и пр. (вм. мою, моешь, моют)?

27. Не произносятся ли иногда одну гласную вместо двух, напр., твово (вм. твоего), посылашь (вм. посылаешь), ругамся (вм. ругаемся), копек (вм. копеек) и пр.? Или, быть может, говорят протяжное *а* вм. *ae* (как бы: ругаамся), протяжное *е* вм. *ee* (имеем) и пр.?

28. Не говорят ли два гласных вместо одного: оболоко (=облако), сором (=срам), веремя, беремя (=время, бремя); должно, доложон, столоб, беревно, сереп, верех, четверег, молонья и др. (вм. должно, дол-жен, столб, бревно, серп, верх, четверг, молния)?

29. Не говорят ли у вм. *в*: деука (=девка), дауно, (=давно узаял (=взял)? Не говорят ли и обратно *в* м. *у*: *в* меня (=у меня)?

30. Отчетливо ли и ясно в вашем селении произносятся согласные звуки, особенно на конце слов, или не вполне ясно, отчего на расстоянии речь является не вполне понятною?

31. Не слышится ли *ц* вм. *ч*: *ц*асто, бурацёк. поцом (=часто, бу-рачек, почем), цудо (=чудо) и др.; или, быть может, употребляют *ч* вм. *ц*: *д*евича, *п*тича, *к*ольчо, *о*ччи (=девица, птица, кольцо, отци) и др.? Может быть, *ц* или *ч* вовсе произносятся в вашей местности, а существует только одно *ч* (нет *ц*) или одно *ц* (нет *ч*), или, быть может, один из этих звуков употребляется редко? Не говорят ли женщины более на *ц*, а мужчины—более на *ч*? Приведите побольше примеров на употребление звуков *ц* и *ч*.

32. Не встречается ли *с* вм. *ц* (или *ч*): *с*ево (=чего), улиса (=улица) овса (=овца), пальсы (=пальцы), сэркофь (=церков)? Может быть, в говоре некоторых крестьян вовсе нет звука *ц*, и в место него всегда звук *с*? Не говорят ли иногда наоборот *ц*. вм. *с*: *м*олоцный (вм. *м*олосный—*м*олочный), *к*оцарь (вм. *к*осарь), *д*еревенцкий (=девевенский).

33. Не говорят ли *ш* вм. *ч*: *н*ошь (вм. *н*очь), *д*ошь (вм. *д*очь), *м*олшать (вм. *м*олчать), *н*аушить (вм. *н*аучить), *ш*асы (вм. *ч*асы), *к*ришь (вм. *к*ричать)?

34. Не произносятся ли мягко *ш*, *ж*: *ш*ить, *ж*ить (вм. *ш*ыть, *ж*ыть), *ш*есть, *Ж*еня (вм. *ш*эсть, *ж*эня), *л*ошька? Может быть мягко произносятся *ш* и *ж* также перед *а*, *у*, *о*: *ж*яр, *ш*юм, *ш*япка, *ш*ёрох, *ж*ёлтый и пр.?

35. Не слышится ли мягкое *ц*: *ц*яшка, *у*лиця, *ц*иплёнок и пр., особенно на конце слов: *о*гурець, *д*ворець, *о*тець.

36. Не произносятся ли твердо *шш*, *жж* вместо наших орфографических *щ*, *жж*, *жд* (*зж*): *рошша*, *шшука*, *дожжык*, *ежжу*? Быть может говорят: *рошя*, *шюка* с кротким *ш*?

37. Не употребляют ли *ш* вм. *с* и обратно, а также *ж* вм. *з* и обратно: *вешна* (=весна), *кошить* (=косить), *понапрашну* (=пона-прашну), *приштань* (=пристань), *тамосни* (=тамошни), *музыки* (=му-жики), *жемьскёй* (=земский)? Быть может произносятся шепелявые звуки, так что трудно разобрать, как говорят: *с* или *ш*, *з* или *ж*, наприм. *ш*има, *рош*я, *ш*ить и др.?

38. Не употребляют ли *т* вм. *ч*: *т*ясы, *т*етяс, *с*титать, *й*ись *х*оту *я* (=часы, сейчас, считать, есть хочу *я*) и др.?

39. Не говорят ли *х* попу, *х* кузнецу вм. *к* попу, *к* кузнецу и пр.? Не произносятся ли также *х* вм. *к* в словах: *х*то, *т*рахт, *б*ехчи, *ж*ехчи, *л*ехчи (вм. *к*то, *т*ракт, *б*ежать, *л*ечь, *л*ечь)?

40. Не говорят ли *x* вм. *ф* (*в*): дехка, кузох, хнук, мужикох, (=девка, кузов, внук, мужиков)? Не употребляют ли обратно *ф* вм. *x*, и *хв*: *фомяк*, *моиф*, *уфат* (=хомяк, моих, ухват)?

41. Не произносят ли *кя*, *кю*, *кё* вместо *ка*, *ку*, *ко*: *хозяйкя*, *дурацькёй*, *огонькём*, *Танькю*, *печкя*, *Сашкя*, *Машкя*, *сахаркю*? Не говорят ли *яя*, *юю* вм. *яа*, *юу*: *деньям*, *деньюю*?

42. Не произносят ли иногда вм. *л*—*л*, *у*, *в*: *толды*, *тов да*, *коуда* (вм. *тогда*, *когда*)? Не говорят ли *л* и вместо *в*: *трелога*, *треложить*, *слобода* (вм. *тревога*, *тревожить*, *свобода*)?

43. Не говорят ли: *омлорок*, *омлан*, *ланно*, *ронной*, *лнук*, *дерелня*, *дамно*, *лчела*, *вного*. *повню* (вм. *обморок*, *обман*, *ладно*, *родной*, *внук*, *деревня*, *давно*, *пчела*, *много*, *помню*)?

44. Не произносят ли *ры* вм. *ри* в словах: *скрып*, *скрыпка*, *грибы*, *крынка*, *капрызный*, *Грыгорей*, *Рым*, *крычать* и др.?

45. Не говорят ли мягко *с* в окончании—*ской*, напр.: *русской*, *Московской* (вм. *русский*, *московский*)?

46. Не произносят ли иногда *л* мягче, чем мы: *лом* (как будто: *лём*), *была* (как будто „*быля*“). Не встречается ли эта особенность в языке женщин?

47. Не говорят ли твердо губные *п*, *ф*, *м* на конце слов: *кроф*, *любоф*, *голуп*, *сып*, *сем* (вм. *кровь*, *любовь*, *голубь*, *сыпь*, *семь*) и др.

48. Не произносят ли иногда твердо согласные *л*, *з*, *н*, напр: *силно*, *болно*, *сколко*, *болшой*, *нелзя*, *малчик*, *полза*, *свитилня*, *колоколя*, *палцем* (вм. *сильно*, *больно*, *сколько*, *болшой*, *нелзя*, *мальчик*, *польза*, *свитильня*, *колокольня*, *пальцем*); *возмите*, (*возьмите*) *амин*, (вм. *аминь*) и др.?

49. Не опускают ли в произношении некоторые согласные, особенно *в*, *б*, *д*: *сея* (=себя), *зоут* (=зовут), *деушка* (=девушка), *баушка* (=бабушка), *озьмите* (=возьмите), *эревка* (=веревка), *буэт* (=будет)? Не опускают ли иногда *т* (после *с* перед согласным и на конце слов): *хвос*, *госьми*, *ест* (=хвост, гостями, есть)?

50. Не опускают ли *р* в словах: *окститься*, *новокшонные*, *кстины*, *кстить* (=окреститься, новокрещенные, крестины, крестить)?

51. Не произносят ли иногда *к* вм. *х*: *клев*, *корош* (вм. *хлев*, *хорош*). Не говорят ли обратно *х* вм. *к*: *хлюв* (вм. *клюв*). Не встречается ли *ш* вм. *ж*: *шалко* (вм. *жалко*). Вообще не встречается ли особенностей, которые объясняются влиянием инородцев?

52. Не оканчивают ли им. ед. существительных на *ко* вм. *ка*: *батьшко*, *тятько*, *мое домишко*, *братушко*? Не склоняют ли эти слова так: *батьшко*, *род. батьшка*, *д. батьшку*, *тв. батьшком* и пр.?

53. Не говорят ли им. ед. *дочи* (вм. *дочь*), *мати* (вм. *мать*)?

54. Не употребляют ли *родит. падеж* вместо *дательного* и *предложного* в единственном числе женского рода: *к воды*, *вызбы* (=в избе), *в воды* и пр.? Не говорят ли также *дательный* вм. *родительного* *у маме*, *у снохе* и пр.?

55. Не встречаются ли формы с окончанием *у* в *род.* и *предл. падежах*: *об верху*, *о снегу*, *наварили киселю*, *ото сну*, *в песку* и пр.?

56. Не говорят ли в *имен. мн. окончания* *-а-ья*, *-овья*, *-евья*, где мы произносим окончания *ы*, *и*, *е*: *мужевья*, *сватовья*, *волосья*, *окунья*, *полá*, *дьявола*, *хресьяна*, *прихожана*, *яичка*? Не говорят ли наоборот окончание *ы* вм. *нашего а*: *хозяевы*?

57. Не произносят ли в род. мн. средн. и жен. рода окончание *ов*: делов, местов, деньгов, избов, иконов, полков? Не говорят ли в том же падеже муж. рода окончание *ей, евей* в словах: отцей, огурцей, месяцев, зятевей, братовей?

58. Не употребляют ли дательный падеж вместо творительного во множеств. числе: делать *рукам* (вм. *руками*), жать *серпам*, пойти за *грибам*? Вообще употребляют ли когда-либо в речи творительный падеж: *руками, серпами*, или он постоянно у некоторых крестьян заменяется дательным?

59. Не употребляют ли предложный (местный) падеж с окончаниями: *-ох, -ях* (вм. *-ах*): о солдатах, о дураках, на воротах, на зубях?

60. Не говорят ли твердое окончание вместо мягкого в прилагательных: *ближной, дальней, здешной, зимной, летной* (вм. ближний, дальний, здешний, зимний, летний) и обратно—мягкое вместо твердого: *голодной, больней, шальней* и пр.?

61. Как произносят: *доброва, худова* или *доброво, худово*? Не говорят ли: *чоб, коб, чо, ко* (вм. чего, ково)?

62. Не встречаются ли формы прилагательных и местоимений *худыма, добрыма, имя, темя, всемя, обоймя, имям, имях, всемях* и пр. (вм. худыми, добрыми, ими, теми, всеми, обойми, ими, их, всех)?

63. Не встречаются ли прилагательные и местоим. с окончанием *иѣ*: от злыѣ собаки, добрыѣ жоны, у тыѣ бабы, тыѣ мужики?

64. Не употребляют ли творит. ед. прил. муж. р. вместо предложного: на высоком сарае, в зеленом лугу (вм. на высоком сарае, в зеленом лугу)?

65. Не говорят ли в сравнительной степени окончание—*яе* вм. *ее*: *тепляе, мильяе, хитряе* и пр.?

66. Не прибавляют ли к существительным и местоимениям частицы: *от, та, то, те, ту, ты* (напр.: молоко-*то*, отец-*от*, крупа-*та*, отцу-*ту*, ему-*ту*, в избу-*ту*, мой-*от* милой, мужиков-*ту*, балясы-*те* и др.)? Приведите предложения с такими частицами.

67. Не произносят ли: *будю, пустю, вредю, бросаю, летю, морозю, храплю* (вм. бужу, пущу, врежу, брошу, лечу, морожу, храплю) и др.?

68. Не говорят ли: *пекот, жют, мочѣт, могом, тком, запряюм, жгет, жгем* (вм. печет, жжет, может, можем, тчем, запряжем, жжет, жжем)?

69. Не наблюдаются ли окончания—*ют* вм. *ят* в 3 л. м. ч: *хвалят, видют, просят* (вм. хвалят, видят, просят)?

70. Не говорят ли *е* вм. *ѣ* в наст. времени глаголов: *ждешь* (вм. ждѣшь), *поете* (вм. поѣте), *печем* (вм. печом)?

71. Не произносят ли в 3 лице глаголов окончание без *т*: *буде* (вм. будет), *ходя* (вм. ходят), *идѣ* (вм. идѣт) *знаю* (вм. знают) и др. под.?

72. Не оканчивается ли неопределенное наклонение на *ти* в неударяемом слоге: *дати, ести, моли, забывати*, и др.? Не говорят ли: *пекчи, мокчи, секчи, запрекчи*?

73. Не встречаются ли окончания—*ять, ял* вместо *ил, ить* (*хоронять, хоронял, звонять, звоняла*), или окончания—*ел, есть* вм. *-ал, -ать* (*кричать, визжать, молчел, ходела* и пр.). Не употребляются ли окончания *ить, ил, ила* в глаголах: *визжить, мочить, пекить, кричить*?

74. Не произносят ли в возвратном залоге окончание *шиа* во 2 л. ед. ч. *бьешшиа, дерешшиа, ругаешшиа, боишшиа* (=бьешься, дерешься,

ругаешься, боишься)? Или, быть может, говорят: *бьесся, дересся, или бьесса, дересса* или *бьессы, дерессы*? как произносят: *дралса, дрался* или *дралсы; дратца, ругатца* или *драчча, ругачча, боюся* или *боюсь*?

75. Не встречаются ли особенности в ударении**), напр., не произносят ли: *за́става, по́стройка, о́тставка, за́куска, ро́злив, пере́стрелить, по́друга, за́ сына, не́ время, по́д избу, за́ со́ху, не́ бил, не́ время, го́лове, зиме, стёне (дати), в но́чи, на лошаде́, селенья, осе́нь-осе́нью; ручей, сердце́, общество́, чаща́, дочка́, дево́чка; моёво, никóму, люто́й, дубсво́й, милóй, хитро́й; или, никóгда, ужа́хнуться, работáть, привёден, гово́ришь, разо́рвешь, бравши, взя́мшись, сидю́чи, броса́лся, оста́лся, стои́тё, ходи́тё* и др.?

76. Не говорят ли: заказать *тройка*, истопить *байня*, рассказать *сказка*, взять *шуба*, земля *добавить*? Быть может даже говорят *истопил байня, расскажу сказка* и т. п.?

77. Не употребляют ли возвратный залог *на—ся* вм. действительного или среднего: *видеться* (=видеть), *можицца* (мочь), *довольно стираться* (=стирать); это не уйдется в строку (не поместиться, не уйдет) и др.?

78. Не употребляют ли деепричастия с окончаниями: *-вши, -миш, -тцы, -тце* в качестве сказуемых: *хозяин ушотцы, она родимшы; мальчик весь день неспамши, отец еще не вставшы* и пр.?

79. Не говорят ли: *два раз, три раз, два разы, три разы, шестьдесят год, два рубли, три дни, двои ворота, трои двери, четверы сутки, двое люди* (=два человека)?

80. Нет ли особенностей в грамматическом роде. Не говорят ли: *яблок* (вм. *яблоко*), *ужина* (вм. *ужин*), *колоколо* (вм. *колокол*), *тигра* (вм. *тигр*), *мировая судья, красная червь, какая картофель* и др.

81. Весьма любопытно было бы получить хоть небольшой список местных слов. Слова сообщите в предложениях, в которых они употребляются. Весьма любопытно было бы получить собрание технических терминов, употребляемых в разных промыслах, местные географические названия (рек, притоков, озер, урочищ, оврагов, холмов и пр.), народные названия растений, названия кушаний и т. д.

82. Как звучит местоимение „что“: *што, щё, шчо, штё, чо?*

83. Если Вы знаете такие особенности говора вашего селения, о которых в программе не упоминается, то сообщите их здесь, или даже на особом листе: *эти сведения были бы особенно ценны.*

84. Не поют ли в Вашем селении старинных (протяжных, долгих) песен, или поют только частушки? Может быть, старинные песни сохраняются лишь в памяти стариков и старух? Если возможно, сообщите несколько образцов старинных песен на особом листе, записав их точно, как произносят. Не можете ли назвать певцов, знающих много старинных песен?

85. Не сохраняются ли в Вашем селении в памяти стариков старинные сказки? Не укажете ли кратко содержание некоторых сказок? Может быть, сообщите ваши записи сказок?

86. Не сохраняются ли в памяти отдельных крестьян (знахарей) старинные заговоры от болезней и др. заговоры?

*) В этом пункте курсивом обозначена буква „я“ в тех случаях когда на ней ударение.

**) В этом пункте курсивные буквы „у“, „и“, „я“ и „ю“ имеют на себе ударение.

87. Не водят ли в Вашем селении хороводы и не сохраняются ли игры с песнями? Не перечислите ли игры с песнями и не приведете ли примеров старой хороводной песни?

88. Не справляют ли по старинному свадьбу? Не сохраняются ли при этом причитания (плачи) невесты, приговоры дружки, особые свадебные обычаи (напр., заплетанье косы)? Не запишите ли приговоры дружки?

89. Не сохраняются ли обряды при погребении мертвых и причетания (плачи) по покойникам? Не приведете ли образец такого плача?

90. Не сохраняются ли святочные гаданья и в чем они состоят?

91. Какие еще старинные обряды сохраняются в Вашей местности? Не сжигают ли чучел, не выют ли венков (бросая их на воду), не справляют ли проводы березки и др.?

92. Нет ли в вашей местности преданий и рассказов о лобастах (русалках), кикиморах, леших (долгих), суседках (домовых), нечистых упырях, летунах и пр.? Не сообщите ли, как народ представляет их внешний вид, их одежду, отношение к людям и т. д.?

93. Сообщите о верованиях в ведьм, колдуний, колдунов (пухтарей), о наведении ими засухи, болезней, порчи, о лечениях от болезней и пр. Сообщите, какие рассказы ходят про колдунов и колдуний, не было ли борьбы с ними, стремлений их извести (напр., потопить)? Не считают ли крестьяне в настоящее время кого-либо, из деревенских, колдуньей или пухтырем?

Н. Каринский.

Заметка о собирании особенностей языка, проникших в деревню в революционное время.

С революцией в деревню вошло не мало новых слов и выражений. Количество таких слов, их характер и характер их употребления в речи представляют весьма ценные данные для исследования вопросов о том, как на психике деревни отражаются события последних лет. В виду этого указанный материал явился бы ценным источником как для этнографа вообще, так и специально для исследователя народной психологии.

Собирать следует каждое новое слово, явившееся в местном говоре со времени революции, хотя бы его появление и не объяснялось непосредственно политическим и социальным переворотом, хотя бы, следовательно, значение нового слова непосредственно не указывало на новые влияния.

Записываются как названия новых учреждений и должностных лиц, как термины, проникшие в народ из политической литературы и газет, так равно вообще все новые слова, принесенные из города, школы и т. п.

Каждое слово записывается непременно в той форме, как его произносит народ, хотя бы в речи народа оно было значительно изменено (переделано). Если в местности ваших наблюдений слово произносится на разные манеры, необходимо записывать разные формы слова. Неправильное произношение слова только в таком случае вовсе не отмечается, если все в деревне (в том числе и старшее поколение)

усвоили правильную форму нового слова, и слышанная наблюдателем измененная форма является совершенно случайною. Каждое слово и выражение необходимо записывать в той фразе (в том предложении), в котором его слышал наблюдатель. Если слово имеет несколько оттенков значения или если из приведенного предложения не вполне ясно значение слова, то необходимо приводить несколько предложений, в которых употребляется данное слово в разных значениях. Если наблюдаемое слово в устах крестьян имеет не то значение, какое оно *должно* иметь, этим смущаться не следует. Такого рода неправильности в употреблении слов могут давать любопытные этнографические указания, так как важно не только собирать новые элементы в языке, но и наблюдать, поскольку они усваиваются в деревне. Вообще желательно записывать возможно больше предложений с каждым словом, чтобы употребление слов в устах разных лиц выяснялось с достаточной обстоятельностью. Записывая слова, важно отмечать, употребляются ли они только в речи молодых, или также стариков и старух. Весьма интересно указывать проникновение рассматриваемых слов и в язык детей. С этой целью любопытно сделать наблюдения в дошкольном учреждении.

Любопытно было бы также отметить, не наблюдается ли особенно большое число новых слов у людей бывалых (красноармейцев, матросов, лиц, уходящих на заработки в город и т. д.), не столь связанных с деревенскою жизнью. Важно проследить и те пути, какими проникли и прочикают в деревню новые слова (через газеты, через указанных выше бывалых людей?).

Отметьте не образовались ли *самостоятельно* в деревне какие-либо слова и выражения в последние годы.

Наконец, ценно было бы уяснить, насколько значительны изменения в местном словаре и вообще в языке за рассматриваемый период времени, и не замечается ли в обыденном говоре крестьян книжных выражений и слов, сближающих их речь с языком образованных людей, не наблюдается ли утеря старых народных слов и выражений.

Следует привести образцы деревенской речи с литературными влияниями, с влиянием языка образованного русского общества, а также старинные выражения и слова, которые исчезают в говоре, с указанием, насколько они стали редки в речи (остаются у стариков и т. п.).

Н. Каринский.

К вопросу о научной разработке языков: мари, удмурт и коми.

Языки народностей: мари, удмурт и коми-морт до сего времени научно не разработаны*). В этом направлении были сделаны некоторые попытки в конце 18 ст. и в первой половине 19 ст. Здесь мы встречаемся с трудами по языку *коми*: *Шерина* — издан. 1830 г., *Шерена* — изд. 1830 г., *Губеленца* — изд. 1841 г., *Кастерна* — изд. 1844 г., *Видемана* — изд. 1847 г.; по языку *удмурт*: издан. Академии Наук под названием — „Сочинения, принадлежащие к грамматике вотского языка — 1775 года и *Видемана* — изд. 1851 г.

Во второй половине 19 ст. и в начале 20 ст. до эпохи революции капитальных трудов в этой области не встречается, что является отчасти следствием определенного отношения правительства к языкам мелких народностей России.

Не вдаваясь в критический разбор трудов, перечисленных выше, можно сказать о них следующее. Все они создавались в период, так называемый „до научный“, когда исследователь того или другого научно неразработанного языка подходил к нему с готовыми формами научно-разработанного языка или немецкого, или русского, или греческого, или латинского). Известно, что Индо-европейские языки — флективные, а языки коми, удмурт и мари — агглютинативные. В рамках грамматик первых ни под каким видом нельзя рассматривать последнее. Отсюда характерные особенности языка, невмещающиеся в готовые формы чуждого языка, или совершенно ускользали от наблюдения исследователя, или же, в лучшем случае, попадали в его работе в разряд примечаний. Таким образом главный недостаток всех указан-

*) Черемисы никогда не называли себя и теперь не называют именем „черемис“. Называют они себя: мэрэ, марэ, мары и мари. В западной части территории, занимаемой народом мари (в пределах Костромской губернии) чаще встречается название „мэрэ“ или „марэ“, а далее к востоку, вплоть до Уральских гор, — „мары“ и „мари“. При этом, чем дальше к востоку, тем яснее произносится последнее название (*мари*) с ударением на последнем слоге. Несомненно, что народ „мари“ называли именем „черемис“ соседи их, народы тюркского происхождения. Татары и башкиры называют „мари“ „чирмеш“, чувашаи — „тсармыс“. Слова „чирмеш“ и „тсармыс“ — одного значения. В языках тюркских (татарском, башкирском, турецком, чувашском и т. д.), слово „чирец“ и „тсар“ значит сила (силы небесные) — воин; частичка „меш“ — мыс обозначает имя деятеля и соответствует русскому окончанию „тель“ или „ный“. Напр., укы читай, — укымеш — читатель — ученый; чирец — воин — сила. тсар — войско, „чирмеш“ — тсармыс — воин — воинственный, беспокойный. (См. Чуваш — рус. словарь Н. Никольский, Казань 1907 г.; Будагов, Сравнит. словарь тюркских наречий. С. П. Б. 1881 г. Воскресенский А. А. Русско-татар. словарь. Казань стр. 127).

Ботяки называют себя „уд-мурт“ или „уд-морт“. Уд — название племени, „мур“ — „морт“ — человек; отсюда — „уд-мурт“ значит человек из племени „уд“. „Мари“ вотяки называют „пор“, зыряне — саракум.

Зыряне сами себя называют „коми“, „коми-морт“ и „коми-возтыр“. (См. Sjrjänisch-Deutsches Wörterbuch nebst einen Wotjakisch-Deutschen im Anhande, F. J. Wiedemann. СПб. 1880)

ных выше трудов состоял в том, что живой язык не служил отправною точкою при создании грамматики, а строй его подгонялся, если так можно выразиться, под готовые грамматические формы, и тем не менее, значение их и для современной науки велико.

С образованием автономных областей народов мари, удмурт и коми, когда появилась потребность создать и школьное, и дошкольное и внешкольное дело, и всевозможные социально-политические учреждения на новых началах с родным языком в основе, — необходимость научного знания родного языка встала во всей своей полноте. Интеллигентные представители этих народностей, призванные стать во главе строительства своего отечества, впервые в этот момент сознали необходимость этого знания. Появился ряд руководств по рассматриваемым языкам. Но, к сожалению, о всех этих новых трудах (перечислять их не считаем нужным), можно сказать тоже, что было сказано о трудах конца 18 ст. и первой половины 19 ст., т. е. авторы этих новых трудов подходили к своим языкам с готовыми формами русского языка. Если живые языки мари, удмурт и коми рассматривать независимо от предвзятых форм чуждых им языков, то нельзя обойти следующие существенные их особенности.

I. Все эти языки—агглютинативные (приставочные). В них в определенной последовательности при образовании слов прибавляются особые частички (приставки) непосредственно к концу слова, по большей части, без изменений. Напр., в слове „горд-ма-сь-ки-сь-ес-мы-лы“ к корню *jord* (красный) присоединены одна за другую семь приставок, из которых только вторая и четвертая с некоторым чисто-фонетическим изменением. При том каждая приставка здесь имеет свое определенное место и придает слову соответствующий элемент значения.

Напр. Горд красный,
Горд-ма краси (повел. нак. 2 л.),
Горд-ма-сь красящий,
Горд-ма-сь-ки краси (повел. нак. 2 л.),
Горд-ма-сь-ки-сь красильщик,
Горд-ма-сь-ки-сь-ес красильщики,
Горд-ма-сь-ки-сь-ес-мы наши красильщики,
Горд-ма-сь-ки-сь-ес-мы-лы нашим красильщикам.

Отсюда, при изучении языков: мари, удмурт и коми весьма серьезное внимание следует обращать на изучение: во-1-х, свойства и значения каждой частички и, во 2-х, порядка их расположения в слове или места, занимаемого каждой частичкой.

II. В этих языках замечается определенный порядок в расстановке слов. Главные части располагаются после второстепенных: а) *сказуемое, как самая главная и существенная часть предложения, всегда стоит на конце предложения, а подлежащее—в начале. Остальные слова предложения распределяются между сказуемым и подлежащим по степени важности: более важные и нужные слова, напр. слова с многочисленным ударением, занимают место около сказуемого, а второстепенные остаются около подлежащих; поясняющие и определяющие слова стоят перед поясняющими и определяющими и б) все придаточные предложения всегда стоят перед главными.*

„ Солэн (его)	„	„ „ез“—мумыез—его мать.
„ Милям (наш)	„	„мы“—мумымы—наша мать.
„ Тиляд (ваш)	„	„ды“—мумыды—ваша мать.
„ Соослэн (их)	„	„зы“—мумызы—их мать.

Теперь для нас очевидно, почему, если рассматривать язык агглютинативный в грамматических рамках флективного языка, характерные особенности его могут остаться вне сферы исследования. Мало этого, язык теряет свой естественный облик.

Постановка дела должна быть иная.

Известно, что в языках исторических те или другие забытые особенности или неполные языные явления в них восстанавливаются и объясняются путем изучения древних письменных памятников. Языки мари, удмурт и коми письменных памятников не имеют, а потому здесь уже приходится пользоваться исключительно методом сравнительным, т. е. те или другие особенности языка восстанавливаются и объясняются путем сравнения одного языка с другими родственными (живыми) языками. При такой постановке дела научной разработки языков—мари, удмурт и коми будут избегнуты те недостатки, которые так характерны для имеющих у нас грамматик этих языков

В целях правильной постановки дела научной разработки языков: мари, удмурт и коми, согласно данным современной науки, автономным областям: Марийской, Удмуртской и Коми необходимо немедленно принять следующую меру: *организовать одно центральное учреждение по научной разработке финской семьи языков с привлечением туда для постоянной работы известных научных работников в этой области.* Это научное учреждение (центральное) может быть организовано при одном из высших учебных заведений России в виде отдельного факультета.

П. Глезденев.

Об изучении грамотности населения по архивным материалам.

(Опыт разработки архивных материалов Вятского края).

Исследование прошлой жизни, если оно претендует на полноту и обстоятельность, должно необходимо коснуться одного историко-культурного вопроса относительно населения, именно вопроса о состоянии грамотности среди населения исследуемой территории: оно должно уяснить, насколько население было приобщено к обще культурному способу приобретения познаний, умело ли оно читать и писать. Не выяснив этого вопроса, исследователь не в состоянии будет определить культурный уровень населения. Вот почему в исторических работах мы встречаемся с попытками так или иначе осветить вопрос о грамотности населения; говорится о школах, об учащихся, о книгах, которые вращались в населении в данное время или которые за это время были напечатаны и пр. и пр.

Самый лучший и точный ответ на вопрос о состоянии грамотности заключался бы в подсчете всех грамотных среди населения той или иной эпохи.

Но как произвести этот подсчет? Если бы речь касалась современного нам населения, то можно было бы произвести сплошной опрос населения, своего рода перепись и затем обработать результаты этой переписи. Но к этому способу нельзя прибегать слишком часто, так как предпринимаемая в более или менее широком масштабе такая анкета*) требует больших хлопот и значительных расходов. Во всероссийском масштабе она у нас была применена в первый раз лишь в 1897 году при первой переписи населения. Что же касается времени прошлого, то, само собой разумеется, мы не можем применить по отношению к нему этого способа и вообще мы бессильны сделать что-нибудь для уяснения грамотности, если от этого прошлого не осталось никаких материалов. А такими материалами прошлое время не богато. Анкет о грамотности в прежнее время не производилось. Так называемые писцовые или дозорные книги 17 в., ревизии 18 и 19 веков, регистрируя население, совсем не интересовались вопросом о его грамотности.

Таким образом для уяснения состояния грамотности за прежнее время нужно искать каких-то других материалов. Между прочим, исследователи пользуются подсчетом подписей лиц под разного рода документами, сохранившимися в архивах, и на основании этого подсчета делают выводы о грамотности. Этим способом наприм., пользуется академик А. И. Соболевский, когда определяет состояние грамотности на Руси в XVI веке*).

Хранящиеся в архивах документы прежнего времени с подписями лиц могут быть разделены на две группы: в одних—подписи лиц встре-

*) Сплошная перепись не есть анкета. И. П.

*) А. И. Соболевский Славяно-русская палеография. СПб 1908 стр. 6—9.

чаются до известной степени случайно, по случайно возникшим поводам, наприм., при каком-нибудь следственном деле, в прошениях и заявлениях (коллективных), и большею частию не имеют исчерпывающего характера, охватывая лишь небольшую территорию (деревню или небольшой район из ряда деревень). В документах другой группы, подписи населения встречаются систематично и имеют исчерпывающий характер. Это так называемые брачные документы, которые подписывались при заключении каждого брака. В прежнее время (до революции) относительно каждого брака составлялся так называемый брачный обыск, т. е. особого рода акт, в коем прописывалось: 1) звание или чин, место служения, вероисповедание, местожительство жениха и невесты; 2) возраст их; 3) отсутствие между ними родства; 4) семейное положение (т. е. холост или вдов жених, девица, или вдова невеста); 5) разрешение на брак со стороны родителей, опекунов или попечителей; 6) время совершения троекратного оглашения и 7) предположенное время совершения брака.

Каждый обыск должен был быть подписан. До конца 1838 г. под обыском подписываться должны были одни свидетели (а не жених и невеста), а с конца 1838 г., согласно установленной новой форме, стали прежде всего подписываться брачущиеся, если они грамотны, а затем 2 или 3 свидетеля. Вот эти-то подписи под брачными документами и могут служить источником для определения грамотности населения, при чем документы эти, как легко заметить,—не одинаковой ценности: документы до 1839 г., в которых имеются подписи только свидетелей брака, могут говорить лишь о том, что в данном районе было известное количество грамотных и при том только мужского пола (в прежнее время женщины вообще не подписывались за других); так как подпись одного и того-же лица могла фигурировать даже в течение одного года несколько раз, то естественно, что правильного учета грамотных по этим документам произвести нельзя или затруднительно.

Другое дело—брачные документы после 1838 года: здесь прописываются сами брачущиеся, если они грамотны; таким образом, в брачных документах мы имеем доказательство грамотности мужской и женской половины населения, относящиеся к цветущему возрасту и притом доказательства не случайные, а систематические, более или менее исчерпывающие. Конечно, бывали случаи особенно в старое время, когда некоторые брачущиеся уклонялись от подписи, стесняясь своего плохого писания, но такие случаи едва-ли могли быть частыми и следовательно едва-ли могли влиять на $\frac{0}{100}$ отношения между числом безграмотных с одной стороны и всех брачущихся с другой.

В общем же сведения о числе подписей в брачных документах, выбранные за целый ряд лет, могут дать нам интересную картину развития грамотности на той или иной территории.

На примерах, взятых из Вятского Края, постараемся иллюстрировать значение брачных документов, как источника сведений о грамотности населения. Возьмем сведения о числе подписей брачущихся по трем небольшим районам Вятского края:*) 1) сельскому; 2) сельско-городскому и 3) городскому—за годы 1839—1918, т. е. за 80 лет.

Под сельским районом нами разумеется приход с. Усть-Чепецкого Вятского уезда, расположенный в 25 верстах от Вятки и 25 верстах

*) Под Вятским краем мы разумеем всю территорию Вятской губернии до выделения из нее вотской и черемисской автономных областей, части татарской республики и Пермской губернии.

от уездного города Слободского, на устье реки Чепцы, впадающей в Вятку. Приход этот—один из древнейших в Вятском крае, основан во всяком случае до XVI в.; в писцовых книгах 1628 года село Чепца (или Усть-Чепецкое) фигурирует уже, как своего рода административный центр (погост Никольский в Чепецком стану); под сельско-городским районом разумеется приход Всесвятской церкви гор. Вятки, заключающий в себе отчасти городское население, отчасти сельское и деревенское—прилегающих к городу волостей—Щербинской, Троицкой, Пасеговской, Этот приход основан в конце 17 века, когда он составлял так называемую заградную слободку г. Хлынова. Наконец, третий район—городской—это приход Владимирской церкви гор. Вятки, обслуживающий городское население, основан также в 17 веке и составлял тоже заградную слободку (Владимирскую). В прежнее время в него входило и очень небольшое количество деревень Пасеговской волости, почему в обыскной книге некоторые брачные акты, правда очень немногие, относятся к деревенскому населению. Уже заранее можно предполагать, что сведения о состоянии грамотности в этих трех районах будут далеко неодинаковы. Приводимая ниже таблица вполне подтверждает это.

Г О Д Ы.	ГРАМОТНОСТЬ БРАЧУЩИХСЯ.								
	В сельском районе.			В сельско-городском районе.			В городском районе г. Вятки.		
	Число браков.	Число подписавш. фамил.		Число браков.	Число подписавш. фамил.		Число браков.	Число подписавш. фамил.	
		Женых.	Невест.		Женых.	Невест.		Женых.	Невест.
1839	72	10	—	24	5	3	8	5	2
1840	42	4	—	24	6	2	5	5	4
1841	35	3	—	15	2	1	12	8	5
1842	36	7	—	13	3	1	7	6	5
1843	35	2	—	15	4	1	2	—	—
1844	42	2	—	16	1	—	6	2	2
1845	45	9	—	18	5	1	6	4	4
1846	37	3	—	12	5	3	5	3	2
1847	36	5	—	14	2	1	2	2	2
1848	40	3	—	6	3	1	9	7	3
За 10 лет	420	48	—	157	36	14	62	42	29
1849	40	3	—	14	4	1	10	8	1
1850	47	8	—	14	2	1	9	4	3
1851	31	4	—	7	2	1	10	7	3
1852	35	3	—	24	6	5	4	4	2
1853	34	4	—	14	1	—	5	4	2
1854	31	2	—	22	8	2	9	6	2
1855	27	7	—	12	4	2	6	3	1
1856	56	11	—	20	3	1	4	4	3
1857	61	10	1	30	6	1	7	4	2
1858	53	6	—	18	2	—	5	3	2
За 10 лет	415	58	1	175	38	14	69	47	21

Г О Д Ы.	ГРАМОТНОСТЬ БРАЧУЩИХСЯ.								
	В сельском районе.			В сельско-городском районе.			В городском районе г. Вятки.		
	Число браков	Число подписавш. фамил.		Число браков	Число подписавш. фамил.		Число браков	Число подписавш. фамил.	
		Женых.	Невест.		Женых.	Невест.		Женых.	Невест.
1859	49	6	—	17	5	3	10	4	2
1860	52	17	1	16	9	4	11	10	5
1861	36	5	—	17	5	1	8	7	2
1862	34	7	—	17	6	1	7	4	1
1853	31	4	—	17	3	3	8	7	1
1864	57	11	—	18	1	—	9	7	3
1865	68	26	4	15	4	2	6	6	4
1866	44	11	1	12	5	2	4	4	3
1867	45	13	—	19	7	4	11	9	4
1868	47	10	—	17	4	4	9	7	7
За 10 лет .	463	105	6	164	49	24	83	65	32
1869	62	10	—	25	8	5	4	3	1
1870	55	17	2	21	6	3	5	4	2
1871	62	11	—	22	5	3	10	5	4
1872	59	11	—	20	9	5	7	7	5
1873	52	13	—	16	5	1	10	6	5
1874	43	13	—	19	3	3	9	5	5
1875	39	13	1	15	5	4	13	9	9
1876	38	12	1	15	7	4	7	5	4
1877	20	5	1	11	5	3	7	7	6
1878	34	7	3	13	6	3	13	10	4
За 10 лет .	464	112	8	175	59	34	85	61	45
1879	67	19	3	23	6	5	7	3	1
1880	72	15	—	20	4	2	14	10	6
1881	53	13	1	13	7	1	9	5	3
1882	53	17	5	15	12	5	16	11	5
1883	41	12	3	9	6	3	6	2	—
1884	26	9	—	25	11	6	16	9	7
1885	18	6	2	17	12	5	12	8	6
1886	36	11	5	20	13	5	9	6	5
1887	43	15	4	18	10	3	17	13	8
1888	54	16	3	11	7	1	14	9	9
За 10 лет .	394	133	26	171	88	36	120	76	50
1889	53	22	4	13	8	2	17	14	11
1890	55	21	4	16	14	4	16	10	7
1891	53	30	10	13	11	3	15	11	7
1892	56	30	10	24	16	6	15	13	14
1893	49	17	5	16	13	9	13	8	9
1894	45	23	6	19	14	9	14	12	12
1895	53	19	4	25	21	10	10	8	7
1896	51	23	9	17	15	9	27	21	17
1897	57	24	10	33	28	15	22	19	11
1898	58	27	10	20	15	9	22	17	13
За 10 лет .	530	236	72	196	155	76	171	133	108

Г О Д Ы.	ГРАМОТНОСТЬ БРАЧУЩИХСЯ.								
	В сельском хозяйстве.			В сельско-городском районе.			В городском районе г. Вятки.		
	Число браков.	Число подпавш. фамил.		Число браков.	Число подпавш. фамил.		Число браков.	Число подпавш. фамил.	
		Жених.	Невест.		Жених.	Невест.		Жених.	Невест.
1899	50	19	12	31	26	13	15	13	10
1900	45	25	10	32	28	13	22	20	17
1901	53	31	10	42	33	14	16	15	11
1902	59	33	11	32	26	16	15	14	8
1903	56	37	4	34	32	15	20	17	13
1904	32	17	3	22	22	10	18	17	12
1905	60	37	12	30	24	14	15	15	12
1906	65	37	17	50	39	22	28	26	24
1907	41	22	7	43	38	23	32	29	24
1908	55	34	12	36	31	22	30	28	24
За 10 лет	516	302	98	352	299	162	211	194	155
1909	45	35	17	28	25	17	29	28	25
1910	58	50	18	17	17	11	28	28	21
1911	51	47	17	27	26	18	19	18	18
1912	36	28	14	23	22	15	26	25	23
1913	36	21	14	32	28	16	21	19	17
1914	31	36	7	24	23	19	17	16	14
1915	11	9	3	21	17	12	28	27	23
1916	19	13	4	51	25	15	15	15	15
1917	16	10	7	44	38	24	26	27	23
1918	75	60	36	99	93	63	61	58	54
За 10 лет	378	299	137	346	314	270	273	261	233
Всего	3649	1293	348	1736	1038	570	1074	879	673

Итак, за 80 лет в указанных трех районах оказалось грамотных:

	Число браков.	Жених.	Невест.	процентах:	
				Жених.	Невест.
В сельском районе	3649	1293	348	35	9,5
В сельско-городском	1736	1038	570	60	32
В городском	1074	879	673	81,8	62,7

В сельском районе грамотность женихов и невест оказывается самой низкой, а в городе—самой высокой, но все-же далекой от всеобщей.

Впрочем в приведенной выше таблице для нас не столько важно знать общее количество за все годы грамотных женихов и невест, сколько интересно проследить постепенное, начиная с 1830 годов, развитие грамотности среди населения. В сельском районе грамотные женихи встречаются, правда, с самого начала рассматриваемого нами

периода, но в очень незначительном числе, а грамотные невесты— только с 1857 года, при чем невесты крестьянки еще позднее— с 1865 г. *); в сельско-городском районе грамотные брачущиеся встречаются в большем числе: в 1839 г. подписывают свою фамилию приблизительно 20% женихов и 12% невест, а в городском районе грамотность среди женихов достигает 62%, а невест 25%. Как эта грамотность развивается за рассматриваемые 80-летие, всего лучше можно уяснить, сведя цифровые данные о подписях брачущихся по 10-летним периодам и выразив грамотность женихов и невест в особых показателях для каждого десятилетия.

У нас получится следующая таблица:

№№ по порядку.	ДЕСЯТИЛИТИЯ.	В сельском районе.		Сельскогородском районе		Городском районе.	
		ПРОЦЕНТ ГРАМОТНЫХ.					
		Жених.	Невест.	Жених.	Невест.	Жених.	Невест.
1	1839—1848 . . .	11,4	—	22,9	8,9	67,7	46,8
2	1849—1858 . . .	13,0	0,3	21,7	8	68,1	30,4
3	1859—1869 . . .	22,4	1,3	29,9	14,6	78,3	38,6
4	1869—1878 . . .	24,1	1,7	33,7	19,4	71,8	52,9
5	1879—1888 . . .	28,7	5,6	51,5	21,1	63,3	41,7
6	1889—1898 . . .	44,5	13,6	79,1	38,8	77,8	63,2
7	1899—1908 . . .	60	19	84,9	46	91,9	73,5
8	1909—1918 . . .	79	36,2	90,7	60,7	95,6	85,3

Из приведенной таблицы видно, что грамотность среди брачущихся постепенно возрастает, при чем во все десятилетия грамотность женихов значительно выше грамотности невест. Среди женихов грамотность заметно повышается в сельском районе с 6-го десятилетия (1889—1898), а в сельско-городском с 5-го (1879—1888). Среди невест наиболее заметный шаг в развитии грамотности мы видим только за восьмое десятилетие, а в сельско-городском—за шестое (1889—1898). Но ко времени революции грамотность среди невест оказывается все-же не высокой: в сельском районе всего 36,2%, а в сельско-городском 60,7%. Даже в городе грамотность среди невест к 1918 г. не достигла желательного предела, т. е. 100%, в последнее десятилетие (1909—1918) подписывали свою фамилию только 85% невест.

На сельском районе любопытно проследить влияние школьного обучения на развитие грамотности среди брачущихся. По имеющимся у нас сведениям, в этом районе мужская школа открыта в 1839 г., а женская—в 1868 г. Между тем, подписи женихов начинают встречаться раньше, чем школа могла обнаружить свои результаты. Следовательно ясно, что население района получало грамотность первоначально не чрез школу, а каким-то другим путем. Замечательно далее, что нет сильного увеличения числа подписей женихов в брачных документах в те годы, на которые падает женитьба первых бывших

*) Из 4 невест, подписавших свою фамилию в брачных актах за 1865 г., к крестьянскому сословию принадлежала только одна.

школьников; еще заметнее это в отношении к невестам; в школе сельского района с 1868 г. ежегодно учатся десятки девочек, а под брачными документами чрез 7—10 лет подписываются всего 2—3 невесты. Куда же девались бывшие школьники и школьницы? Нам думается, что здесь мы имеем дело с рецидивизмом безграмотности, т. е. думаем, что некоторые из бывших школьников и школьниц, по выходе из школы, ко времени брака разучивались писать, не упражняясь в писании после школы.

Пользуясь данными о подписях брачующихся сельско-городского района, любопытно отметить влияние города на развитие грамотности в волостях, непосредственно примыкающих к нему—Троицкой Пасеговской, Щербининской.

Правильно организованная начальная школа в Вятке имеется с 1780 г. (с 1786 г. в виде главного народного училища, а в начале 19 века в виде приходского и уездного училища), но подгородное население, видимо, не пользуется этой школой на первых порах: подписи женихов Пасеговской волости встречаются лишь в 1860, 1867 и 1871 г.г. Щербининской—в 1861, 1862 и 1867 и затем с 1869 года чуть не ежегодно. Лишь в Троицкой волости подписи женихов встречаются несколько ранее, именно в 1841 (из 7 женихов подписался 1), 1849 г. (из восьми—три), 1854 г. (из 11—1). Что же касается невест, то дело здесь обстоит еще хуже. Подписи невест Пасеговской волости встречаются впервые лишь в 1872 (из двух—одна) и в 1879 (из четырех—одна); невесты Щербининской волости впервые дают свою подпись в 1875 (из 6—одна) и в 1878 г. (из четырех—одна).

Если развитие грамотности в населении гор. Вятки и ближайших к нему местностей, как видно из вышеизложенного, было довольно далеко от нормы, то в глубинах Вятского края оно было еще менее удовлетворительным, и это обнаруживается на тех же подписях брачующихся.

Мы имели возможность просмотреть брачные документы по одному району Елабужского уезда, Вятской губернии (ныне Можгинского уезда, Вотской автономной области), именно по приход Варзиатчинскому *). Приход этот открыт в 1840 х годах. Школы в нем были открыты значительно позднее—первая школа (в селе Варзиатчах) в 1878 г., вторая (там-же) в 1898 г. Кроме того две школы были открыты в 1899 году (в дер. Лялях и Кузюмове), одна в 1903 г. (в дер. Варзибаш), одна в 1912 г. (в дер. Шандрасах-Кибья) и, наконец, одна в 1913 г. (в дер. Юмьяшур). В этом районе подписи женихов и невест в брачных документах до 1876 г. совершенно отсутствуют: в 1876 г. из 34 женихов подписался 1, в 1878 г.—из 30 тоже один. Подписи невест встречаются позднее—именно, с 1886 г., приведем на выдержку данные о подписях брачующихся за некоторые года:

*) В Варзиатчинской волости этнографический состав населения смешанный: по переписи 1920 г. из 2760 хозяйств насчитывается 1414 вотских, 830 русских и 516 татарских.

Г О Д А.	Число браков.	Число грамотных.		Г О Д А.	Число браков.	Число грамотных.	
		Жених.	Невест.			Жених.	Невест.
1882 . .	28	5	—	1904 . .	76	19	1
1883 . .	23	2	—	1905 . .	38	12	1
1884 . .	19	3	—	1917 . .	33	16	4
1885 . .	33	1	—	1918 . .	60	53	11
1886 . .	27	9	2				

Итак, изучение подписей брачущихся в документах за ряд прошлых лет дает нам любопытные сведения о развитии грамотности в различных районах края. Было бы весьма важно, если бы каждый район Вятского края использовал возможность на основании брачных документов уяснить ход развития грамотности по данной территории за прошлое время.

Изучение грамотности брачущихся можно предпринимать, конечно, и в более широком масштабе—уездном и губернском и, само собой разумеется, что в этом случае могут получиться и более ценные результаты.

Для Вятского края мы имеем и опыт такой работы, произведенный С. А. Нурминским, бывшим директором народных училищ Вятской губернии. На основании подсчета подписей женихов и невест он произвел обследование грамотности брачущихся Вятской губернии за два периода: за 1870, 1871 и 1872 гг.*) и за 1880, 1881 и 1882 гг.**). За тот и другой период Нурминским разработаны сведения отдельно по городам Вятской губернии и отдельно по уездам (без городов).

Извлечем оттуда сведения о грамотности брачущихся, относящиеся к уездам, т. е. к сельскому и деревенскому населению Вятского края.

№ №	У Е З Д Ы.	Число браков 1870-72	Число грам.		% грамот.		Число браков 1880-82	Число грам.		% грамот.	
			Жен.	Нев.	Жен.	Нев.		Жен.	Нев.	*Жен.	Нев.
1	Вятский .	5385	452	54	8,6	1,0	5144	899	92	16,9	1,6
2	Глазовский	8170	371	52	4,5	0,6	8992	730	95	8,3	1,1
3	Елабужск.	3813	240	20	6,2	0,5	4230	533	48	12,4	1,1
4	Котельнич.	7212	532	33	7,4	0,4	7712	1033	60	13,1	0,6
5	Малмыжск.	4311	308	41	7,1	0,9	5351	631	83	11,6	1,5
6	Нолинский	5487	311	30	5,7	0,5	5040	896	112	17,7	2,2
7	Орловский	5853	584	24	10	0,5	6300	1262	94	19,2	1,2
8	Сарапульск.	8562	1113	94	13,0	1,1	9221	1673	360	18,2	3,9
9	Слободской	5196	522	54	10,0	1,0	5204	803	157	14,7	3,9
10	Уржумский	6588	365	29	5,5	0,4	7460	964	115	12,6	1,5
11	Яранский .	8669	1015	102	11,7	1,2	9908	1778	198	17,5	2,1
	Итого .	¹⁾ 69246	²⁾ 5813	538	8,4	0,8	74622	11202	1,414	14,8	1,8

*) Приложение к Статистическому описанию Вятской губ. Вятка 1875 года.

Из приведенной таблицы мы видим, что за трехлетие 1870—1872 г. при общем числе браков 69,246 в Вятской губ. грамотных женихов оказалось всего 5,818 или 8,4%, а невест еще того менее—именно 538 или 0,8%, т. е. из тысячи невест 1 грамотная невеста. По отдельным уездам грамотность женихов колеблется от 4,5% до 13%, а невест от 0,6% до 3,9%.

Через 10 лет картина состояния грамотности меняется: в брачных документах подписывают свою фамилию уже 14,8% (вместо 8,4) женихов и 1,8% невест (вместо 0,8), т. е. число грамотных женихов почти удвоилось (относительно общего числа), а число невест удвоилось.

Приведенные у Нурминского данные о числе грамотных брачующихся по уездам, между прочим важны в том отношении, что знакомят нас с результатами деятельности земств за первые годы их существования.

Земство в Вятской губернии введено в 1867 г.; таким образом, в данные о брачующихся за 1870—1872 гг. не могли попасть учившиеся в земских школах—и, следовательно, цифры грамотности брачующихся за 1870—1872 гг. характеризуют доземский период состояния просвещения. Данные 1890—1892 гг. относятся уже к школьникам земских школ первого периода. Как видим, результаты школьной деятельности земств за первое десятилетие существования последних нельзя назвать богатыми, особенно, если принять во внимание, что во многих местах Вятского края дети получали первоначальную грамотность не в земских школах, а в школах грамотности, организованных деревенскими учителями-мастерами.

Приведенные выше сведения о грамотности деревенского населения Вятского края интересно сопоставить с данными о грамотности городского населения. В статье С. А. Нурминского есть материал для этого сравнения, относящийся к второму из рассматриваемых им периодов, т. е. к 1880—1882 гг. Вот каковы там сведения о грамотности брачующихся по городам:

НАЗВАНИЕ ГОРОДОВ.	Число браков 1880—82	% грамотности.		Число подписавш. свою фамилию.	
		Жених.	Невест.	Жених.	Невест.
1. Вятка	344	263	149	76,4	43,3
2. Глазов	34	32	23	94,1	67,6
3. Котельнич	66	60	36	90,9	54,5
4. Малмыж	37	20	8	54,0	21,6
5. Нолинск	47	41	27	87,2	57,4

„Статистические сведения о числе грамотных и неграмотных в православном и единоверческом населении Вятской губ.“ ст. 1—69.

**.) Календарь Вятской губ. на 1888 г. стр. 84—154—„Грамотность в населении Вятской губ.“.

1) В таблице Нурминского в общем итоге ошибочно стоит 69,176.

2) В таблице Нурминского всех женихов значится 8913; повидимому, простая опечатка, т. к. в конечном итоге число женихов (по городам и уездам) стоит 7039.

НАЗВАНИЕ ГОРОДОВ.	Число браков 1880—82.	‰ грамотности		Число подписавш. свою фамилию.	
		Жених.	Невест.	Жених.	Невест
6. Орлов	49	47	32	95,9	65,3
7. Сарапул	339	164	83	48,4	24,5
8. Слободской	170	117	69	68,8	40,6
9. Уржум	64	42	25	65,6	39,1
10. Яранск	55	51	86	92,7	65,4
11. Царевосанчурск.	21	20	14	95,2	66,7
Итого 1)	1226	857	502	69,9	40

Из таблицы видно, что грамотность брачующихся горожан Вятского края была в 1880—82 гг. значительно выше грамотности селян: в частности, женихов почти в 5 раз (69,9‰ вместо 14,8), а невест— в 22 раза (40‰ вместо 1,8); при этом наибольший процент грамотности женихов оказывается в маленьких городах—Царевосанчурске, Орлове, Глазове.

Далее, в городах не наблюдается слишком значительной разницы в отношении грамотности между мужским и женским населением. Менее грамотными в 1880—1882 гг. были г. Сарапул и Малмыж.

Из сказанного, таким образом, ясно видно, какие ценные сведения о грамотности населения за прошлое время можно извлечь из брачных документов: во многих случаях эти сведения будут единственным показателем грамотности, за отсутствием других исторических свидетельств, и следовательно, составят весьма важное дополнение к истории народного образования в России.

Еще большее значение приобретают брачные документы самого ближайшего к нам времени: здесь их значение не только теоретическое, но и практическое, ибо, давая сведения о грамотности современного населения, они могут служить основой и мотивом тех или иных мероприятий к дальнейшему распространению грамотности. Поэтому в высшей степени желательно, чтобы эти данные подвергались ежегодной сводке и разработке по каждой губернии; насколько нам известно—такая сводка предположена Центральным Статистическим Управлением, которое включило в разосланную по Губернским Статистическим Бюро программу разработки статистических сведений и вопрос о грамотности брачующихся.

Пока погубернская сводка неосуществлена, нам придется довольствоваться сведениями о грамотности брачующихся по отдельным территориям края. В настоящей статье мы приведем сведения о грамотности брачующихся по некоторым волостям Вятского края за 1919 или 1920 гг., при чем возьмем волости по возможности с разнообразным этнографическим составом населения и в различных уездах Вятского края.

1) Гор. Елабуга нами исключен из таблицы в виду того, что брачующиеся горожане в таблице Нурминского не отделены от брачующихся негорожан.

№ по пор.	Наименование волостей Вятского края.	Год к коему относ. сведен.	Число браков.	Число под- писанных фамилию		°/о грамот- ных:		Этнографический состав населе- ния.
				Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	
I. Волости с русским населением:								
1	Чепецкая, Вятского уезда .	1919	105	84	45	80	43	Русск.
2	Истобенская, Орловск. у. . .	1920	56	54	43	98	76	"
3	Рязановская, Котельн. у. . .	1920	39	24	9	71	23	"
4	Татауровская, Нолинск. у. .	1919	76	63	20	83	26	"
5	Бисеровская, Глазовск. у. .	1920	95	56	11	59	11	"
II. Волости с русско-вотским населением:								
6	Понинская, Глазовск. у. . .	1920	98	58	17	59	17	387 хоз. русск 2111 " вотск
7	Ягошурская " " . . .	1919	123	84	31	68	25	387 " русск. 1844 " вотск.
8	Варзиятчинская, Слоб. у. . .	1920	58	37	13	63	22	813 рус., 1414 вотск. и 516 тат.
9	Старотрыкская, Малмыж. у.	1920	67	49	21	73	31	998 хоз. русск. 921 вотск.
10	Новомултаиск. " " .	"	35	28	13	80	37	708 русск. 1136 вотских.
III. Волости с русско-черемисским населением.								
11	Конганурская, Уржум. у. . .	1920	101	69	19	67	19	1303 русск 1773 черемис.
12	Кокшинская " " . . .	1920	49	24	9	49	19	1557 русских. 72 черемисс.
13	Салабелякская, Яранск. у. .	"	123	98	44	79	35,7	3494 русск. 697 черем.
14	Мотвинурская, " " . . .	"	157	121	36	77	23	1481 русск. 649 черемисс.
IV. Волости с русско-пермяцким населением.								
15	Березовская, Орловск. у. . .	"	73	60	19	82	26	837 русск. 161 пермяк.
	Итого ¹⁾	—	1003	744	288	74	28	
16	Гор. Вятка	1919	1231	1186	1028	96	83	

1) Сведения по волостям Чепецкой, Ягошурской и Варзиятчинской, а также по г. Вятке выбраны нами непосредственно из книг записей браков; по остальным волостям из статистических карточек, доставленных в Губстатбюро. К сожалению, не по всем волостям присланы все карточки о браках: так по Ново-Мултанской волости сведения несомненно не полны; равным образом по Рязановской волости, Котельнического уезда. Отсутствуют некоторые номера карточек и по некоторым другим волостям; в некоторых карточках, правда, не многих—не сообщается, был ли подписан брачный акт брачующимися.

Сведения об этнографическом составе населения волостей заимствованы из издания Вятского Губерн. Статистического Бюро: предварительные итоги переписи населения 1920 г. Вятка 1921 г.

На основании приведенных сведений можно видеть, что в волостях Вятского края грамотность среди брачующихся к настоящему времени не достигла еще желательного предела, т. е. 100%; в 1919—20 г. подписывали свою фамилию в брачных документах около 75% женихов и 28% невест. Сравнительно большая грамотность наблюдается в волостях с русским населением. Здесь обращает на себя внимание Истобенская волость, Орловского уезда, в которой почти все женихи и до 76% невесты в 1920 г. подписывали свою фамилию. Эта волость уже давно снабжает Вятские и Сибирские пароходы лоцманами. С другой стороны, среди русских волостей мы встречаем Бисеровскую вол. с очень низким показателем грамотности; здесь только почти половина женихов и $\frac{1}{10}$ невест подписывают свою фамилию. Это та волость, куда в 1879 г. был сослан В. Г. Короленко.

В волостях с инородческим населением грамотность брачующихся ниже, чем в русских волостях, но разница здесь уже не так значительна, как можно было бы предполагать, имея в виду более позднее приобщение удмуртов и мари к удобствам культурной жизни, а волости Салабелянская (Яранского уезда) и Ново-Мултанская (Малмыжского уезда) в отношении грамотности женихов и невест приближаются к лучшим русским волостям.

Если, далее, мы сопоставим показатели грамотности брачующихся за 1919—1920 г. с такими же показателями по Вятскому краю за 1880 г., приведенными в списке Нурминского, то мы увидим, что в течение 40 лет, отделяющих 1920 г. от 1880 г., грамотность брачующихся сделала значительные шаги: тогда подписывались под документами 14% женихов и 1,8% невест, теперь до 74% женихов и около 28% невест, но все же как мы видим, мы еще далеки от всеобщей грамотности брачующихся. Даже население губернского города Вятки еще не достигло ее.

Мы, конечно, отнюдь не думаем, что извлеченные нами показатели грамотности брачующихся по нескольким волостям Вятского края выражают состояние грамотности во всем этом крае; могут найтись волости с показателем грамотности, значительно уклоняющимся от приведенных нами. Но тем более имеется оснований желать, чтобы Губ. Стат. Бюро поскорее приступило к составлению ежегодных погубернских сводок о грамотности брачующихся по доставляемым ему материалам.

Результаты разработки этих материалов, ежегодно публикуемых во всеобщее сведение, дали бы нам действительную картину состояния грамотности в том или ином году и постепенного развития ее во времени.

Впрочем желательно было бы производство и отдельных поволостных сводок о грамотности брачующихся; для каждого исполкома такая сводка давала бы возможность определить, на сколько еще силен враг, именуемый безграмотностью населения, и побуждало бы его к принятию мер борьбы с этим врагом.

Результаты сводки упомянутых сведений были бы важны и для местных школьных работников, давая им конкретный материал для развития среди населения агитации в пользу просвещения.

Для школьных работников был бы важен и самый процесс выборки данных о грамотности брачующихся; это был бы один из видов исследовательской деятельности по местному краю, к каковой школа

(в особенности школа 2 ступени) должна постепенно приучить детей в целях разработки истории местного края.

Там, где имеются или будут возникать кружки по изучению местного края, они, без сомнения, обратят внимание на вопрос о грамотности брачующихся и по истечении каждого года будут вносить в свои таблицы и диаграммы результаты подсчета подписей брачующихся в брачных документах.

Изучение грамотности населения по подписям брачующихся давно уже практикуется в Западной Европе; обязанность подсчета подписей в брачных документах возлагается там на статистические бюро, куда доставляются особые статистические карточки, составленные учреждениями, ведущими запись браков; в этих карточках отмечается, был ли подписан брачный акт мужем и женой. Результаты подсчета публикуются во всеобщее сведение.

Приведем сведения о грамотности брачующихся по некоторым иностранным государствам, любопытные, между прочим, для сравнения с нашими данными.

I. Во Франции за вторую половину 19 века подсчет подписей брачующихся дал такие результаты: *)

Г О Д Ы.	% брачующихся, подписавших брачный акт.	
	Жених.	Невест.
1854—1855 . . .	68,4	52,6
1856—1860 . . .	71,1	53,9
1861—1865 . . .	71,8	57,5
1866—1870 . . .	75	62,3
1871—1875 . . .	77,8	66,3
1876—1880 . . .	80,8	79,8
1881—1886 . . .	86,3	78,5
1887—1890 . . .	90,1	84,5
1891	91,6	87,4
1892	91,9	87,8

II. В Англии и Валлисе за 50-ти-летие (1843—1893) не могли подписать своей фамилии под брачным актом следующее количество брачующихся (в % к общему количеству брачующихся):

*) Лависсер. Народное образование в цивилизованных странах. СПб. 1898 г. Стр. 81.

Г О Д Ы.	‰ брачующихся неграмотных.		Г О Д Ы.	‰ брачующихся неграмотных.	
	Жених.	Невест.		Жених.	Невест.
1843	32,7	49,6	1873	18,8	25,4
1853	30,4	43,8	1883	12,6	4,8
1863	23,8	33,1	1893	5,0	5,7 ¹⁾

И. В Пруссии ‰ безграмотных брачующихся приблизительно за то же время был таков:

Время рождения брачующихся.	‰ безграмотных.		Время рождения брачующихся.	‰ безграмотных.	
	Жених.	Невест.		Жених.	Невест.
1826—1830	12,1	31,7	1851—1855	2,2	5,2
1831—1835	7,9	24	1856—1860	3,4	3,9
1836—1840	6,4	19,1	1861—1865	5,5	3,7
1841—1845	4,3	13,8	1866—1869	—	4,3 ²⁾
1846—1850	2,7	8,2			

Итак, в Пруссии за 2-ю половину 19 века грамотность брачующихся была выше, чем в Англии и Валлисе.

IV. Вот еще некоторые сведения о грамотности брачующихся в других государствах: *)

ГОСУДАРСТВА.	Г О Д Ы.	‰ грамотности брачующихся.
Румыния	1892	20,8
Италия	1894	52,7
Ирландия	1884	73,6
Англия и Валлис	1883	85,9
Голландия	1877	88,8
Финляндия	1883	90,8
Пруссия	1884	95,8
Новая Зеландия	1891	98,3
Баден	1884	99,0

¹⁾ Левассер. Народное Образование в цивилиз. странах, стр. 81.

²⁾ Ibidem, стр. 85

*) Левассер, стр. 436.

И так мы видим, что в конце 2-й половины 19 века грамотность брачующихся стояла в Западно-европейских государствах довольно высоко, за исключением Италии и особенно Румынии, в которой $\%$ подписавших брачный акт (20,8) оказался ниже соответствующего процента по приведенному нами выше сельскому району Вятского края (именно 35 $\%$).

Весьма любопытен произведенный во Франции еще в 1860 годах, по поручению Министерства Народного Просвещения, подсчет грамотных, брачующихся по брачным актам 17 и 18 века*). Подсчет дал такие результаты:

ПЯТИЛЕТΙΑ.	Общее число брачных актов.	0/0 подписавших брачный акт.	
		Жених.	Невест.
1686—1690 . . .	217009	29,06	13,97
1786—1790 . . .	345226	47,65	26,87
1816—1820 . . .	381494	54,35	34,74

На этом мы кончаем свою статью, целью которой было обратить внимание на возможность использования брачных документов, как материала для исследования грамотности населения, и предложить небольшой опыт разработки заключающихся в брачных документах данных об этой грамотности. Если из лиц, ознакомившихся со статьей, найдутся желающие предпринять хотя в небольших размерах разработку вопроса о грамотности брачующихся по местным архивным материалам в целях ли научных или учебных, то мы будем считать цель статьи достигнутой**).

П. Луппов.

*) К работе по подсчету были привлечены 15,928 учителей в 78 департаментах. Ими было произведено обследование 943,729 брачных актов (Левассер—Народное образование в цивилизованных странах, стр. 40).

**) Об изучении грамотности населения по брачным документам нами был сделан доклад на Харьковском Статистическом Съезде в 1913 году. Съезд признал весьма желательным использование брачных документов для этой цели.

О приемах исследования обычного права Вятского края.

1) Обычное право. 2) Область его применения. Значение исследования правовых обычаев. 3) Официальная практика и доктрина в деле изучения обычного права. 4) Четыре средства познания обычного права: официальные своды, документы, анкета, наблюдение.

Писать об обычном праве в революционную эпоху—значит повторять мысли, высказанные сто лет тому назад германской исторической школой юристов. Так может сказать читатель, знакомый со взглядами Савиньи и Пухты на процесс правообразования и с той контр-революционной ролью, какую играла эта школа в европейской политической мысли XIX века. Ведь именно эти два корифея немецкой юриспруденции того времени провозгласили примат обычного права над другими формами правообразования, утверждая, что право не является продуктом произвольного желания законодателя, или научного убеждения, и не имеет вообще какой-либо сознательной основы, и вытекает из народного духа, который в тайниках своих невидимых мастерских само раскрывает народное правосознание, наиболее полно и точно отражающееся в обычном праве. Заглушая этими мыслями стремления к правовому творчеству, историческая школа естественно явилась орудием всеевропейской реакции, прокатившейся в начале двадцатого века по всей Европе вплоть до нашей России, где консервативно-дворянская „Записка о древней и новой России“ тогда же потушила прогрессивную для своего времени попытку создания гражданского кодекса ¹⁾.

Многое изменилось за сто лет, другие взгляды установились и на обычное право. Оно по-прежнему остается продуктом народного правотворчества, но господствующее мнение отводит ему более скромную роль в деле выявления права. „Всякая мысль только путем выражения в слове или действии принимает свой законченный внешний образ“ ²⁾. Поэтому господствующее мнение считает необходимыми признаками обычного права как внутренний момент—убеждение в необходимости данного правила,—так и внешний—осуществление этого убеждения путем постоянно повторяющегося применения правила ³⁾.

Правда, у нас мысли Пухты о народной *Sinnesverwandschaft*, как „национальном убеждении о правовой свободе“ ⁴⁾, долго еще звучали в славянофильских взглядах на народ, как хранилище народной правды, и на обычное право, как на непосредственное инстинктивное чувство правды. Из этой богатой сокровищницы усиленно стремились добыть народную правду. Русские программы 70-х г.г. по собиранию сведений об обычном праве такое стремление выражали иногда вполне определенно, рекомендуя „вникнуть в душу народа“, „подметить отношение народной души к действующему праву“ ⁵⁾. Еще в XX

веке исследователи крестьянского обычного права рисуют идиллические картины: „подобно тому, как на дне болота и озер, в их отложениях находят следы отжившего животного и растительного мира,— в правовой жизни теперешней украинской деревни можно обнаружить черты, линии и отпечатки правосознания прошлых тысячелетий... Но не следы мертвого прошлого имеют значение здесь, а живая мысль народа, его формирующееся сознание, своеобразный склад его души... Длинные списки решений волостных судов заключают в себе массу индивидуального и характерного. Сквозь них просвечивает душа народа“⁶).

Но русская же литература имеет одного из самых ярких представителей так называемой материалистической теории обычного права—Г. Ф. Шершеневича. Прилагая к процессу образования правовых обычаев закон подражания Г. Тарда, он доказывает, что правосознание или правовое убеждение не может служить отличительным признаком правовых обычаев. В ряде случаев действия обычного права правосознание не играет никакой роли, например в нормах о сроках или формах. При кодификации обычного права всегда выдвигается авторитет старины, сложившегося порядка и „пошлины“, а не народного убеждения. Самый термин „правосознание“ неясен. Если под ним понимать представление о том, что данная норма должна быть правом, то непонятно, почему в случаях моральной оценки писаного права такое представление—о негодности хотя бы последнего—не имеет юридического значения, а в обычном праве „мечты должны представлять о том, что данная норма есть право, то правосознание идентично знанию права, а простая осведомленность в праве не может конечно считаться существенным признаком правового обычая или условием его образования. Наконец, и в практике, в применении обычного права вопрос о народном убеждении не подымается, а устанавливаются лишь факты применения обычно-правовых норм“⁷).

Самым ценным, хотя и бегло отмеченным в этом взгляде является указание на то, что нельзя видеть носителя обычно-правового сознания в мифическом „народе“ или „нации“.

Классовое строение современного общества исключает всякую возможность оперировать этими мистическими понятиями нации, народа. Вглядываясь в обычно-правовые системы современности, мы видим большое разнообразие их. Пред нами проходит не только системы обычного права немцев, англичан, русских, татар, удмуртов, мари и др., но внутри каждой страны мы находим несколько циклов обычного права, примыкающих к разным общественным группам и ориентирующихся чаще всего на профессионально-экономические группировки общества. Изучая, например, русское обычное право, мы встречаемся с крестьянским, торговым, промышленным, рабочим обычным правом, в зависимости от того, выработано ли обычное право в крестьянском быту, коммерческом обороте, промышленной деятельности или профессиональном рабочем движении.

В свою очередь и действие хотя бы торговых обычаев не замыкается торговым оборотом данной страны. В зависимости от разных ступеней развития торговли внутри страны—возникают сети однородных торговых отношений, в каждой из которых вырабатывается своя практика, отличающаяся от практики другой сети с ее абонентами.

Последние в свою очередь могут оказаться в деловой коммерческой связи с однородными торговыми кругами другой страны и выработать общую с ними деловую практику, на почве которой может возникнуть особая обычно-правовая система.

Применение известного порядка тою или иной социальной группой делается частым и удачным в том случае, если практикуемый порядок отвечает социальным потребностям группы. Массовое повторение определенных практических мер одобряется мнением всей группы. Юридическая мысль, заложенная в действие, переносится в общее сознание, и под влиянием практической целесообразности у членов общения вырабатывается представление о правовой целесообразности.

Влияние классового расслоения общества на пестроту и разнообразие норм обычного права проявляется не только в этом, чисто статистическом отношении. Разнообразные пласты исторических наслоений, многочисленные остатки прежнего хозяйственного строя иногда надолго сохраняются в виде устарелых пережитков старых общественных отношений, обуславливающих сохранение и действие прежних нравов и обычаев. В частности, в нашей истории классовое деление русского общества сильно осложнялось во второй половине XIX века унаследованной от прошлого сословностью, которая для крестьян вплоть до революции сохранила целую систему обычно-правовых норм, имеющих характер исторических пережитков.

Поэтому нельзя систему норм обычного права ориентировать на общенародном, общенациональном правосознании: в земных интересах данной социальной группы она находит свое основание. Но поэтому же нельзя ориентировать ее и вообще на внутреннем моменте правосознания, убеждения. Последнее не может родиться из ничего, возникнуть без потребностей и выкристаллизоваться без соответствующей практики. Кроме того, надо иметь в виду, что юридические обычаи часто возникают совершенно независимо от споров, тяжб, судебного вмешательства. Как практические меры, принятые заинтересованными лицами, они одобряются мнением соседей, и постепенно, при длительном настойчивом или интенсивном повторении превращаются в обычные нормы, т. е. объективируются в сознании данной общественной группы⁸⁾.

Если таким образом внутренний, телеологический момент убеждения не может стать существенным признаком правового обычая, то еще менее плодотворным является признак, выдвигаемый психологической теорией права. „Обычное право, говорит Л. И. Петражицкий, есть явление индивидуальной психики... С нашей теоритической точки зрения для наличности обычного права достаточно наличности хотя бы в психике одного индивида (вопреки мнению всех других) императивно-атрибутивного переживания со ссылкой на поведение других, хотя бы эта ссылка покоилась на недоразумении, или подлежащее поведение было лишь редкое и спорадическое“⁹⁾. Индивидуалистическая точка зрения, столь выпукло выраженная русским творцом психологического направления, решительно противоречит социальной природе, о чем нераз уже указывалось критикой. Гетерономный характер правовых норм решительно не позволяет сводить право к внутренним переживаниям, в область индивидуальной психики. И если понятие интуитивного права может играть известную роль в общей теории права, как

реакция против сведения всех правовых явлений к официальному праву государства, то в данной области обычного права это понятие способно очень мало объяснить. „Следует требовать наличности однообразного шаблона обычно-правовых мнений в подлежащей среде, говорит Л. И. Петражицкий,— во всяком случае преобладания, господства известного определенного мнения“. Такое преобладание именно и вырабатывается в процессе нашего общения, где происходит столкновение, оценка и восприятие группой определенного масштаба поведения. Все это—процессы глубоко социальные, неспособные возникнуть в автономной психике отдельного человека без внешней акции, и совсем непокрываемые этой индивидуальной психикой, а обращенные к общественной стороне человеческого поведения, происходящие в области нашего общения с себе подобными¹⁰⁾.

Так же мало возможно ограничивать нормы обычного права областью права, дозволенного официальным законодательством государства. У нас такое ограничение устанавливал виднейший представитель государственно-организационного направления в науке права— Г. Ф. Шершеневич. „Основание обязательной силы правовых обычаев, говорил он, заключается в авторитете государственной власти... Обычай становится правовым вследствие того, что суд своим решением обеспечит сложившейся норме юридическую защиту. Суд наделяет правовым свойством обычаи, применяя их к разбираемым столкновениям“. Здесь же автор усматривает различие между правовыми и прочими обычаями: „суд выбирает обычаи соответственно своей компетенции, и вот почему правового свойства никогда не получит сложившийся обычай отдавать визит или уступать дорогу даме“¹¹⁾. Разграничение обычаев проведено тут формально правильно, поскольку квалификация правовых обычаев ставится в зависимость от гарантии, защиты прав, т. е. признаков, отличающих всякую правовую норму от других социальных норм. Нельзя согласиться лишь с ограничением области правовых обычаев сферой отношений, снабженных штампом официальной государственной власти.

Правоведение теперь, повидимому, окончательно освободилось уже от догмата монополизации правотворчества государством. Интенсивная деятельность всевозможных социальных образований, вырабатывающих свои действующие системы права, нейтральные или даже враждебные официальному праву государства, является столь очевидным фактом, что взгляд на право, как социальное явление, несводимое к отношениям, снабженным государственным штампом, можно считать сейчас прочно установившимся. И русская—даже учебная—литература последних лет единодушно отвергает мнение о том, будто официальное право исчерпывает всю область права¹²⁾.

Поэтому и различие между правовыми и иными обычаями следует видеть в том, что правовая квалификация обычая дается ему организованным применением, т. е. таким осуществлением общепринятого поведения, выполнение которого обеспечивается определенными органами социальной группы, встающими на защиту соблюдения обычая, употребляя для этого все имеющиеся в их распоряжении средства воздействия. Следовательно, не только суд государства, а и сельский сход крестьянской общины, биржевое собрание гласных, общее собрание делегатов профессионального союза, комитет политической партии, союза, ученого общества могут выступить в качестве такого

стража, охраняющего применение установившегося обычая. Возможность такого регулирующего воздействия со стороны подлежащего органу данного коллектива и сообщает обычаю правовое свойство.

Таким образом ни внутренний идеалистический момент убеждения, ни индивидуалистический признак психологической школы, ни момент государственно-организационный не в состоянии дать отличительные и яркие черты правового обычая и объяснить силу его действия. К разрешению проблемы подвигает, правда, государственно-организационное направление, подчеркивающее момент организационный. Но оно берет этот момент не во всей его полноте. Регулирующая сторона организации не исчерпывает полного действия организационной деятельности. Последняя имеет и еще один существенный момент—инициативно-творческий, учесть который весьма важно при объяснении сущности и силы действия обычного права.

Социальная природа права заставляет обратить особое внимание на те человеческие отношения, которые затрагиваются правом. Здесь, в этом правовом обороте создаются нормы обычного права. Вступая во временные отношения, люди совершают последовательный ряд одинаковых действий в одинаковых случаях. Раз принятый способ действия вначале определяется волею действующих лиц, но, будучи постоянно соблюдаем в одинаковых случаях одинаким образом, он отрешается от своего источника, получает внутреннюю обязательную силу, и становится действующим правилом поведения, снабженным организованною защитой, т. е. делается нормою права. Не народный дух или индивидуальное убеждение в правильности действия, не официальный приказ или дозволение власти, а инертная сила обыкновения, возникающая из творческого акта человека в общении с членами коллектива, основывает действие обычно правовой нормы. Чисто фактические формы хозяйственной эксплуатации земли, пространственная близость некоторых лиц к умершему и т. д.—могут стать основанием обычного права, раз только они начинают постоянно соблюдаться и восприниматься всеми, как основы общественного порядка¹⁴).

Такое значение фактического вообще велико в области социальных норм, основанием которых так часто служил и служит самый факт, образ действия, избранный людьми. Нормативная сила фактического весьма тонко подмечена Г. Еллинеком. „Так как фактическое, говорит он, повсюду имеет психологическую тенденцию превратиться в действующее, то во всей системе права вырабатывается презумпция, что существующий социальный факт есть в то же время и правомерный, так что каждый, стремящийся к изменению этого состояния, должен доказать свое право на то“¹³).

Если таково значение фактического вообще для социальных норм, то в области права оно выступает источником той формы правообразования, о которой у нас идет речь. Именно, правовой оборот в обеих его ветвях—частной и публичной—является источником обычного права. Конклюдентные факты правопорядка выступают, следовательно, теми активными творческими элементами общественной жизни, которые создают нормы обычного права, и в этом заключается различие между правовым обычаем и законом. Идеал последнего автор Швейцарского Гражданского Уложения усматривает в том, что „закон должен быть выражением мысли народа... и лишь при таком сосредоточенном внимании, в постоянном и тесном общении с правовою жизнью народа

можно подслушать те голоса, которые говорят о преемственном развитии народного (*volkstümlichen*) права". Эта материальная задача тесного общения с жизнью не только достижима в обычном праве не в меньшей степени, чем в законе, а она коренится в самой сущности правовых обычаев. Другое дело—формальный порядок выявления обеих форм. В этом отношении явное преимущество на стороне закона, имеющего специальный орган, порядок и гарантии издания, в то время, как обычное право выявляется путями далеко не специальными и не всегда приспособленными для этой цели. Такими путями являются: или органы, имеющие дело с патологической стороной правопорядка (суд, арбитражные комиссии, примирительные камеры, третейские суды), или наука права, имеющая свои прямые цели и выступающая в этом случае также в качестве случайного проводника начал обычного права, или, наконец, сам правовой оборот, который в своих реальных правоотношениях воплощает обычное право.

На этом различии трех путей обнаружения правовых обычаев строит между прочим И. Я. Фойницкий свое деление обычного права на три вида: судебно-обычное, научно-обычное и народно-обычное¹⁵). С точки зрения современной теории права это может быть и не совсем выдержанно, ибо практику и науку права *communis opinio doctorum* относит к числу самостоятельных, хотя и второстепенных форм правообразования. Но для нас это деление имеет методологическое значение.

Дело в том, что как бы ни смотреть на практику и науку права, обе они бесспорно являются, как указал Эрлих, „переводчиками“ правовых обычаев в закон, ибо законодательство часто облекает в форму „норм для решения“ право судебных решений и положения юристов. С этой стороны данные практики из соответствующих исследований получают при изучении обычного права первостепенное значение, являясь ценным фактическим материалом, раскрывающим содержание правовых обычаев.

2.

До последнего времени господствовало мнение о том, что область применения обычного права все более и более сокращается. Законодательную форму образования права считали наиболее полно и совершенно отражающей право и во всяком случае дающей более прочные гарантии общежития в современной буржуазной культуре. Вместе с этим обычное право считалось отживающим пережитком, сохраняющим свое действие в отсталых общественных кругах. „В новой истории нашей обычное право из права общенародного превращается в простонародное“¹⁶).

Трудно согласиться с этим мнением. Уже из предыдущего изложения видно, что источником обычного права является живой правовой оборот, никогда незамирающий в своем активном правотворчестве. Еще менее устойчивым окажется взгляд на убывающую роль обычного права, если мы отдадим отчет о главных отраслях его применения. Обе ветви правового оборота знают обычное право.

В области публичного права юридический обычай был в прошлом тою силой традиции и общественного мнения, которое выработало в политической практике государств буржуазной культуры основные начала их политического строя. Стоит вспомнить, что самое существо-

вание английского кабинета министров, как коллегии, направляющей работу палат, опирается только на обычаи, что при выборах президента Соединенных Штатов главную роль играют неупомянутые конституцией летние партийные конвенты, решение которых остается лишь зарегистрировать выборщикам. Вспомним из нашей истории порядок княжения в Новгороде и Пскове, определявшийся „пошлиной и стариной“, которые отражались и на преемстве княжения московских государей. До самой революции нашей обычаем же определялся порядок сельских сходов, выборы на них, и значительные разряды наших кочевых инородцев управлялись по своим обычаям, каждому племени свойственным. Еще не так давно в области уголовного права у нас зарегистрирован применявшийся в волостных судах обычно-правовой взгляд на примирение, допускаемое по делам о кражах, мошенничестве и др.—даже после постановления судебного приговора, в полном расхождении с официальным правом государства¹⁹). Сила действия юридического обычая в публичном праве настолько велика, что в известных случаях особенно интенсивного его применения он может исключить применение и писаной официальной законодательной нормы диспозитивного характера, парализуя таким образом нормы диспозитивного закона²⁰).

Область частного права издавна считается в некоторых своих частях безраздельным царством обычного права. Самый большой простор своего действия оно имело у нас в крестьянских правоотношениях, волостных судах, а в последнее время и у мировых судей. Но и в правоотношениях других сословий обычное право действовало до революции во многих весьма важных случаях, начиная с семейных отношений—при вступлении в брак нехристиан, и кончая всеми почти окраинами, из которых Прибалтика в своем своде гражданских узаконений имела до одной шестой части статей, основанных на обычном праве. Но нигде быть может не проявлялось так сильно действие обычного права, как в области торгового оборота. У нас, при поражающей отсталости дореволюционного торгового законодательства, обычаям было открыто самое широкое поле действия. Все новые явления бойкого торгового современного оборота—право на фирму, чеки, страхования, текущие счета, перевозка пароходами—были подчинены обычному праву, которое официальный законодатель ставил на втором месте после торгового закона, т. е. отдавал ему преимущество пред общим гражданским законом. В самой сущности торговли при современном лихорадочном темпе промышленной эпохи лежит, очевидно, невозможность поспеть за торговою жизнью и самому подвижному законодателю. Недаром же исследователь наших русских торговых юридических обычаев констатирует: „коммерческий мир, многочисленный и влиятельный, сосредотачивающий в своих руках денежное богатство страны, держащий и распоряжающийся народными капиталами, для большинства своих правоотношений не признает других норм и правил, кроме устанавливаемых путем обычая“²¹).

Такая значительная область действия обычного права вполне оправдывает всякое направление исследовательской энергии в сторону изучения юридических обычаев. Из обзора пространства действия обычно-правовых норм видно, что изучение их имеет значение не только с исторической точки зрения. Объясняется это тем, что источник обычного права—организованное применение обычая—имеет дво-

якое направление: вглубь веков и по горизонту современности. Нормативная сила обычая возникает не только от давнего, незапамятного его применения, а и от массового применения его в данное время среди большого числа лиц. Не одна лишь „старина и пошлина“ создает обычно-правовую норму, а и интенсивность практики, получающей нормативную силу вследствие „повального“, упорно-настойчивого соблюдения данного правила. Существенное значение при этом имеет степень восприимчивости среды к принятию и повторению правила: чем теснее связана группа, чем выше ее конституирование, тем больше шансов восприятия и повторения раз принятого поведения.

В этом отношении удачна попытка Л. И. Петражицкого различить во всей системе обычного права два его вида: 1) старообразное—право старых традиций, старины, обычаев предков, и 2) новообразное—право современных обычаев, обычно соблюдаемого, общепринятого²²). В том случае, когда последнее действует в ограниченной области, касаясь внутренней жизни небольшой социальной группы, оно получает в немецкой литературе техническое название *Observanz*—партикулярные обычаи. Это новообразное право, непрекращающееся до сих пор своего развития, как указывает Эрлих в цитированной работе, и заслуживает самого усиленного внимания исследователя. Мы никогда не должны забывать, что широкие круги народа писаных официальных законов в массе не знают, часто и понять их не могут, а руководятся в своих поступках нормами оборота, профессии, своего тесного круга. С этой стороны имеют известное значение и различаемые Максом Э. Майером два вида норм: норм культурных и правовых²³). Изучение старообразного права конечно имеет значение для историка, помогая восстановить многие стороны прежней жизни при помощи сохранившихся до сих пор обычаев и обрядов седой старины. Но нельзя, как это делает (по другим, правда, мотивам) В. М. Сергеевич²⁴), ограничивать изучение юридических обычаев историческим интересом.

Мы видим уже, что ни один современный правопорядок не обходится без этой формы правообразования. Право Англии до сих пор в значительной своей части остается обычным правом и в частности английские суды „применяют обычаи всего торгового мира“²⁵). Поэтому изучение обычного права и в догматическом разрезе имеет большое значение, содействуя раскрытию содержания действующего в стране права.

Сказанное применимо не только к правопорядку буржуазной культуры. Наше революционное право совсем не чуждо обычного права. Если уже в конституции нашей мы встречаем признание обычного права (ст. 66: „выборы производятся согласно установившимся обычаям в дни, устанавливаемые местными советами“), то дальнейшие опыты социалистического строительства отводят также не малый простор обычному праву в его новообразном виде. В частности, для общинного крестьянского землепользования остается действующим до сих пор обычно-правовой порядок взаимных отношений между членами земельной общины, несомненно сильно отличающийся ныне в некоторых местах от прежнего. Поскольку разделы II и IX декрета 27 апреля 1918 г. допускают переход имущества умершего трудового крестьянина в управление и распоряжение ближайших родственников, постольку и здесь возможно действие таких, напим., обычаев, как сестра при брате не наследница и т. д. С этой же точки зрения и такой

„внезаконный“ критерий, который установлен у нас положившими о народном суде для судебного правотворчества в виде социалистического правосознания, является также „переводчиком“ новообразного обычного права в закон—в смысле Эрлиха. Исследование решений народных судов является поэтому глубоко интересным и важным для учета революционного сознания широких масс, направления и содержания их творческой деятельности, и для определения тех изломов мелко-буржуазной стихии, которые обнаруживаются в нашей стране полунатурального по местам хозяйства.

Новая экономическая политика, открывшая дорогу неизбежному на известный срок развitiю капитализма с направлением его в русло государственного капитализма, вызвало необходимость дать официальные нормы для торгового оборота. Но последний, как уже указано, везде и всегда стремится убежать от законодателя, предпочитая самостоятельно в жизни творить свое право. Эта особенность мира спекуляции не могла не отразиться и у нас, и в новом вексельном уставе нашем мы также находим ссылку на „обычную в торговом обороте предусмотрительность“ (ст. 10 положения о векселях 20 марта 1922 года).

Изучение новообразного права важно не только для догматической юриспруденции. Поскольку „переводчики“ этого права—практика и наука права—действуют успешно, и в твердых нормах судебных решений по конкретным делам, а также в систематических положениях теории закрепляют право, возникающее непосредственно в самой жизни, в гуще наших публичных и частных правоотношений,—постольку это право становится уловимым, доступным восприятию и коррективам для самостоятельного источника права—господствующего в стране класса. Последний выступает в качестве законодателя, диктующего право со своими поправками, изменениями или искажениями, смотря по соотношению общественных сил в стране. И это превозглашение официального права делается в наиболее совершенной технической форме—в форме писанного закона. Также—*mutatis mutandis*—производится формулировка официального права и в других кроме государства социальных образованиях.

При этом процессе открывается самая широкая возможность для проявления той железной энергии законодателя, которая может поддержать или напротив стремится искоренить нормы, выработанные правовым оборотом и проведенные практикой и теорией. Окончательный исход официальной нормировки—восприятие ее правовым оборотом или игнорирование—зависит опять от фактического соотношения сил внутри данной социальной группы.

Поэтому не только для догматика ценно изучение обычного права, познание его полно глубокого смысла и с точки зрения политико-правовой, для определения тех направлений гражданского, торгового и публичного оборота, которые дает сама жизнь, и для определения вместе с этим ближайших задач и конкретных путей деятельности законодателя.

С этой точки зрения лишь отчасти оказываются справедливыми частые упреки по адресу обычного права, указывающие на его косность, упорный консерватизм, малую приспособляемость к жизни²⁶). Все это относится главным образом к старообразному обычному праву, и не касается новообразного, которое самым непосредственным обра-

зом отражает требования и запросы активного оборота. Не мистическая народная „душа“ или „дух нации“, а подлинные требования живой действительности взывают к изучению новообразного обычного права.

3.

Следы обычного права и разные способы его проявления определяют те методологические пути, которыми должно идти исследование.

На первом плане выступают два „переводчика“ обычного права в закон—наука права и официальная практика, выражающие общеправовые нормы в наиболее систематической и чеканной форме.

Из них первая дает для нас мало материала. Правда, вообще по русскому обычному праву собран колоссальный материал. Но русская юридическая литература далеко небогата систематическими обработками этого безбрежного материала. Если не считать старых трудов С. В. Пахмана, И. Г. Оршанского, в позднейшее время мы имеем лишь образцовые по своему тонко-художественному анализу догматические экзегезы А. Э. Вормса для дореволюционного права.

В частности, и для Вятского края сводные работы самостоятельно-научного характера отсутствуют. В местной литературе время от времени появлялись лишь интересные и старательно собранные материалы, касающиеся обычного права отдельных местностей края (напр. Гр. Е. Верещагина²⁷) и др.). Но эти материалы не так многочисленны, случайны, и касаются исключительно дореволюционного и притом главным образом старообразного права. Как весь вообще материал, касающийся старообразного права, они дадут очень немного при исследовании новообразного обычного права. Для последнего же и материалов повидимому пока еще никем систематически не собиралось.

Много больше материала дает другое средство ознакомления с обычаем—официальная практика. Сюда относятся те официальные акты публичных учреждений, которые составляют последние в отдельных конкретных случаях и по делам их компетенции. Это—решения суда во всех его формах (государственный суд всех степеней-названий и режимов, примирительные камеры, арбитражные комиссии, третейские суды), постановления и приговоры административных органов всякого вида (сельских сходов, биржевых и иных комитетов и т. п.). Решения волостных судов были до революции одним из самых главных средств ознакомления с крестьянским обычным правом.

Для Вятского края, к сожалению, нельзя использовать обширного материала решений волостных судов, собранного в 70-х годах комиссией по преобразованию волостных судов, т. к. Вятская губерния тогда не была обследована. Поэтому и сравнение обычного права того времени будет возможно лишь после исследования подлежащих частей архивных материалов, если они еще сохранились в некоторых местах.

Зато колоссальный по объему материал для изучения новообразного права в области земельных отношений дадут архивы местных земельных отделов, из которых например в Вятском Губернском Земельном Отделе за первые 9-ть месяцев 1921 года было в производстве больше 300 спорных дел по вопросам землепользования²⁸). Этот материал всех земельных отделов края открывает самую благодарную

почву для исследований новообразного обычного права, как „приемлемого“, так и отвергаемого официальными органами.

Об этом материале официальной практики во всех ее видах следует вообще отметить, что он имеет бесспорно важное значение для исследователя, так как он дает исчерпывающий учет действия обычного права в случаях соприкосновения социальных отношений с публичными учреждениями и органами (суд, биржа, нотариат). Однако, нельзя преувеличивать это положительное значение. Дело в том, что „соприкасаются“ далеко не все правоотношения, а только патологические (суд), или квалифицированные особыми признаками ценности, суб'ектов (нотариат-сделки на сумму от 000 рублей, или с контрагентами—казенными местами), или наконец—правоотношения специфического материального содержания (биржа). Поэтому далеко не всегда полно и точно отражает действительность этот „переводчик“, не всегда даже в состоянии он дать контуры „типа“ обычно-правового отношения. К этому присоединяется еще и неудовлетворительная часто редакция этих актов, особенно сказывающаяся при российской безграмотности, а также постороннее воздействие других, часто враждебных данной среде, классовых влияний (наши прежние решения волостных судов—и земские начальники)²⁹⁾.

Главное значение этого средства познания обычного права (если не считать торговых правоотношений, нехарактерных для местного края) заключается в следующем: изучение материала официальной практики может послужить ориентировочным средством для указания центров скопления правоотношений, наиболее интересных в общей картине правотворчества и наиболее интенсивно выступающих в жизни. Имея такую ориентацию, исследование не направится в пустое пространство, а применит в надлежащем направлении более актуальные средства познания обычного права.

Таковыми методологическими путями являются: исследование официальных сводов и сборников обычного права, частных документов, анкета и наблюдение.

4.

Официальные своды юридических обычаев—явление не новое. Французское правительство прежних эпох столетиями собирало и издавало сборники кутюмов. Своды торговых обычаев усиленно издавались в разных странах, особенно в течение второй половины XIX века. Появлялись они до революции и у нас. Целый ряд бирж—петербургская, московская, либавская, ревельская, рижская, ростовская—на Дону, перновская, нижегородская имели своды обычаев биржевой торговли. Сюда же следует отнести упомянутые выше труды комиссии по преобразованию волостных судов в той части их, которая содержит материал, собранный членами помимо решений волостных судов. Правда, по адресу этого материала делались уже упреки в том, что комиссия собирала свои сведения от ямщиков, которые возили членов ее³⁰⁾.

Официальные своды обычаев действительно являются одним из наиболее подозрительных материалов. Будет ли пред нами орган государственной власти, естественно отражающий интересы господствующего в стране класса, или будет официальный орган негосударственной социальной группы,—в том и другом случае неизбежен из-

вестный уклон работы в сторону поддержки, защиты, по меньшей мере—в сторону „наибольшего благоприятствования“ интересам, выгодным для властвующих. Гарантией против такого искажения действительной картины правового оборота, поправкой, способной до известной степени помочь найти подлинный жизненный нерв правоотношений, является проверка, критика, „цензура“ собранного официально путем материала. Эта цензура производится теми членами социального образования, которые сами в своей деятельности вступают в подлежащие правоотношения, вырабатывая и осуществляя таким образом на практике занесенные в свод обычаи. В области биржевых, нпр., отношений такая критика составленных биржевыми комитетами сводов удовлетворительно осуществляется биржевыми собраниями гласных. Но полным искажением критики, подлинною цензурой со всеми ее отрицательными качествами был наш дореволюционный порядок, когда своды торговых обычаев, составленные биржевыми комитетами, должны были получать утверждение центрального государственного органа.—органа, чуждого данной торговой среде, и даже пространственно столь отдаленного от биржи, что на утверждение сводов уходило до года. Такой срок для бойкого коммерческого оборота слишком большой, ибо за это время могли вырабатываться уже новые правила ³¹⁾.

Ныне материалом этого рода следует признать известную часть того инструкционного материала, примером которого является сводная инструкция по землепользованию, выработанная Вятским губернским земельным отделом для разрешения встречающихся на практике вопросов о пользовании землей ³²⁾. Хотя формально такой материал исходит от органов власти, но в содержании его живой правовой оборот отражается много сильнее, чем это можно было бы ждать с первого взгляда. В дальнейших работах по обычному праву Вятского края, если им удастся появиться, мы постараемся доказать это.

Другое средство познания обычного права—частные документы в виде писанных актов гражданского и публичного оборота, сделок, условий и договоров всякого рода, официальных актов—протоколов и пр.—не имеет прямой задачей формулировать обычно-правовые нормы. Все эти документы лишь письменно передают нам содержание тех правоотношений, которые возникают, протекают и прекращаются в обороте под действием обычного права. По той непосредственности, с которою такие акты отражают правовую действительность, они получают значение одного из самых важных средств знакомства с обычным правом. Такие нпр., документы, как разводные грамоты XVI и XVII в.в., служат одним из самых ярких доказательств существования и излюбленной практики разводов по обоюдному согласию супругов, несмотря на отсутствие соответствующей нормы писаного официального права, и выражают действительно существовавшее тогда на Руси права свободного развода ³³⁾.

Наши бедность и разорение не дают много шансов в пользу широкого использования ныне документов современного гражданского оборота. Но в области публичного права соответствующий материал письменной традиции новообразного обычного права Вятского края должен быть использован в самой широкой мере. В частности, избирательные производства по выборам в советы, и особенно протоколы земельных съездов всякого рода представляют громадный интерес для жизни земледельческого Вятского края.

Третье средство познания обычного права—анкета—было до сих пор излюбленным приемом в научных исследованиях обычного права. Объясняется это отчасти тем, что вся энергия при исследовании крестьянского права сосредоточивалась у нас на изучении старообразного обычного права. Кроме письменной традиции самым ценным материалом считалось исследование „народных верований, легенд, песен, сказок, рассказов, происшествий, случаев, в которых могут содержаться в художественной форме ответы на вопросы программы“. Для изучения всего этого усиленно рекомендовалось „личное общение.... с деревниами.... старухами“⁸⁴).

Мы не хотим отрицать безусловного методологического значения анкеты. Она ценна уже на первых шагах работы, поскольку значение ее, по мнению методологов, изучающих социальные явления, заключается в хорошей ориентировке в состоянии социальных масс (Майр). Она ценна и потому, что она знакомит нас с частью явлений для получения точного представления о всех явлениях данного рода, помогая выяснить господствующий тип или наиболее вероятный фактический состав изучаемого социального явления. Привлечение сведующих людей для получения мнений и сведений имеют существенную важность при изучении новообразного права. Но самая сущность последнего заставляет обращаться за сведениями не к хранителям старины и традиций, а к лицам, активно участвующим или имеющим возможность наблюдать за текущей жизнью во всех ее современных проявлениях, характерных именно для жизни, а не для ревнивого оберегания пережитков,

Таковыми лицами для нас являются прежде всего местные работники, наиболее близкие к правовой жизни края: народные судьи, работники земельных отделов (для правовых отношений по землепользованию) и будущие адвокаты (по утверждению закона об адвокатуре в майской сессии В. Ц. И. К. 1922 г.). Эти работники по характеру своего труда могут считаться достаточно осведомленными в вопросах правового быта местного населения, а те из них, которые являются местными людьми в полном смысле этого слова, хорошо знакомыми с общими жизненными условиями своей округи, участка, дадут, несомненно, ценные сведения.

В данном случае не приходится опасаться и столь обычного недоверия опрашиваемой среды: все указанные лица будут отвечать без опроса населения, как эксперты; во всяком случае, если опрос и не исключается при анкете, то он не будет общим правилом. Нет также у них и той личной заинтересованности в сообщаемых сведениях, которая всегда тяжелым тормазом стоит на пути социальных анкет, заставляя применять технический прием перекрестного опроса представителей разных интересов. Есть, правда, два обстоятельства, уменьшающие для нас значение анкетного материала. Во-первых, число указанных лиц относительно не велико: в Вятском, наприм., уезде—восемь деревенских участков народных судей. Во-вторых, мы можем встретить казенное отношение к делу заполнения программ, в связи с естественной „усталостью“ местных работников от массы нынешних анкет.

Некоторым коррективом поэтому могло бы быть использование сети добровольных корреспондентов статистических бюро. Правда, сеть корреспондентов ныне сильно сокращается в сравнении с прежним временем. Так, в Вятском уезде в 1915 г. числилось 1032 коррес-

пондента, в 1917 году—722, а на 1 октября 1921 года—только 90. Но все же общее число их в 10 уездах губернии на 1 октября 1921 г. определялось цифрой 1258⁸⁵). При этом нельзя не учесть еще и того разочарования в корреспондентском способе собирания сведений, которое наблюдается в статистике. Еще на IX съезде естествоиспытателей и врачей Ю. А. Бунин указывал в своем докладе подсекции статистики на целый ряд недостатков собирания сведений через добровольных корреспондентов: случайность состава, неравномерное распределение его по территории, списывание сообщений друг у друга, противоречия, неопределенность, неясность, явная недостоверность показаний, небрежное или формальное отношение к делу⁸⁶). Может быть не все из этих недостатков свойственны добровольным корреспондентам (например—формальное отношение к делу трудно совместимо с принципом добровольчества), но разочарование все же на лицо не только у нас, а и за-границей⁸⁷).

Самым совершенным средством познания обычного права является, конечно, путь наблюдения—непосредственного констатирования фактов. Но это—путь, наиболее трудный и ответственный. При изучении новообразного права трудности увеличиваются еще более, так как здесь в значительной мере теряется смысл установления того, как „смотрит“ народ на неисполнение договора, на преступление, „что думает народ о поджоге лесов“. Преобладание таких вопросов в старых программах (наприм., в цитированной выше программе А. Ф. Кистяковского) объясняется еще и тем, что сущность обычного права видели не только в организованном применении определенных действий, а и в „народном убеждении“. Позднейшие программы по большей части освобождаются от этих вопросов⁸⁸), иногда принимавших чисто этнографический характер. Малоприемлемо и широкое введение легендарного материала. Полезный при изучении старообразного права—материал от с большей экономией научной работы привлекается из других дисциплин, работающих в этой области специально, и поэтому с большим результатом.

Сказанное по поводу программ относится как к экспедиционному способу исследования, так и к предыдущему—анкетному способу. Специально для непосредственного наблюдения остаются те подчас неодолимые трудности, которые кроются в организации наблюдения, в лице наблюдателя, в объекте наблюдения. Это—общее всем социальным наукам затруднение в деле исследования общественных явлений. Не останавливаясь на них сейчас подробно, мы должны отметить, что все же этот способ является идеальным. Недаром же самые яркие и ценные исследования по обычному праву даны у нас работниками, непосредственно наблюдавшими правовой оборот в его реальной действительности (наприм., Ефименки). Все эти затруднения не могут, конечно, останавливать работу изучения края. Удачный выбор ближайшей темы и выработка программы для экспедиционного исследования значительно облегчит работу.

Специально для изучения Вятского края необходимо отметить, что выбор ближайшей темы исследования диктуется сельско-хозяйственным характером края, почему на первый план выступает исследование земельных обычно-правовых норм. При ничтожном числе дворов подворного, хуторского и отрубного землепользования (в 1911 г. первых было 4200, вторых и третьих—166 дворов, при общем числе

крестьянских дворов в губернии 526.000³⁹⁾) кардинальное значение получают нормы общинного права, в их изломах и переменах в связи с революцией. Целый ряд вопросов, существенно важных для права, стоит здесь пред исследователем. Таковы, например—порядок семейных разделов, этого якобы „естественного, биологического процесса“, захватившего за 14 лет (1886—1900 гг.) 15% всего числа дворов Вятского уезда⁴⁰⁾, характер и тенденции того „стихийного движения населения в сторону переделов“, производящихся „самосильно населением“, с чем не могут справиться земельные органы „и по настоящее время“, как указывает официальный отчет⁴¹⁾). Есть еще одна особенность, которая обязывает исследователя и заключается в этнографической пестроте края. Она заставляет выработать параллельные разнотипные программы, специально приспособленные для каждой этнографической группы.

В заключение мы еще раз подчеркиваем, что основным мотивом работы должно быть изучение новообразного обычного права.

П р и м е ч а н и я

1) Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. „Издаются две книжки именем проекта уложения. Что же мы находим? Перевод Наполеонова Кодекса! Для того ли существует Россия, как сильное государство около 1000 лет,.... чтобы торжественно пред лицом Европы признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже шестью или семью экс-адвокатами и экс-якобинцами“. Цит. по кн. А. Н. Пыпина, Общественное движение в России при Александре I, изд. 3, СПб. 1900, стр. 523.

2) Ferd. Regelsberger, Pendekten 1893 I § 20.

3) Regelsberger, о. с. Crome, System des deutschen bürgerlichen Rechts 1900 I, 87. Fr. Geny, Methode d'interpretation et sources en droit privé positif, 1899, добавляет к этому еще сущность применения нормы,—признак неконститутивный, в виду существования местных обычно-правовых норм (р. 300).

4) Puchta, Das Gewohnheitsrecht 1828 I, 9.

5) А. Ф. Кистяковский. Программы для собрания и изучения юридических обычаев и народных воззрений по уголовному праву. 1878.

6) Т. Ефименко. Обычное право украинского народа, в сборнике „Украинский народ в его прошлом и настоящем“ 1916, II, 648.653. Разрядка наша.

7) Г. Ф. Шершеневич. Общая теория права. 1910—1912. II 440-449.

8) Ср. П. Г. Виноградов. Очерки по теории права. 1915, стр. 101-102, делающий иной вывод в пользу спиритуалистического момента.

9) Л. И. Петражицкий. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Изд. 1, 1907 II 550.554. Изд. 2, II 555.

10) Ср. F. Geny: „la coutume juridique ne se forme que dans le sein de groupes sociaux, ayant une consistance homogène par le lien même, qui les constitue“, о. с. р. 333.

11) Г. Ф. Шершеневич, о. с. II, 452—453.

12) Л. И. Петражицкий, о. с. I 212. Н. Е. Трубецкой—Лекции по энциклопедии права. 1917. 17.20.101. В. И. Синайский—Русское гражданское право. Изд. 2-е. 1917 I 17. Ф. В. Тарановский—Учебник энциклопедии права 1917. 482. Л. С. Таль—Очерки промышленного рабочего права. Изд. 2, 1918, стр. 38. П. А. Сорокин—Элементарный учебник общей теории права. 1919, стр. 53.

13) Г. Еллинек—Общее учение о государстве, русск. пер. 1903 г., стр. 222; ср. Fr. Adickes, Zur Lehre von den Rechtsquellen. 1873. S.s. 52 f. f.

14) Ср. prof. Engen Ehrlich, Die Tatsachen des Gewohnheitsrechts. 1907. S.s. 11 f. f.

15) Prof. E. Huber, Erläuterungen, s. V.

16) И. М. Фойницкий—Курс уголовного судопроизводства. 1912 I, 39.

17) E. Ehrlich, о. с. 20.

18) А. Н. Филиппов—Учебник истории русского права. 1914 I, 249.

19) С. В. Пахман—Обычное гражданское право. 1877 I, 405.

20) Ср. Я. М. Магацинер—Лекции по государственному праву. 1919, стр. 56.

21) А. С. Невзоров—Русские биржи. 1901 IV 17.

- ²³⁾ Л. И. Петражицкий, о. с. 1, 548.
- ²⁴⁾ Max Ernst Mayer, Rechtsnormen und Kulturnormen, 1903, s. 17.
- ²⁴⁾ „Опыты исследования обычного права“, в журнале „Наблюдатель“ 1882. 1 96—97.
- ²⁵⁾ А. С. Невзоров, о. с. IV 43 прим. 2.
- ²⁶⁾ Rudolf Jhering, Geist des römischen Rechts III § 25, Л. И. Петражицкий— в „Праве“ 1899, стр. 327 и след. он же—„Теория права“ II 558. Г. Ф. Шершеневич, о. с. II 378—380.
- ²⁷⁾ „Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда“—в Календаре Вятской губ. на 1896 г., стр. 79—146.
- ²⁸⁾ Отчет Вятского Губернского Исполнительного Комитета VIII-му Губернскому Съезду Советов. Гос. изд., Вятка. 1921. Отчет по Губземотд., стр. 87.
- ²⁹⁾ Ср. красочные образы классовой юстиции земских начальников, приводимые П. Н. Обнинским в „Сборнике статей“. М. Изд. Задруга 1914, стр. 125 и след.
- ³⁰⁾ А. Н. Филиппов—Ученые записки Юрьевского Университета 1901 год, в ст. „Очерки по русскому обычному праву“ приводит это мнение, высказанное в 1880 г. в Московском Юридическом Обществе во время прений по докладу автора об обычном праве II 39.
- ³¹⁾ Ср. А. С. Невзоров, о. с. IV 68.
- ³²⁾ Отчет Вятского Губисполкома, цитир. часть, стр. 88.
- ³³⁾ Ср. А. И. Загоровский—Курс семейного права, изд. 2, 1909, стр. 138.
- ³⁴⁾ А. Ф. Кистяковский, о. с. 19—20.
- ³⁵⁾ Отчет Вятского Губисполкома. По Губстатбюро, стр. 2.
- ³⁶⁾ Цит. по работе А. А. Гурьева—Урожай наделных земель Вятской губернии, в Сборнике материалов по оценке земель Вятской губ. 1911 г. XIV, вып. I, стр. 57.
- ³⁷⁾ А. А. Кауфман—Теория и методы статистики, изд. 2, стр. 261.
- ³⁸⁾ Ср. напр. программу губернской орловской земской статистики. С. Н. Велецкий—Земская статистика, 1899 II 442—446.
- ³⁹⁾ А. Е. Лосяцкий—Распадение общины. 1912, стр. 46. В эти цифры должны быть внесены существенные поправки. В виду лесного характера края подворное владение распространено здесь много больше, ибо оно, главным образом в виде сенокосов, входит в состав многих наделов наряду с общинно-подворными угодьями. Так, по данным второго земского обследования в 1900 г. (при крайне ничтожном и тогда проценте дворов только подворного владения) подворной землей владели в Вятском уезде 24⁰/₀ дворов, а в некоторых волостях, наприм., в Чепецкой—процент этот повышался до 70. Сборник материалов по оценке земель Вятской губ. 1904. Т. I, вып. II, стр. 249.
- ⁴⁰⁾ Сборник материалов по оценке земель Вятской губ.. т. I, вып. II, стр. 49.
- ⁴¹⁾ Отчет Вятского Г. И. К. по Г. З. О., стр. 87.

В. А. Танаевский.

Хроника общественной жизни в Вятском крае за первые месяцы революции.

Предлагаемая „Хроника“ имеет своим назначением служить сырым материалом для систематической социальной истории края в эпоху революции. Как опыт характеристики жизни губернии, живо реагировавшей на революционные события и веяния Центра, „Хроника“ может быть не лишена известного значения и для более обширных работ будущего историка.

Печатаемый отрывок составлен исключительно по матерьялам газеты „Вятская Речь“, в 1917 году выходившей десятым и при том последним годом издания. На номера этого года издания газеты и делаются ссылки в тексте. Солидный краевой орган, руководимый человеком общепризнанного общественного авторитета, был несомненным официозом революции в крае за очерчиваемый период и вполне способен дать представление об основной канве событий этого времени. Другие матерьялы, насколько их можно будет почерпнуть из иных периодических изданий и архивных собраний края, явятся, конечно, весьма ценным дополнением к „Хронике“, но отнюдь не нарушат ее основную канву, которая в последующей работе при наличии „Хроники“ в напечатанном виде может явиться нужным пособием.

В выборе фактов из более чем обильного матерьяла газеты автор стремился сохранить возможную объективность и равносторонность, но он не мог отказать себе в удовольствии сохранить, где только это было уместно, подлинный слог источника, так хорошо оттеняющий стиль первых дней революции.

Первый месяц.

Февраль ¹⁰/₂₃. Вятка. Ввиду вздорожания хлеба и трудности найти частным путем муку, Городская Управа решила устроить городскую хлебопекарню и две хлебные лавки для удовлетворения хлебом жителей города и приезжающих (№ 33).

¹⁴/₂₇. Ижевский завод. Недовольные расценкой работ и взволнованные отсутствием сведений о Государственной Думе забастовали рабочие инструментальной мастерской казенного завода (№ 70).

¹⁵/₃₃. Ижевский завод. Все 50 тысяч рабочих казенного завода и рабочие 4 частных оружейных фабрик присоединились к забастовке рабочих инструментальной мастерской. Открытых выступлений и нарушения административного порядка не было. Через неделю забастовка прекратилась (№ 70).

Февраль—март ¹⁷/₃. Вятка. В помещении Губ. Земской Управы открылось совещание членов губ. кассы мелкого кредита с участием

представителей уездных касс по вопросу о продовольственных операциях касс (№ 34).

Февраль—март $17/2$ Уржум. Жители города на многоядном собрании констатируют надвигающийся продовольственный кризис и просят губернатора поддержать их ходатайство перед хлебо-армией о разрешении отпуска Уржуму до 25 т. п. ржаной муки из числа купленной для армии (№ 40).

$18/3$. Вятка. Открылось совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу в Вятской губ.

$28/10$. Орлов. Корреспонденция „Вятской Речи“ свидетельствует о крайнем продовольственном стеснении в городе. „Получается совершенно невероятное положение—в уезде идет заготовка овса для армии, а население остается без хлеба и не знает, как его достать“ (№ 44).

$28/10$. Вятка. По городу начинают распространяться частные известия, привезенные из Петрограда, о будто бы происходящих там сражениях между войском и народом с одной стороны и полицией—с другой. Официальных подтверждений нет (№ 50).

$28/11$. Вятка. Регулярная подача телеграмм из Петрограда в Вятку прервана (№ 50).

$27/12$. Вятка. На станции Вятка I получается первое телеграфное сообщение о происшедшей в Петрограде революции, посланное по линии Бубликовым. В сообщении говорилось об образовании Государственной Думой Исполнительного Комитета. Сотни копий этой телеграммы начинают распространяться по городу (№ 50).

$28/12$. Вятка. „Вятская Речь“ печатает официальную телеграмму от $26/11$, содержащую Высочайший Манифест о роспуске Гос. Думы и Гос. Совета до апреля 1917 г. (№ 46).

$28/12$. Вятка. Ночью начинают получаться первые телеграммы Петрогр. Агентства с подробными сообщениями об организации и первых шагах Исполнит. Комит. Госуд. Думы. Телеграммы должны были пойти в набор для газеты следующего дня ($2/15$), но полиция по приказу губернатора отобрала их у редакции впредь до особого совещания, устраиваемого губернатором (№ 50).

Март $1/14$. Вятка. Передовица „Вятской Речи“ по поводу роспуска Государственной Думы говорит: „Никогда еще голос народных представителей не был так необходим, как теперь, и он вынужден смолкнуть... Это равносильно национальной катастрофе, величайшему несчастью... Где же выход?“

„Последняя почта“ газеты воспроизводит приказ ген. Хабалова, сообщает об экстренных продовольственных совещаниях в Петрограде и о невыходе петроградских газет за $25/10$ и $26/11$ фев.—марта.

$1/14$. Вятка. Город наводнен слухами о происшедшей в Петрограде революции и об образовании Исполнит. Комитета Гос. Думы, как временного верховного правительства России (№ 58).

$1/14$. Уржум. В 10 ч. вечера получается первое телеграфное известие о революции. В $11\frac{1}{2}$ ч. ночи созванное земством совещание граждан города постановило: полученные телеграммы немедленно отпечатать, поместив впереди их воззвание от земства, распространить листки по городу и с нарочными разослать по уезду (№ 58).

$1/14$. Кукарка (Советск). В 5 ч. вечера получены известия Петр. Тел. Аг. об образ. Исполн. Комитета Г. Д. Местная типография

тотчас же напечатала и распространила тысячу экземпляров телеграмм. В дальнейшие дни население подобным же образом информируется о всех вновь получаемых известиях, сохраняя полное спокойствие (№ 58, № 56).

¹/₁₄ и ²/₁₅. Слободской. По телефону из Вятки получают известия о революции (№ 91).

²/₁₅. Вятка. Губернатор Н. Руднев об'являет жителям Вятской губернии о необходимости полного спокойствия и спокойного отношения ко всем возникающим слухам. Редакция „Вятской Речи“ с своей стороны уведомляет читателей, что последние агентские телеграммы не могли быть опубликованы по независимым обстоятельствам. С утра редакция осаждена желающими узнать новости (№№ 48, 50).

²/₁₅. Вятка. На совещании губернатора с представителями ведомств по вопросу о напечатании известий о революции большинством всех голосов против трех печатание признается необходимым. Ответственность за принятое решение губернатор берет на себя (№№ 50, 51).

²/₁₅. Вятка. В три часа дня телеграммы поступают в продажу и берутся у разносчиков с бою. Всюду идет оживленное обсуждение новостей (№ 51).

²/₁₅. Вятка. Организовался Комитет Солдатских Депутатов 697 пешей Вятск. дружины. Состав организаторов и Комитета исключительно солдатский (№ 61).

³/₁₆. Вятка. После двух предварительных заседаний—общественных деятелей в частной квартире, а городской думы в зале городск. обществен. управления, — в зале Губернского Земства открывается единое собрание гласных городской думы и представителей общества, войска, железно-дорожн. служащих и рабочих. Вотируется присоединение к революции, приветствуется издатель „Вятской Речи“ Н. А. Чарушин, как борец за свободу, избирается Комитет по охране общественной безопасности и открывается прием пожертвований в пользу выпущенных из тюрьмы. Комитет по охране приступает к первому совещанию (№ 51).

³/₁₆. Вятка. На дневном совещании губернатора с председателем Губ. Управы П. И. Паньковым и гор. головой П. И. Шкляевым было решено охрану города оставить в руках полиции, предоставив гор. голове право непосредственных сношений с начальниками полицейских частей для тех или иных распоряжений. Уездная стража передается в ведение уездных управ. Сам губернатор из'являет полную готовность исполнять приказания новых общественных властей (№№ 50, 51).

³/₁₆. Вятка. Начинается отправление многими частными лицами приветственных телеграмм Родзянко и членам Гос. Думы (№ 50).

³/₁₆. Вятка. Во втором часу дня состоялось собрание офицеров 106 полка, принявшее постановление о присоединении полка к революции. После собрания офицеры просили командира полка Давидовича устроить манифестацию полка на Кафедр. (Советской) площади. Последний разрешает собрать полк лишь на плацу у Загородного сада, где около 5 ч. дня был отслужен молебен „о даровании победы русскому оружию“. После молебна под звуки оркестра, игравшего „народный гимн, марсельезу и др. марши“ полк направился по ротам (№ 52).

³/₁₆. Вятка. После офицерского собрания 106 полка в редакцию „Вятск. Речи“ является депутация от полка с об'явлением о присоединении полка к революции и о взятии им на себя охраны города впредь до организации городом милиции. На улицах города появляются вооруженные патрули (№ 50).

³/₁₆. Офицерская депутация 106 полка посещает губернатора и просит его о немедленном разоружении всех чинов полиции.

По распоряжению губернатора полиция в городе разоружена и оружие ее сдано коменданту города, принявшему на себя заведывание охраной (№ 50).

³/₁₆. Вятка. С поездом № 4 из Петрограда на станции Вятка I прибыл и высадился воинский отряд в составе 6 человек во главе с полковником. Войдя в комендантскую комнату отряд обезоружил добровольно подчинившуюся ему команду жандармов и немедленно проследовал далее в Пермском направлении (№ 50).

³/₁₆. Вятка. В 7 часов вечера в квартире губернатора открывается многочленное собрание всех ответственных должностных лиц города, на котором оглашается телеграмма об отречении Николая Романова от престола и принимается приветствие князю Львову „по случаю его высокого назначения, с пожеланием сил и здоровья“ (№ 50).

³/₁₆. Вятка. Ночная охрана города в продолжении нескольких часов несетя учениками старших классов средн. уч. завед. согласно их коллективного предложения Исполнительному Комитету по охране города (№ 56).

³/₁₆. Слободской. Экстренное заседание Гор. Думы решает обратиться к населению с воззванием и полным осведомлением о революционных событиях (№ 91).

³/₁₆. Уржум. В 12 часов ночи собранием граждан города избирается Вр. Комитет по охране спокойствия, в составе 17 человек, которому дается полномочие „охранять тишину и спокойствие, не допускать манифестаций и не нарушать обычного течения занятий городского и сельского населения, дабы тем помочь Вр. Прав. работать на благо родины и для скорейшей победы над врагами“ (№№ 55, 58).

³/₁₆. Ижевский завод. Получены первые телеграммы о революционных событиях в Петрограде (№ 70).

³/₁₆. Орлов. Из экстренного выпуска газеты „Вятская Речь“ население впервые узнало о революции. Исправник пытался скрыться по железной дороге, но был выкинут солдатами из вагона на ст. Лян-гасово (№ 62).

⁴/₁₇. Вятка. Официальные учреждения и лица в своих обращениях к массам сообщают о происшедших революционных событиях и призывают к спокойствию. Телеграф приносит известия о повсеместном в России признании Революции (№ 50).

⁴/₁₇. Вятка. На экстренном уездном земском собрании в присутствии служащих управы и многочисленной публики принимаются решения Петрограду и после горячих прений решается вопрос о разоружении уездной полиции. Обязанности Вр. Исполн. Комитета по охране уезда возлагается на Уездную Управу с предоставлением ей права кооптации желающих принять участие в работах К-та.

⁴/₁₇. Вятка. Розыском Гор. Испол. Комитета охраны в уездном полицейском управлении обнаружен склад винтовок в количестве 1600 шт. и до 50,000 боевых патронов.

По просьбе уездного И. К. Городской Исп. Ком. производит реквизицию лошадей у конной полицейской стражи (№№ 53, 54).

⁴/₁₇. Вятка. Исполнит. Комитет по охране города обнаруживает скрытыми у гр. Мамаева 10,000 п. крупчатки и у гр. Палкина—амбар муки. Мука конфискуется (№№ 54, 90).

⁴/₁₇. Кукарка (Советск). Состоялся многолюдный городской митинг, посвященный текущему моменту. Посланы приветственные телеграммы (№ 62).

⁴/₁₇. Орлов. Собрание земских и городских гласных с участием общественных представителей приходит к мысли организовать Общ. Комитет безопасности, который тут же в количестве 12 ч. избирается (№№ 54, 62).

⁴/₁₇. Слободской. На экстренном собрании обществ. организаций признана власть Вр. Правительства и постановлено сохранить полное спокойствие в интересах обороны страны (№№ 56, 91).

⁴/₁₇. Уржум. Духовенство в церквах огласило манифесты об отречении Николая и Михаила. Представители крестьянского населения заявили Исполн. Комитету на заседании последнего свою готовность поставлять на армию и рабочие центры весь хлебный излишек (№ 58).

⁴/₁₇. Глазов. Городская Дума в четыре раза увеличила свой недостаточный состав кооптацией представителей групп населения, обобщенных старым городским положением и пожелавших теперь работать для города (№ 59).

⁵/₁₈. Вятка. Губернатором отдан приказ о полном подчинении всех чинов администрации распоряжениям Врем. Правительства.

⁵/₁₈. Вятка. В Кафедральном соборе перед обедней еп. Никандр огласил манифесты Николая и Михаила об отречении, призывая паству к строительству новой жизни (№ 52).

⁵/₁₈. Вятка. В помещении Страхового Отдела Губ. Управы, Комитет по охране города в контакте с губернатором приступает к организации милиции, открыв запись желающих (№ 51).

⁵/₁₈. Вятка. Из местной тюрьмы освобождены политические заключенные (№ 51).

⁵/₁₈. Вятка. Городская Дума по представлению Комитета охраны включает в свой состав с правами решающего голоса по всем вопросам компетенции охраны 12 делегатов Комитета, передает последнему дело организации милиции и избирает начальником ее прапорщика Дробинина (№ 52).

⁵/₁₈. Вятка. Начальником уездной милиции приглашен присяжный поверенный А. С. Иванов (№ 53).

⁵/₁₈. Вятка. По постановлению Комитета охраны командиром и чинами 106 полка арестован начальник губ. жандармск. управления полк. Султанов и военный цензор ротмистр Богданович. Архив и имущество управления опечатаны (№№ 52 и 53).

⁵/₁₈. Вятка. Собрание служащих, мастеровых и рабочих депо ст. Вятка I избирает Революционный Исполнительный Комитет в составе 6 лиц, поручив им вести дела, связанные с работой на пользу страны, и предоставив право устранять вредных общему делу лиц. Исполнительным Комитетом немедленно производится некоторая перемена должностных лиц.

⁵/₁₈. Вятка. В зале Губ. Земск. Управы состоялось многолюдное собрание учащихся гор. Вятки, единогласно решено „манифестаций не

устраивать и даже противодействовать таковым". Собрание охранялось нарядом милиции (№ 52).

⁵/₁₈. Вятка. Собрание офицеров и солдат 106 полка постановило: предложить командиру полка полковнику Давидовичу подать в отставку (№№ 52, 55, 57, 58).

⁵/₁₈. Слободской. Организовался Комитет по охране города (№ 91).

⁵/₁₈. Село Вахрушево (Слоб. уезда). Приняв постановление о посылке приветствия в Петроград рабочие и служащие местного завода вместе с владельцем последнего обезоруживают заводскую полицию и вечером на общем собрании с жителями села организуют местный комитет общ. безопасности (№ 53).

⁵/₁₈. Сарапул. Открыл свои действия Исполн. Комитет. Обезоружена городская и жандармская полиция и приступлено к организации милиции. Местные войска на стороне комитета (№ 56).

⁵/₁₈. Орлов. Общее собрание граждан города числом около 900 ч. в Народном Доме приветствует революцию и утверждает состав Комитета. Тут же воинская команда, выражая свое присоединение к революции, берет на себя охрану города. По окончании собрания разрушается полиция. Ввиду сильного возбуждения населения против уездного исправника, последнего берут под военную охрану в комендантское управление и ночью препровождают в Вятку в распоряжение губернатора.

Комитет обнаруживает в городе у частных торговцев некоторые запасы крупчатки (№№ 54 и 62).

⁵/₁₈. Глазов. Собрание представителей обществ, учреждений и организаций города после приветствий революции постановило организовать распоряжительно-продовольственный комитет и комитет по охране (№ 65).

⁶/₁₉. Вятка. Собрание служащих Уездного Земства, полагая, что главная тяжесть работы Земства лежит на „третьем элементе“ постановило добиваться участия служащих в строительной работе Земства и избрало для этой работы в земское собрание трех делегатов (№ 53).

⁶/₁₉. Вятский уезд. Общее собрание служащих и рабочих Долгущинских заводов числом до 650 участников, заслушав доклад члена Уездного Исп. Комитета, приветствует революцию. По делам организации рабочих, наблюдения за тишиною и спокойствием и рассмотрения жалоб и претензий по продовольственным и проч. вопросам организуется Комитет из 23 членов. Кроме того, собрание избирает вр. представителя в Уездный Исполком и 4 милиционеров для целей охраны заводов (№ 58).

⁶/₁₉. Вятка. Председатель Вятск. Губ. Земск. Управы П. И. Панков получил от князя Львова телеграмму о необходимости устранения от дел Губернатора и Вице-Губернатора и о переходе их обязанностей на Губернского и Уездных Комиссаров—Председателей Управ (№ 53).

⁶/₁₉. Вятка. По предложению Временного Правительства Губ. Зем. Управа принимает постановление о созыве Губ. Продовольственного Комитета с участием представителей от уездных земских собраний, или управ, губ. управы, кассы мелкого кредита, городских дум, потребительных обществ, кооперативных товариществ, больничных касс и крестьянских союзов (№ 53).

^{6/19}. Вятка. Собрание рабочих губ. типографии выносит предложение управляющему типографии Журавлеву оставить службу. По делу назначена комиссия (№ 54).

^{6/19}. Глазов. При большом собрании граждан и представителей воинских частей заседание Распорядительно-Продовольственного Комитета принимает постановление о немедленном разоружении уездной полиции, об обследовании частных продовольственных запасов в уезде и о возбуждении ходатайства реквизировать то, что будет обнаружено (№ 65).

^{6/19}. Глазов. На совещании волостных старшин 9 и 10 участков под председательством земского начальника А. Н. Шевелева постановлено образовать в каждой волости „Комитет безопасности“, для чего созвать волостные сходы, вместо бывшей полицейской стражи предложить сходам составить народную милицию во главе с волостными старшинами и пригласить население к усиленной доставке хлеба (№ 55).

^{6/19}. Слободской. Соестоялось разоружение солдатами полиции и стражников и арест последних (№ 91).

^{6/19}. Ижевск. Начал функционировать местный Совет Рабочих Депутатов, избравший Исполком в составе 30 рабочих, 4 депутатов от войск и 7 от остального населения Ижевска. По постановлению Совета Исполком произвел многочисленные аресты администрации завода (№ 70).

^{7/20}. Вятка. Губернский Комиссар Временного Правительства вступил в отправление своих обязанностей и в помещении Губ. Земства открыл прием посетителей (№ 53).

^{7/20}. Ввиду отставки губернатора Руднева, Городская Дума выражает ему благодарность за неизменное содействие городскому общественному управлению в условиях старого режима и высказывает желание, чтобы при новом управлении он занял достойный пост, о чем довести до сведения министра внутр. дел. Одновременно с тем Город. Дума выражает свою благодарность епископу Никандру за его скорое признание Врем. Правит. и обращение к пастве (№ 54).

^{7/20}. Вятка. Городск. Дума в заседании принимает постановление затребовать от торговцев и владельцев складов точные сведения об имеющихся запасах продовольствия и обязать их впредь доставлением подобных сведений при всяком изменении запасов (№№ 54, 55).

^{7/20}. Вятка. Уездный Исполнит. Комитет в заседании принимает инструкции о порядке организации волостных милиций по уезду, о порядке разъяснения текущих событий населению и о порядке сношений просителей с Уездным Исполкомом (№ 59).

^{7/20}. Вятка. Общее собрание служащих правительственных и общественных учреждений гор. Вятки в количестве свыше 600 ч. под председательством Саламатова признало необходимость организованного союза служащих правительственных и общественных учреждений для содействия Врем. Прав. в деле закрепления свободы, для влияния на весь ход местной общественной жизни, содействия организации профессиональных и кооперативных союзов, чтоб в будущем иметь „Союз Союзов“. Собранием избран Организационный Комитет в количестве 38 чел. (№ 56).

^{7/20}. Вятка. Собрание рабочих промышленных и ремесленных предприятий г. Вятки и окрестностей с участием рабочей группы Военно-Промышленного Комитета (8 чел.), железнодорожников и др. признало

необходимым создание в г. Вятке центрального объединяющего органа в виде Совета Рабочих Депутатов. Объявляются немедленные выборы делегатов от предприятий и назначается первое собрание Совета на 12¹/₂₆ марта (№ 54).

⁷/₂₀. Вятка. Собрание педагогов города выражает свою готовность служить обновленному строю России (№ 54).

⁷/₂₀. Кукарка (Советск). Комитет охраны избранный общим собранием граждан, согласно желания жителей, возбудил пред Губернским Комиссаром ходатайство о разрешении начать дело по исклопотанию слободе Кукарке прав самостоятельной уездной единицы, независимой от г. Яранска (№ 77).

⁷/₂₀. Нолинск. Общее собрание граждан в 214 чел., в том числе 40 женщин, избирает гласного в предстоящее земское собрание.

⁷/₂₀. Нолинск. Совещание в Уездной Земской Управе постановило избрать Совет по делам управления и охраны спокойствия при Уездном Комиссаре (№№ 58 и 68).

⁷/₂₀. Слободской. По городу и уезду Комиссаром назначен председатель уездной земской управы А. Н. Шкляев. Комитет охраны постановил арестовать председателя уездного съезда Шостко, но последний заблаговременно из города „выбыл“ (№ 91).

⁷/₂₀. Белохолуницкий завод. Был прочитан манифест об отречении Николая II. Избран комитет безопасности под председательством управляющего заводом Богаевского и образована милиция под начальством трех учителей (№ 60).

⁸/₂₁. Вятка. На 13¹/₃₁ марта объявляется созыв экстренного губ. земск. собрания (№№ 53, 55).

⁸/₂₁. Вятка. В зале электро театра „Прогресс“ состоялось организационное собрание нового просветительно-политического общества Вятской интеллигенции „Просвещение“. Записалось около 70 человек. Избрано Правление (№ 56).

⁸/₂₁. Слободской. Состоялось продовольственное совещание с участием представителей от рабочих, солдат и общественных организаций. (№ 91).

⁸/₂₁. Котельнич. Уездный Комиссар созывает собрание граждан города и уезда по вопросам организации революционной власти (№ 67).

⁸/₂₁. Глазов. Собрание городской думы с участием представителей общественных организаций и воинских частей высказывается за нежелательность иметь уездным комиссаром Инихова, который был назначен на пост председателя управы „злейшим врагом свободы“, кн. Горчаковым (№№ 58 и 65).

⁹/₂₂. Вятка. Губернский Комиссар циркулярно телеграфирует по уездам о необходимости немедленной организации уездных Исп. Комитетов из представителей земства, города, войсковых частей, рабочих, крестьян и др. слоев общества для ведения всех дел охраны (№ 55).

⁹/₂₂. Вятка. Уездный Комиссар Ильинский оповещает о своем назначении и призывает население уезда к поддержке Временного Правительства (№ 54).

⁹/₂₂. Вятка. Комитет 106 полка в своем воззвании констатирует случай нетрезвого состояния солдат полка и призывает население не продавать солдатам спиртных напитков (№ 54).

⁹/₂₂. Вятка. Собрание мусульман приветствует Вр. Пр. и утверждает устав организуемого „Вятского Мусульманского Общества“ для

объединения политической, просветительной и благотворительной деятельности мусульман (№ 56).

⁹/₂₃. Котельнич. Организован и приступил к работе Вр. Исполн. Комитет по городу и уезду, избранный собранием граждан города и впоследствии (¹⁸/₃₁) утвержденный уездн. земск. собр. (№ 67).

⁹/₂₃. Кукарка (Советск). Обезоружена местная полиция. Организовался из представителей обществ. организаций Продовольственный Комитет, который и приступил к выяснению наличности предметов первой необходимости у местных торговцев (№ 62).

⁹/₂₃. Слободской. Состоялось земское собрание с участием 3-х представителей от земских служащих.

Сорганизовалась группа служащих средней школы (№ 91).

¹⁰/₂₃. Вятка. Исполнитель. Комитет охраны оповещает население о лживости слухов о будто бы скрытых в городе больших запасах сахара, муки и прочих предметов продовольствия; равным образом лживы слухи и о пулеметах, будто бы скрытых в городе и даже расставленных по колокольням (№ 55).

¹⁰/₂₃. Вятка. Организован Совет Солдатских Депутатов гор. Вятки под председательством Около-Кулак, при секретаре Трапезникове. Принято решение присоединиться к Вятск. Совету Рабочих Депут. (№ 57).

¹⁰/₂₃. Вятка. Вечером через город проехали из Сибири освобожденные депутаты Госуд. Думы с.-д. Муранов и Каменев (№ 57).

¹⁰/₂₃. Слободской. Перед зданием Гор. Думы состоялся митинг в память борцов, павших за свободу (№ 91).

¹⁰/₂₃. Орлов. Состоялась многолюдная манифестация и митинг граждан города с участием духовенства в память борцов, павших за свободу (№ 63).

¹⁰/₂₃. Нолинск. Состоялся митинг учащихся в помещении реального училища (№ 63).

¹⁰/₂₃. Комитет охраны переименован в Исп. Комитет и пополнен двумя представителями от солдат и рабочих. Председателем избран преподаватель Спасский (№ 60).

¹¹/₂₄. Вятка. Губернский Комиссар, извещая население о своем вступлении в должность, призывает всех сохранять спокойствие и продолжать заниматься повседневным трудом (№ 56).

¹¹/₂₄. Вятка. В городск. театре в 8 час. вечера состоялся первый народный митинг, организованный учащимися, при участии солдат, офицеров, рабочих и представителей всевозможных профессий (№ 60).

¹¹/₂₄. Вятка. Распоряжением военного министра по Вятской губ. приостановлена реквизиция лошадей (№ 57).

¹¹/₂₄. Вятка. Исполнительный Комитет постановил: „в ознаменование Русской Революции в первый праздник свободного народа присвоить Публичной Библиотеке имени Николая I наименование—Вятск. Публичная Библиотека имени А. И. Герцена“, как основателя ее и борца за свободу (№ 57).

¹¹/₂₄. Вятка. Исполнительный Комитет в целях охраны безопасности просит всех организаторов публичных митингов осведомлять Комитет не менее, чем за сутки о месте и времени таковых (№ 56).

¹²/₂₅. Вятка. Состоялся грандиозный первый народный праздник Революции, открывшийся в 12 ч. дня на Кафедральной площади молебном еп. Никандра и закончившийся на Александровской площади у епарх. училища провозглашением здравия свободному народу, народ-

ному правительству, армии и флоту и военным союзникам России. Парад принимали начальник гарнизона, губернский комиссар, городской голова и Исполнит. Комитет (№ 58).

¹²/₂₅. Вятка. Общество „Просвещение“ организовало первое народное чтение (Алеева) на тему: „Государственный переворот“. Было до 200 слушателей; в их числе—солдаты (№ 59).

¹²/₂₅. Организационное бюро по созыву Совета Рабочих Депутатов, вследствие доходящих до него известий о возникновении среди отдельных групп рабочих брожения на почве недовольства экономическим положением и об угрозе частичных забастовок, призывает не верить агитаторам за забастовки и пресекать в корне всякие попытки к частичным выступлениям (№ 57).

¹²/₂₅. Вятка. Управление Уездного Воинского Начальника объявляет мобилизацию чинов жандармского корпуса и полиции для отправления на фронт в трехдневный срок (№ 57).

¹²/₂₅. Слободской. Состоялось организационное собрание Слободского Учительского Союза (№ 91).

¹²/₂₅. Глазов. Чрезвычайное земское собрание уезда выбором новых гласных пополняет состав земства. С'ехалось 132 чел. с решающим голосом, в том числе почти все волостные старшины и частью волостные писаря (№ 65).

¹³/₂₆. Вятка. Исполнит. Комитет признал желательным, чтобы организации, делающие постановления об устранении каких-либо лиц, не приводили этих постановлений в исполнение, пока не будет осведомлен ими Исполн. Комитет о мотивах устранения (№ 59).

¹³/₂₆. Глазов. Корреспонденция „Вятской Речи“ указывает на усиление кумышкварения в уезде, грозящего беспорядками. Исполнит. Комитет ведет энергичную борьбу (№ 62).

¹³/₂₆. Сарапул. Уездный исправник Люминарский избран на должность заведующего городской милицией (№ 58).

¹⁴/₂₇. Вятка. В Спасском Народном Доме состоялось первое собрание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Явились 81 представитель от 36 промышленных предприятий, 22 представителя от войсковых частей и 6 от Организационного Бюро,—всего 109 чел. От имени Бюро собравшихся приветствует В. И. Бередников. После принятия приветствий Петрограду, собрание, обсудив, единогласно определяет задачами предстоящей деятельности Совета:

1. Поддержку Врем. Правит. и его местных органов в осуществлении программы, объявленной в декларации;

2. Наблюдение за местными органами для предупреждения уклонов от намеченного Правительством пути;

3. Организацию народных масс для указанных целей и для предупреждения разрозненных выступлений, могущих помешать делу обороны;

4. Защиту классовых интересов пролетариата в рамках, допускаемых моментом;

5. Широкою пропаганду идеи демократической республики и подготовку народных масс к предстоящим выборам в Учредительное Собрание.

Председателем Совета избран И. И. Войтов, товарищами—А. И. Городилов и В. А. Григоровский; секретарями—В. И. Бередников, Н. А. Кролюницкий и Князев. В Исполком избраны 21 член—13 из рабочих и 8 из солдат (№№ 60, 61).

¹⁴₂₇. Вятка. Комитет 106 полка публикует свое обращение к солдатам с призывом водворять дисциплину и порядок в частях, прекращать пьянство и разгул, повиноваться офицерам и дружно стать за работу подвига победы над внешним врагом (№ 58).

¹⁴₂₇. Вятка. Учредительное Собрание членов партии Народной Свободы организует временный Комитет с президиумом во главе и открывает широкую запись желающих вступить в ряды партии (№ 63).

¹⁴₂₇. Слободской. По телеграфному предложению Рябушинского из Москвы организовался местный Торгово-Промышленный Комитет из 22 представителей разных видов торговли и промышленности. Избраны на Московский торгово-промышленный съезд делегатами Я. В. Лихачев и купец А. Н. Платунов (№ 62).

¹⁴₂₇. Ижевск. Корреспонденция „Вятской Речи“ сообщает о заканчивании организации рабочих масс, восстановлении нормального хода работ на заводе и об организации энергичной борьбы с кумышкова-нием и хулиганством (№ 60).

(Продолжение следует).

Н. Желваков.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
1. От редакции	3
2. Вятский Научно-Исследовательский Институт Краеведения	5
3. Б. С. Лунаш. Материалы к исследованию Вятского края в рыбопромысловом отношении	12
4. С. П. Орлов. Почвенно-геологические исследования в Вятской губ.	26
5. Н. М. Каринский. Заметки о методах этнографических наблюдений. (Для приступающих к собиранию этнографических материалов, особенно для участников научных экскурсий). I. Введение. II. О методах деалектологических наблюдений. (<i>Продолжение следует</i>).	32
6. Н. М. Каринский. Программа для собирания сведений о русских народных говорах Вятского края в связи с собиранием других местных этнографических особенностей	39
7. Н. М. Каринский. Заметка о собирании особенностей языка, проникших в деревню в революционное время	45
8. П. П. Глезднев. К вопросу о научной разработке языков: мари, удмурт и коми	47
9. П. Н. Луппов. Об изучении грамотности населения по архивным документам (Опыт разработки архивных материалов Вятского края)	51
10. В. А. Танаевский. О приемах исследования обычного права Вятского края	66
11. Н. А. Желваков. Хроника общественной жизни в Вятском крае за первые месяцы революции. (<i>Продолжение следует</i>).	82

СПИСОК

важнейших опечаток и недосмотров, меняющих смысл.

Страница.	Напечатано:	Следует:
8	После 20-й строки снизу пропущена заключительная линейка, отделяющая „Положение“ от основного текста.	
27—16 строка сверху	перечене	переченье
8	„ снизу	образцы
28— 7	„ „	выяснила
29—23	„ сверху	наибольшего
30—12	„ „	основу
3	„ снизу	в 1896 г.
32	Библиографич. индекс должен быть на левой стороне.	
34—16 строка сверху	не дороге	на дороге
35—20	„ „	крестьянами
36— 9	„ „	Эж
37—13	„ „	<i>спасибо</i>
17	„ „	в слове „кашляючи“ на букве „я“ должно быть ударение.
13	„ снизу	словесности
Примеч. 1-е	Слав	Славян.
	Ц. 5. 2.	В. 5. 2.
Примеч. 3-е	Отдр.	Отдел.
39—	Библиографич. индекс должен быть на левой стороне.	
7 строка снизу	ближаших	ближайших
40—12	„ сверху	Ондрей
14	„ „	стукан
19	„ „	ладно ^У
20	„ „	то ^У
26	„ „	(есть)
12	„ снизу	см.
41—14	„ сверху	дауно (=давно),
26	„ снизу	(=церков)
23	„ „	(=деревенский)
18	„ „	Жэня
12	„ „	с кратким <i>ш?</i>
42— 7	„ сверху	тов да
21	„ снизу	есть
43— 2	„ сверху	полков
17	„ „	кого
К 62-му пункту программы относится примечание, помещенное на стр. 44-й под знаком *).		
43—19 строка снизу	мочёт	могёт
8	„ „	моли
5	„ „	— <i>еть</i>
3	„ „	мочить
44— 6	„ сверху	за соху
7	„ „	(дати)
12	„ „	тройка
47	В левом верхнем углу страницы пропущен библиографический индекс статьи: 494—2	
4 строка сверху	1830 г.	1813 г.
5	„ „	<i>Кастерна</i>
17	„ „	языка (или немецкого),
В примеч. 7 стр. сверху	называли	назвали
9	„ „	„чирмеш“
10	„ „	„чирец“
11	„ „	„меш“—„мыс“

Страница.	Напечатано:	Следует:
47 В прим. 13 стр. сверху	„чирец“	„чиреу“
3 строка „ „ „	„чирмеш“	„чирмеш“
2 „ „ „	„Коми—возтыр“	„коми—војтыр“
48— 3 „ сверху	im Anhande	im Anhange
5 „ снизу	формы, и тем	формы. И тем
3 „ „	с мноючислен. ударением	с логическим ударением
2 „ „	около подлежащих	около подлежащего
	предложения	предложения
Пропущено след. прим.: „В пункте I в приставке „ес“ курсивная буква е должна произноситься как ё.“		
49— 8 строка сверху	потому	по тому
13 „ „	удмур	удмурт
14 „ „	<i>Шочны</i>	<i>Шочмы</i>
50—11 „ „	язные	ясные
57—11 „ снизу	по приход	по приходу
59— 6 „ сверху	от 0,6 ⁰ / ₀ до 3,9 ⁰ / ₀	от 0,4 ⁰ / ₀ до 1,2 ⁰ / ₀
19 „ „	Данные 1896—92 г.г.	1880—1882 г.г.
В таблице заголовки: „ ⁰ / ₀ грамотности“ и „число подписав. свою фамилию“ стоят один вместо другого.		
60— Таблица—	Такое же перемещение заголовков.	
62— 1 строка курсива	сго	его
18 „ сверху	Салабелянская	Салабелякская
65—12 „ „	само раскрывает	самораскрывает
16 „ „	двадцатого века	девятнадцатого века
69—18 „ снизу	всевозможных	всевозможных
71— 2 „ сверху	права“.	права“ 15).
18 „ „	15).	16).
25 „ „	Эрлих,	Эрлих 17),
74— 1 „ „	положнниями	положениями
2 „ „	правтворчества	правтворчества
12 „ „	вызвало	вызвала
76—26 „ „	правтворчества	правтворчества
77—15 „ „	кмитетамн	комитетами
78—19 „ „	имеют	имеет
20 „ „	ичучении	изучении
79—20 „ „	установления	установление
80 примеч 2)	Pendekten	Pandekten
„ 5)	право	праву
„ 10)—2-я стр.	homogéne	homogéne
„ 12)	qui	qui
„ 14)	Н. Е. Трубецкой	Е. Н. Трубецкой
	Engen	Eugen

**ВОЛОГОДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.**

„СЕВЕР“

**периодический научный журнал Краеведения
СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ**

_____ под редакцией _____

проф. Н. А. Коновалова и проф. Н. М. Каринского.

№ 1

выходит в ближайшее время в объеме 15-ти
печатных листов.

Адрес редакции: **ВОЛОГДА, ГОСИЗДАТ**

Подписка на № 1 журнала в размере 150 р.

принимается по указанному адресу.

ИЗВЕСТИЯ

**Вятского Научно-Исследовательского Инсти-
тута Краеведения.**

===== **В печати № 2.** =====

12

12

